Динамичный политический детектив
ЭНТОНИ БИВОР
В интересах государства
РЕЙМОНД ХОУКИ
Побочный эффект
БРАЙАН КЛИВ
Жестокое убийство разочарованного англичанина

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роман Энтони Бивора «В интересах государства» разоблачает власть крупного капитала, черные дела западных спецслужб, двуличие буржуазной системы, кичащейся своей «демократией».

- Энтони Бивор
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78

Энтони Бивор
В ИНТЕРЕСАХ ГОСУДАРСТВА

Кинте

1

Шофер грузовика без номерного знака подался вперед и локтем протер лобовое стекло. Предгорья Анд в эту апрельскую ночь плотно окутал туман, свет фар не пробивал его толщу, и края узкой дороги порою трудно было различить. Угрожающий тон речи генерала Иньесты – радио в машине работало – отвлекал его внимание на опасных поворотах, но о том, чтобы выключить приемник, не могло быть и мысли из-за офицера, сидевшего рядом. «Los Batidores de la Muerte» – «Вестники смерти» – были известны своими расправами с противниками режима, но жестокость капитана Винсенте вызывала ужас даже среди его подчиненных. Капитан Винсенте создал себе репутацию, распяв священника в barrio[1] церкви св. Мигеля и пригвоздив его к кресту винтовочными штыками.

Шофер грузовика был не единственным вынужденным слушателем генеральской речи. Всего в нескольких километрах выше, в каменном домишке на склоне горы, Мария Картера, демонстративно вздохнув, кивнула на дешевенький транзистор:

– Если он тебя так раздражает, почему же ты его не выключишь?

Ее муж не ответил: Мария, покоряясь его воле, лишь пожала плечами. Отмечалась третья годовщина переворота, но Эрнесто по-прежнему клял генерала Иньесту, разглагольствовавшего о защите ценностей западной цивилизации.

– Всегда на страже… армейской монополии на кокаин, – с отвращением прокомментировал он. Переворот был осуществлен старшими чинами армии, чтобы замять скандал, разразившийся после того, как стало известно, что они занимаются ввозом наркотиков в США при посредничестве кубинских эмигрантов в Майами.

Кто-то из детей проснулся в соседней комнате и стал звать родителей. Схватив со стола ночник, Мария с укором посмотрела на мужа и вышла. Эрнесто что-то сердито проворчал и выключил приемник. Укор в ее взгляде заслонил собой тревогу. Жестокие репрессии, последовавшие за переворотом, коснулись главным образом тех, кто жил в больших городах, но вдруг, всего две недели назад, национальные гвардейцы расстреляли несколько campesinos[2], которые осмелились распахать неиспользуемые земли в долине. С тех пор Мария боялась, что ее обычно неразговорчивый муж позволит втянуть себя в какие-нибудь бессмысленные выступления против режима. А ведь им повезло больше, чем другим: Эрнесто сумел найти работу гида-

переводчика, и теперь она опасалась, что в случае, если его схватят, ей одной не потянуть и дом, и работу.

Эрнесто сидел на стуле у камина и, пригнувшись, смотрел в пол. До слуха его долетал голос жены, убаюкивавшей малыша за стенкой. И вдруг он уловил другой звук – звук мотора, мотора автомобиля, урчавшего при подъеме в гору. Шум стал отчетливее, и по переключению скоростей на виражах Эрнесто попытался определить, что это – грузовик или легковая машина? А машины редко появлялись в этих краях даже днем. Почувствовав, что жена стоит у него за спиной, Эрнесто обернулся. Голова ее была безвольно опущена, в глазах застыл ужас. Он не знал, как успокоить ее. Если это и впрямь «Вестники смерти», их жертва могла находиться в любом из дюжины домов, прилепившихся на склоне горы. Но страх жены передался Эрнесто, он вдруг почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Когда машина вылетела из-за последнего поворота и свет фар скользнул по окну, Эрнесто резко поднялся и, увильнув от протянутых рук жены, пересек комнату. Ничего не разглядеть – свет бил прямо в глаза. Эрнесто в растерянности повернулся к Марии, не зная, что сказать, как успокоить ее. Слышно было: машина вдруг остановилась. Резкие крики команды, в последний раз взревел двигатель и заглох, вот они спрыгивают на землю, а вот уже бегут, вот захлопнули дверцу, снова крики, щелканье затворов… Только когда раздался стук в дверь, ноги Эрнесто сами собой задвигались. Он бросился к окну, но было уже поздно.

Через два часа грузовик въехал во двор здания на авенида Изабель-ла-Католика. Волосы на голове Эрнесто Картеры слиплись, одежда пропиталась потом, хотя ночь стояла прохладная. Глаза и рот на время поездки ему залепили клейкой лентой, и в дороге он все время боялся задохнуться. Тело ныло от пинков, которыми его наградили конвоиры, от ушибов, заработанных, когда машину трясло на ухабах.

Повязку сорвали лишь после того, как его втащили в помещение и передали новым мучителям. Здесь пахло сыростью и бетоном. Когда прошла резь в глазах, Эрнесто, проморгавшись, понял, что находится в длинном коридоре, освещенном голыми лампочками, ввинченными через равные промежутки в потолок. Только тогда он по-настоящему осознал, что его ждет. И не мог сдержать дрожи при мысли о технических приспособлениях: «самолете», «подводной лодке» – и электрических устройствах, которые использовали здесь при допросах. Охранники презрительно загоготали, глядя на его мокрые брюки, а он никак не мог понять, в чем дело. Чувства стыда и отвращения к себе он уже не испытывал, лишь подумал, что если теряешь контроль над

телом, то едва ли сможешь контролировать свои слова. И все же куда хуже страха перед болью, ожидавшей его, был ужас от сознания, что ему нечего им сказать, чтобы прекратить мучения. А машина Иньесты никогда не признает, что совершила ошибку.

По прошествии суток Эрнесто Картера обнаружил, что хоть он и не жаждет смерти, но и не боится ее. Причем это равнодушие удивило его меньше, чем глубоко запрятанный страх, который он распознал в глазах своих мучителей. Это было поразительное открытие, тем более что он сделал его, когда они практически уничтожили в нем не только человеческое достоинство, но даже тело, и он знал, что инстинкт его не обманывает. Теперь, когда он уже не способен был ни на что реагировать – даже на боль, он ясно увидел, насколько этим людям не по себе.

Тощий кивнул на неподвижное тело, приваленное к испещренной кровавыми пятнами стене:

– Ну а теперь что будем делать?

– Да, наверное, то же, что и с остальными.

И опять этот страх, глубоко загнанный внутрь, подумал заключенный. Их напускное безразличие только подтверждало его догадку. На мгновение мелькнула мысль: уж не пытается ли он убедить себя в этой жалкой победе, чтобы приуменьшить унижения, которым его подвергали, но в следующую секунду он снова потерял интерес ко всему. Он был словно пьяница, у которого отказало тело и выдуло мозги. Полнейшее бессилие наконец высвободило его из их власти.

Раздался чей-то крик в другом конце коридора, и оба палача инстинктивно выпрямились. Они сразу узнали голос старшего консультанта Интеллидженс сервис, моряка-аргентинца.

– Кто это? – спросил он, остановившись в дверях камеры.

– Картера… Эрнесто… из Такаплана.

– Ну и что он?

– Да худо дело.

– То есть как это, cono[3]?

– Парализовало его. Не может говорить.

Офицер взглянул на двух юнцов, угрюмо уставившихся на истерзанное тело, – только глаза еще жили в нем, но это были глаза животного, ожидающего, когда его прикончат. Аргентинец покачал головой с едва скрытым раздражением. Он прекрасно знал, что тайная полиция должна вылавливать все, что всплывает на поверхность в результате политических катаклизмов, но Brigada de Investigacion y Seguridad[4], право же,

переусердствовала.

– Кончайте с ним. – В его голосе прозвучала усталость. – И в следующий раз делайте то, что вам приказано. Это же было лишь предупреждение. А вы, кретины, только потеряли зря время. Ваше счастье, что он не имеет никакого значения.

2

Колокола умолкли, и в церкви стало неестественно тихо. Отчего это в протестантской церкви колокола всегда звучат так зловеще, подумал Сэм Шерман. Он невольно скользнул взглядом по мраморным барельефам и мемориальным доскам, вделанным в левую стену. На самой большой из них были выбиты имена жителей селения, погибших в первую мировую войну. Большинство, как он заметил, служили в полку своего графства. Как это типично для англичан, подумал он: вместе расти и вместе умереть вдали от родины.

Тут внимание его снова переключилось на алтарь; прихожане затихли в ожидании, пока священник справится со своими бумажками и молитвенником. Внезапно по крыше забарабанил дождь, и люди инстинктивно подняли глаза кверху, хотя и не на что было смотреть. Капризы погоды так же непредсказуемы, подумал Шерман, как выигрыш в рулетку. А ведь еще в понедельник, когда он прибыл в Лондон, у многих машинисточек, стоявших в очереди за сандвичами, были покрасневшие от загара плечи и лица после первых жарких выходных дней.

Священник сделал шаг вперед и обвел глазами собравшихся, отмечая про себя тех, кто не принадлежал к его приходу, потом напомнил своей пастве, по какому случаю они собрались. А собрались они затем, сказал он, чтобы почтить память замечательной женщины, которую многие из сидящих в церкви знают как нянюшку Харден. И начнут они с гимна «Вперед, Христовы воины» – ее любимого гимна, добавил он многозначительно. Шерман не имел ни малейшего представления о том, как выглядел этот образец чопорного английского воспитания, вообще никогда о ней не слышал – только вот сейчас узнал, что она, оказывается, любила воинственные гимны. Органист взял вступительный аккорд, и прихожане покорно поднялись с мест. Запели нестройно, пока не вступил и не повел всех за собой голос священника. Шерман лишь беззвучно вторил поющим: он знал, что своим хриплым старческим пением всегда привлекает внимание в церкви.

Орган смолк; прихожане еще стояли, не решаясь сесть; в эту минуту по каменным плитам пола застучали шаги, и мужчина лет сорока с небольшим пересек пространство, отделявшее передний ряд скамей от аналоя. Цвет лица у Алекса Гамильтона был нездоровый, под глазами от усталости залегли тени. Наметившийся второй подбородок и крепкая шея свидетельствовали об излишках веса, но сшитый у дорогого

портного костюм скрывал образовавшийся животик. В одежде – за исключением костюма – Алекс Гамильтон, видимо, отбросил консервативные привычки своего класса, – откуда бы иначе взяться этим дорогим французским и итальянским аксессуарам. Неудивительно, что здесь, среди этой высокородной бедности, он выглядит столь неуместно, подумал Шерман. Все это напоминало сцену из романа Агаты Кристи, когда перед читателем впервые предстают dramatis personae[5], хотя, конечно, усмехнулся про себя Шерман, в данном случае смерть нянюшки Харден была вызвана вполне естественными причинами.

Наблюдая за Алексом Гамильтоном, Шерман подумал еще, что, обладай священник чувством юмора, он непременно выбрал бы для сегодняшнего чтения то место, где говорится насчет верблюда и игольного ушка.[6] Но это было бы не по-английски, с усмешкой подумал он, и принялся дальше обозревать присутствующих. Неподалеку от него сидела высокая нескладная девица, то и дело поглядывавшая на кого-то в первом ряду. Проследив за ее взглядом, Шерман догадался, что ее интересует не кто иной, как младший брат Алекса, Брук Гамильтон: и лицом и сложением он напоминал героя «готического» романа – живое воплощение старомодных представлений о мужских добродетелях. Да и на основе того, что Шерман слышал об образе жизни Брука, он мог лишь с восхищением констатировать, что перед ним – блистательный образчик анахронизма. Опоздал родиться на целое столетие, иначе быть бы ему среди завоевателей-первопроходцев где-нибудь в Африке в конце XIX века. Даже военная карьера Гамильтона-младшего указывала на это: частые неприятности по службе, недовольство со стороны начальства и в итоге – отставка. Англичанам такого типа свободно дышится только вдали от дома – даже и сейчас, как заметил Шерман, он выглядел на редкость нелепо в положенном по этикету темном костюме.

Кончили петь очередной гимн, и священник, сойдя с кафедры, снова встал у центрального прохода, возле первого ряда кресел. Видимо, он счел это место более подходящим, чем кафедра, чтобы обратиться к пастве в более доверительном тоне. Шерман не слушал его, размышляя о том, чем в эти минуты вероятнее всего заняты мысли Алекса Гамильтона – воспоминаниями о своей усопшей нянюшке или операциями на международных валютных рынках. Возможно даже, что сообщение о ее смерти было добавлено к телексу с указанием об очередной биржевой махинации. Шерман посмотрел на бесстрастное лицо Алекса, который, казалось, внимал викарию, рассыпавшемуся в восхвалениях неприметной старухи, – этот

властолюбец даже не потрудился придать лицу приличествующую случаю отрешенность. И еще Шерман поймал себя на мысли, что страсть к деньгам и власти у Алекса Гамильтона, возможно, объясняется неудачами в школе и отставками, которые он получал у девушек.

Чем больше Шерман наблюдал за братьями, тем труднее ему было поверить, что их что-то связывает. Держу пари, подумал он, они терпеть друг друга не могут. А как же иначе: один приспособился к «прекрасному новому миру», другой отвергает его. Этот – болезненный, тот – здоров как бык. И вот они сидят здесь бок о бок, наблюдают за тем, как рвется последняя ниточка, связывавшая их когда-то. Шермана интересовали такие контрасты: возможно, удастся вставить это в статью, которую он собирался писать.

И он опять скосил взгляд вбок, на девушку, украдкой посматривавшую на Брука, но на сей раз он заметил позади нее человека, который тоже наблюдал за передней скамьей. Это был юноша, скорее всего иностранец, который чувствовал себя в официальном костюме еще более неловко, чем Гамильтон-младший. Просто удивительно, как сосредоточенно смотрели сузившиеся глаза незнакомца. Должно быть, он почувствовал, что за ним наблюдают, и, встретившись с ним взглядом, Шерман быстро отвел глаза.

Пока пели заключительный гимн, Шерман еще раза два попытался обернуться, но молодой человек был теперь начеку и нарочито рассеянно смотрел по сторонам. Прихожане опустились на колени для последней молитвы. Время от времени Шерман утыкался лбом в сложенные руки, чтобы иметь возможность посмотреть по сторонам. Вот прозвучало последнее «аминь», и наступила неловкая тишина: все ждали, кто первый встанет с колен. Наконец люди стали расходиться и, здороваясь кивком головы, переговаривались приглушенными голосами. Шерман обнаружил темноволосого незнакомца недалеко от выхода – он стоял один и словно раздумывал, в какую сторону ему пойти. Итак, нас стало двое, подумал Шерман и продолжал исподтишка следить за Бруком Гамильтоном, который тщетно пытался остаться наедине со старшим братом.

Снаружи люди еще толклись на паперти, неуверенно поглядывая на небо, а на ступеньках стоял мужчина с зонтом и никак не мог решить, открывать его или нет. Между тем дождь кончился, хотя тяжелые серые тучи еще громоздились в небе, а капли дождя сверкали на свежей листве лип, которыми был обсажен церковный двор. Порывистый ветер стряхивал капли на землю, и это-то поначалу и ввело всех в заблуждение. Но

недоразумение быстро рассеялось, человек, стоявший на ступеньках, двинулся, не раскрывая зонта, и прихожане потянулись за ним по гравийной дорожке.

Выйдя на улицу, Шерман взглянул на небо и застегнул плащ. За оградой у самых ворот он заметил коричневый «роллс-ройс». У дверцы уже стоял шофер, который вылез из машины, как только первые прихожане вышли из церкви. Что-то во внешнем облике человека на заднем сиденье привлекло внимание Шермана. Может быть, подойти к автомобилю и взглянуть на таинственного незнакомца или все-таки не упускать из поля зрения Алекса Гамильтона, который в этот момент прощался с викарием? Его брат стоял рядом, видимо все еще надеясь поговорить с ним наедине, однако следом за Алексом и ему пришлось обменяться рукопожатием с викарием и сказать несколько лестных слов о только что закончившейся церемонии.

У ворот еще толпились прихожане, казалось, они не хотели расходиться по домам – словно зрители в театре, дожидающиеся, пока не откланяются два ведущих актера. Брук Гамильтон явно так и не удостоится аудиенции у своего братца. И Шерман, уткнув подбородок в воротник плаща, направился к воротам, дабы исподтишка взглянуть на пассажира «роллс-ройса».

Не успел он поднять глаза, как встретился взглядом с человеком на заднем сиденье – тот в упор смотрел на него. Шерман тотчас узнал это бескровное лицо с очками в прозрачной оправе и поспешно отвернулся, делая вид, будто ищет кого-то на паперти. Доктор Юджин Бэйрд принадлежал к числу тех представителей академического мира, которых чаще встретишь в официальном Вашингтоне, чем в студенческой аудитории, – именно там раза два и встречал его Шерман. Остается лишь надеяться, что он не узнал меня, подумал Шерман. Надо же быть таким неосторожным.

То обстоятельство, что Бэйрд знаком с Гамильтоном, поначалу озадачило Шермана, но он тут же вспомнил слухи, курсировавшие в свое время в Вашингтоне. Несколько лет назад в прессу просочились сведения о том, что ЦРУ тайно финансировало исследования, проводившиеся в Лондонском институте по изучению проблем свободного мира. В итоге субсидии с американской стороны были прекращены, но последняя выплаченная сумма была настолько крупной, что Институт смог продержаться, пока несколько частных компаний не взялись помогать ему. Кто-то сказал Шерману, что главным финансистом вроде бы становится теперь Алекс Гамильтон. А Бэйрд не получил желанного места в Вашингтоне и потому в лепешку разобьется, чтобы возглавить Институт, с мрачной

усмешкой подумал Шерман. Он был невысокого мнения о всех этих профессорах из области текущей политики, что вечно рвутся руководить международными отношениями.

– А-а, Джин! – воскликнул Алекс Гамильтон, пока шофер открывал ему заднюю дверцу. – Я вижу, Джордж встретил вас и все в порядке. Как долетели?

– Спасибо, Алекс, прекрасно. На сей раз без опозданий.

– Ну что ж, сейчас поедем, но сначала я должен сказать два слова брату. – Он обернулся. Брук, едва скрывая нетерпение, уже стоял у него за спиной. – Послушай, я, право, очень хотел бы поболтать с тобой, но, как видишь, Джин только что прилетел из Штатов, и у нас куча дел. Лучше всего позвони моей секретарше и назначь день, когда мы сможем пообедать вместе. Просто назови ей ресторан, который ты предпочитаешь. Она сама закажет столик. Так или иначе, рад был повидать тебя. Служба, по-моему, прошла превосходно, правда? Няня была бы довольна. – И, сверкнув улыбкой, он кивнул и исчез в автомобиле.

Даже издалека Шерман заметил, как натянуто Алекс Гамильтон говорил с братом и как поспешно он удалился. И Шерман переключил внимание на Брука – понять чувства, владевшие им в ту минуту, не составило особого труда.

А Брук Гамильтон кипел от ярости, направляясь к своей машине. Уже несколько дней он пытался связаться с братом, но каждый раз секретарша, явно желая от него отвязаться, отвечала, что тот еще не вернулся из-за границы. На этот раз Брук был уверен, что их разговор наконец состоится, однако Алекс прибыл прямо к началу службы. Брук вспомнил пышный венок, к которому была приколота карточка, отпечатанная той же секретаршей. Все делалось само собой, а великий человек, не утруждая себя мелочами, лишь контролировал исполнение. И то, по поводу чего он хочет встретиться с братом, не без горечи подумал Брук, тот тоже скорей всего отнесет к мелочам жизни.

Его раздражение увеличилось, когда не удалось сразу открыть дверцу старенькой машины – он вставлял ключ бородкой наоборот, – потом двигатель отказывался заводиться из-за долгой стоянки под дождем. Наконец удалось вдохнуть в него жизнь, автомобиль тронулся, и Брук постарался утешиться мыслью, что поговорить толком о письме Эрнесто среди такого скопления народа все равно бы не удалось. Его злило, что он невольно оказался в столь сложном положении, но осознание этого обстоятельства ничего не меняло. Он нажал на газ и помчался по улице в направлении Лондона. Мысли его были всецело заняты

письмом, лежавшим в боковом кармане пиджака, так что он не обратил внимания на темноволосого молодого человека, пристально следившего, как он покидал селение.

В прошлом году Брук предпринял небольшую экспедицию в Анды, и Эрнесто был одним из его главных помощников. Успех дела зависел от помощи Алекса, чьи связи с режимом генерала Иньесты, державшиеся на крупных капиталовложениях в горнодобывающую промышленность, помогли избежать обычных в этих местах проволочек. Брук никогда не любил хоть в чем-то чувствовать себя должником старшего брата, но в данном случае у него просто не было выбора; к тому же он чуть ли не впервые обратился к нему с просьбой. И вот теперь вдруг это письмо с призывом о помощи – скорее всего, написанное в тюрьме. По его воспоминаниям, Эрнесто был трудягой без особых политических симпатий, хотя вполне возможно, что он воздерживался от высказываний в присутствии иностранца, чьи связи среди сильных мира сего были хорошо известны. Именно поэтому я и получил письмо, подумал Брук. Меня, по-видимому, рассматривают как некоего deus ex machina[7], от которого только и можно ждать спасения при такой коррупции. Его бесило то, что он оказался в таком положении, даже не зная, что же произошло. А кроме того, едва ли Алекс станет вмешиваться в действия правительства, с которым у него столь выгодные деловые отношения. Отчаяние, каким был пронизан этот призыв о помощи, Брук поначалу приписал столь свойственной латиноамериканцам страсти драматизировать события, но позже понял: это не так. Он понимал, что злится на Эрнесто за письмо, и презирал себя за это. Словом, у него не оставалось другого выхода, как обратиться за помощью к Алексу, хотя бы это и не принесло никаких результатов. Тогда по крайней мере он будет знать, что сделал все, что в его силах.

А это значило, что придется снова звонить бесцеремонной секретарше, купающейся в лучах славы своего босса. Чего стоит хотя бы фраза, с которой она начинает любой разговор, подняв телефонную трубку: «Личный помощник мистера Гамильтона слушает». И потом, садясь в машину, Алекс сказал: «Просто назови ей ресторан, который ты предпочитаешь». Брук терпеть не мог рестораны с претензией на роскошь, где честолюбию его брата льстило подобострастие, с каким к нему относились метрдотели.

«Джин только что прилетел из Штатов, и у нас куча дел», – вспомнилось ему. Конечно, таким людям дорога каждая минута. Но уж никак не жизнь какого-то гида в Андах. Кстати, Юджин Бэйрд не понравился ему с первого же взгляда, не понравился его

стерильный вид, его глаза без всякого выражения. Не человек – вобла сушеная. И кем надо быть, чтобы тебя звали – «Джин»? Брук был благодарен судьбе за то, что его собственное имя не допускало уменьшительных форм, столь любимых теми, кто переходит на фамильярный тон с первой встречи. Внезапно он понял, что ведет машину с непозволительной скоростью, и заставил себя расслабиться.

Андрес Дельгадо проводил глазами автомобиль Брука Гамильтона, пока тот не скрылся из виду, и облегченно вздохнул. Его обнадеживало выражение лица, но огорчило то, что братья так и не поговорили друг с другом. Все сразу прояснилось бы, получи Брук недвусмысленный отказ старшего брата, а ведь он, Дельгадо, может ждать только еще один день.

И он направился к автобусной остановке. Ему не давало покоя письмо, которое он написал. Право же, это не подлог, убеждал он себя, там все – правда. Конечно, именно так написал бы Эрнесто Картера, будь у него возможность. Андрес осторожно шагал по дороге, стараясь обходить лужи: ботинки окончательно прохудились. Они казались ему чужими – возможно, потому, что он никогда не чистил их до сегодняшнего утра. Ему не терпелось поскорее вернуться в Лондон и переодеться, скинуть костюм, снять галстук – в такой одежде он чувствовал себя неуютно. Ему даже стало казаться, что все местные жители, проходя мимо автобусной остановки, как-то странно посматривают на него.

Оставалось еще пятнадцать минут до прихода автобуса. Дверь пивной, расположенной напротив, была открыта, но он знал, что в подобных заведениях, где всегда мало посетителей, каждый незнакомец вызывает любопытство. Из-за овладевшего им напряжения умиротворенный покой, царивший в селении, казался удушающим, исполненным сытого самодовольства. Такое же чувство охватило его и в церкви, во время проповеди священника, когда тот заговорил о господней справедливости и благородстве смерти. Ему захотелось вскочить и закричать, что в его стране смерть отвратительна, но он знал, что это бессмысленно. На него посмотрят, как на умалишенного. Они все равно ничего не поймут. В конце они пели гимн «На прекрасной зеленой земле Англии» – вот все, что они хотят видеть, когда правда за пределами их страны слишком омерзительна. Разве что самолет время от времени пролетит в вышине и напомнит им, что существует другая жизнь. Но даже гул его моторов они постараются как можно скорее выбросить из памяти. Что они знают об изнуряющей жаре, о смраде в трущобах, где живут

большеглазые, истощенные постоянным недоеданием дети, а по улицам расхаживают вооруженные полицейские в солнцезащитных очках и мундирах мышиного цвета, с непременной жевательной резинкой за щекой. Но главное, они и понятия не имеют о тюрьме Сан-Фернандо в Тортосе, главном городе провинции. Они, конечно, не одобрили бы такого, но ненависти у них бы это не вызвало, потому что им неведом животный страх.

От отчаяния Андрес даже затряс головой и в ярости пнул ногой землю, но тут же спохватился: не заметил ли кто, как он беснуется, – нет, все спокойно, у лавки мясника по-прежнему мирно беседуют две женщины. Здесь он ощущал себя, как во сне – верилось, что это не так, только потому, что, как говорится, своими руками потрогать можно. Эту сельскую Англию, словно сошедшую с рекламного проспекта, отделяла от Латинской Америки вечность. И он подумал, что невольно принял на себя роль карающего ангела, мстящего за человека, которого он никогда не видел. Простого montanes[8], весь смысл жизни которого – в смерти. Андрес ругнул себя, а заодно и судьбу за столь горькую эпитафию.

3

Алекс Гамильтон почувствовал тайное удовлетворение, когда его гость, отложив меню, принялся разглядывать портреты, развешенные по стенам. Обед в этом клубе всегда производил должное впечатление на американцев, и Юджин Бэйрд, видимо, не был исключением. Зала отличалась удивительно красивыми пропорциями, а среди картин висели работы Ромни и Лоренса. Как всегда, Алекс небрежно давал пояснения – так, будто все это принадлежало ему. На мгновение Бэйрд зажмурился, поправляя очки в светлой оправе. Затем открыл глаза и машинально продолжал смотреть на портреты, о которых рассказывал Гамильтон, а сам думал о меню: цены в нем не были проставлены, что свидетельствовало об исключительной привилегированности заведения, куда он попал.

Как раз то, чего так рьяно, судя по слухам, добивается Алекс Гамильтон: прыгнуть как можно выше, чтобы поскорее забылась его подмоченная в предыдущее десятилетие репутация. Поговаривали, что тогда министерство торговли устроило расследование деятельности одной из его компаний, и, хотя Бэйрд этого не знал, Гамильтона чуть не забаллотировали при приеме в клуб шесть лет спустя. Алекс Гамильтон ненавидел Сити за столь длинную память. В его глазах это было сущим лицемерием, ибо буквально все его коллеги прошли через подобные неприятности. Кроме того, он всегда утешал себя мыслью, что аристократы, ведущие род от вигов, которые учредили этот самый клуб, наверняка обязаны своим состоянием какому-нибудь пирату-предку или любовнице короля. Его собственная семья – хотя и не столь выдающаяся – не исключение: ведь вся его деятельность как раз и была направлена на исправление безрассудств, допущенных прадедом. Он поймал себя на том, что совсем оставил без внимания гостя, и с улыбкой обратился к нему:

– Я думаю, нам стоит отметить это событие, Джин. Все уже готово для проведения пресс-конференции, на которой будет объявлено о вашем назначении.

– Право же, Алекс, я прямо не знаю, что и сказать. – Бэйрд улыбнулся своими тонкими бескровными губами. – И искренне ценю вашу поддержку в этом деле.

Алекс Гамильтон внутренне расхохотался: до чего же дешево обходятся эти профессора. Правда, в этой области английским компаниям еще далеко до американских.

– Вот что я вспомнил, – помолчав, сказал Бэйрд. – Пока я

дожидался вас у церкви, я там мельком увидел одного нашего журналиста. Мы с ним, помнится, сталкивались в Вашингтоне. Вылетела из головы его фамилия, хотя почти уверен, он работал в «Вашингтон пост». – Гамильтону это явно не понравилось, хоть он и попытался скрыть раздражение. – Если он по мою душу, то я дам вам знать, хотя не понимаю, что он нашел интересного в сегодняшней панихиде.

Гамильтон только пожал плечами и некоторое время смотрел на своего гостя. Мало кто мог спокойно вынести этот пристальный взгляд немигающих глаз под набухшими веками. И чтобы прервать молчание, Бэйрд поспешно добавил:

– Выглядит как бывалый газетчик. Ему, пожалуй, лет шестьдесят.

Жестом Гамильтон дал понять, что считает этот вопрос недостойным дальнейшего внимания, и придвинул стул поближе к столу. Он прикинул, что к завтрашнему дню его человек в Вашингтоне уже все выяснит.

– Знаете, Алекс, – Бэйрд понял, что разговор о журналисте исчерпан, – я проанализировал ситуацию в ООН. Судя по тому, что я вчера слышал, давление на южноамериканском фронте усиливается.

– Я в курсе. И хотел бы узнать ваше мнение по этому поводу.

Бэйрд заговорил, как всегда монотонно, слегка в нос, широко пользуясь жаргоном, но ничем не выдавая собственного мнения. Гамильтон цинично усмехнулся, вспомнив презрительное отношение своего собеседника ко всякого рода идеалам в политике, которые он считал незрелой и сентиментальной белибердой. А вот его-де суждения научно-объективны и не зависят от системы ценностей, но Алекс Гамильтон прекрасно знал, что Бэйрд отнюдь не принадлежит к числу холодных, бесстрастных аналитиков. Ученые не очень-то свободны от тщеславия, и тот же Бэйрд однажды с горечью жаловался нескольким людям на происки радикалов, лишивших его Нобелевской премии.

Вспомнив об этом и продолжая наблюдать за своим гостем, сосредоточенно потягивавшим минеральную воду, Гамильтон не мог удержаться от улыбки. Бэйрд был трезвенник – не пил из страха повторить путь отца-алкоголика. Это казалось Гамильтону патетически наивным. Таким же примитивным, как одержимость древнегреческих трагиков идеей рока, который преследует людей из поколения в поколение. Преодолел же он беспомощность своей презренной семьи в финансовых делах. Он положил руки на край стола, как бы давая понять, что обед окончен.

– Думаю, мы могли бы попить кофе в библиотеке.

– Конечно, – отозвался Бэйрд, вставая из-за стола вместе с ним. – Превосходный обед, Алекс.

Гамильтон привычно улыбнулся и жестом предложил гостю пройти вперед.

– С сахаром? – спросил он, когда они снова уселись за столик. Бэйрд отрицательно покачал головой. – Возвратимся к Латинской Америке, – начал Гамильтон, достав не спеша две таблетки сахарина из серебряной табакерки. – Западные правительства, несомненно, отдают себе отчет в том, что они должны действовать здесь с предельной осторожностью.

– Конечно.

– Следовательно, хотя любая моральная позиция была бы невыгодна, им, возможно, придется проявить большую щепетильность в вопросах торговли с непопулярными правительствами этого региона.

– Например, с правительством генерала Иньесты?

– Вот именно, – сухо подтвердил Гамильтон. – Поэтому необходимо как можно оперативнее принять меры, которые облегчили бы бремя, лежащее на их совести. Вот здесь Институт и может сыграть решающую роль. Поэтому мне хотелось бы попросить вас приступить к работе над докладом. Вы понимаете, что я имею в виду – данные, подтверждающие рост валового национального продукта и жизненного уровня населения с тех пор, как был восстановлен порядок в стране, и так далее и тому подобное. Сколько, по-вашему, потребуется времени, чтобы такое создать?

Юджин Бэйрд слегка смутился от бесцеремонности, с какою была изложена просьба: дорогим куртизанкам не принято говорить в глаза об их обязанностях. Он ожидал большей тонкости при обсуждении подобных проблем, хотя и полностью разделял цель, ради которой это предпринималось.

– Я, очевидно, дам вам знать, как только войду в курс дела.

* * *

Был ранний вечер, и посетителей в баре сидело немного, поэтому Брайан Дандас от скуки принялся разглядывать армейские плакаты, развешанные по стенам. Посетители были типичными завсегдатаями подобных заведений в Белгрэвии. Дандас был уверен, что никто из них тут не живет – всех главным образом притягивала престижность места. Потянувшись за стаканом с пивом, стоявшим перед ним на столике, он снова

взглянул на часы. И поморщился от раздражения.

Тощая блондинка за стойкой, в красном свитере и джинсах, работавшая здесь барменшей на полставки, давно приметила его плотную коренастую фигуру, одиноко торчавшую за столиком в дальнем углу зала. Типичный шотландец, он выглядел здесь чужеродным элементом по сравнению с бойкими, кричаще одетыми юнцами, завсегдатаями бара, которые из кожи вот лезут, чтобы произвести впечатление на девчонок, и громко хохочут над их шуточками. Возраста он был самого неопределенного, а порицание, с каким он поглядывал вокруг, казалось, выдавало в нем провинциала строгих правил.

Действительно, инспектору Дандасу было не по себе в этом месте, к тому же его раздражало затянувшееся ожидание. Привел его сюда телефонный звонок от бывшего коллеги, а он не успел сориентироваться, чтобы предложить другое место встречи. Как раз во вкусе Майка Кларксона, подумал он. В свое время, когда Дандаса перевели из Манчестера в столичную полицию, они работали вместе в Спецслужбе[9]. Майк, помнится, всегда выпендривался и с высокомерием столичного сноба даже прозвал Дандаса Прямолинейным Шведом. Майк нарочито коверкал его манчестерский выговор, делая вид, что по-дружески подтрунивает над ним.

Когда Майк Кларксон вошел в бар, Дандас увидел, как он сначала приветливо махнул барменше, а уж потом огляделся. Он был в пиджаке с блестящими пуговицами и походил скорее на преуспевающего торговца, чем на бывшего полицейского. Откинув назад свои непослушные светлые волосы, Кларксон направился в глубину зала и, остановившись у столика Дандаса, положил руку ему на плечо.

– Прости, что задержался, старина. Неприятности на работе. Подожди, только возьму что-нибудь выпить. Как ты? Пьешь все то же? – Подавив раздражение, Дандас кивнул. – Боюсь, тут нет ньюкаслского коричневого, – пошутил Кларксон, направляясь к стойке.

И принялся болтать с барменшей, пока та наполняла стаканы. Дандас снова взглянул на часы. Хорошо еще, что он сообразил приехать на машине, хотя до дому все равно добираться не меньше двадцати минут. Он устал и был голоден, к тому же не успел заехать за продуктами. А в квартире, насколько он помнил, хоть шаром покати, если не считать пары рыбных палочек в холодильнике.

Он вздрогнул, когда на столик, за которым он сидел, с грохотом опустился стакан. Дандас поднял глаза и увидел расплывшуюся в улыбке физиономию Кларксона.

– Ну, как дела? Не думаю, чтоб они были столь же мрачны, как твоя физиономия.

– Все как обычно, – коротко ответил Дандас с легкой гримасой.

– Как всегда перерабатываешь и мало получаешь. Я же говорил тебе в последний раз, когда мы виделись, что, если ты надумаешь…

– Если такое произойдет, то я свяжусь с тобой.

– Все вы, идеалисты, одинаковы: хотите, чтобы такие, как я, чувствовали себя виноватыми.

Кларксон достал из кармана пачку сигарет и протянул ее собеседнику через стол. Дандас помедлил и взял сигарету. На руке Кларксона он заметил шикарные электронные часы и подумал, что они как раз по владельцу.

– Каждый сам за себя решает, – сухо заметил он и наклонился, чтобы прикурить.

– Совершенно верно, – отозвался Майк, выпуская дым в сторону. – Но часто ли нам предоставляют такую возможность? Я как раз и не мог смириться со всей этой бюрократией и писаниной.

Дандас внутренне поморщился. Можно и так сказать, подумал он. В свое время Кларксона не раз предупреждали, что он срезает слишком много углов.

– А как твои дела? – Он чувствовал себя обязанным задать этот вопрос.

– Блестяще, просто блестяще, – расплылся в улыбке Кларксон. – Растем. Ты ведь знаешь, сколько народу работает теперь в частной полиции. Вы как бедные родственники по сравнению с нами.

– Что ж, выходит, закон и порядок перешли в частные руки?

Кларксон неуверенно хохотнул и попытался переменить тему, но Дандас не поддержал разговора. Настоящий салунный шпик, с мрачным удовлетворением подумал он, хваля себя за точно подобранное определение.

– Послушай, ты говорил, что дело срочное, а время идет.

– М-да, конечно, – откликнулся Кларксон и на секунду задумался, подбирая слова. – Верно. Перехожу прямо к делу (эх ты, северянин, все тебе давай напрямик). – И улыбнулся. – Так вот, в эту субботу в Лондон прибывает один наш очень важный клиент. Без всяких штучек – просто для небольшой операции. Ты же знаешь, частная медицина переживает настоящий бум на иностранном валютном рынке.

– Мы что, обсуждаем твоего клиента или подпольный экспорт?

– Да подожди ты, Брайан, дослушай меня. Одним словом, наш клиент прибывает исключительно по соображениям здоровья…

– Прекрасно, а какое это имеет ко мне отношение? Давай экономить время: для начала – кто он?

– Хорошо, – сказал Кларксон, словно соглашаясь на уступку. И поставил стакан на столик. – Его зовут Иньеста, генерал Иньеста. Его имя должно тебе быть хорошо знакомо, и ты знаешь, что в Лондоне живет вполне достаточно политических эмигрантов из Латинской Америки, которые много бы дали, чтобы увидеть его мертвым.

– По-моему, наше правительство осудило его режим.

– Ну, не стоит принимать это всерьез. Правительство Ее Величества вынуждено было пойти на такую меру, чтобы успокоить общественное мнение, – даже Вашингтон и тот выразил неодобрение. Надо делать вид, будто мы крайне озабочены тем, что в мире происходят такого рода события, хотя этот Иньеста нам нужен и нужны ресурсы его страны. Но все это так, для сведения, а на самом деле Уайтхолл втихую одобрил его визит.

Дандас некоторое время смотрел на крышку столика, затем поднял на собеседника глаза.

– В таком случае, я полагаю, нас проинформируют и проинструктируют обычным путем.

– А-а, давай без этой официальщины, Брайан. Нечего принимать со мной такой тон. Ты же прекрасно знаешь, что обычные каналы в подобных случаях закрыты. Согласись, ты ведь еще ничего не слышал об этом. Верно? – И он выжидательно посмотрел на Дандаса. – Я лишь хочу, чтобы ты был в курсе, – добавил он примирительным тоном.

Дандас только пожал плечами, заметив, как Кларксон машинально кинул взгляд в сторону открывшейся двери.

– Эй, глянь-ка, – ткнул он Дандаса в плечо. – Ну и грудь – просто руки чешутся.

Дандас мельком взглянул в указанном направлении и, не ответив, принялся за пиво.

– Интересно, она из тех, кто ищет клиентов? – продолжал Кларксон, ничуть не смутившись отсутствием реакции со стороны собеседника. – Могла бы заработать целое состояние – с такими-то формами. Я не рассказывал, что у меня случилось с одним арабским клиентом? Временами я чувствую себя нянькой при них. Так вот, у него была подружка из агентства, снабжающего девочками, и этот идиот избил ее за то, что она не соглашалась на какие-то его штучки. Ну, ты понимаешь, что я имею в виду? Эти арабы прямо чокнутые в таких делах. Кончилось тем, что мне

пришлось этим заняться, уговорить ее забрать заявление из суда – за деньги, разумеется. Она получила за это целое состояние, хоть и была обыкновенная шлюха, но он мог себе такое позволить.

Брайан Дандас молчал. Он думал о том, чего только нет в Лондоне: и проституция, и азартные игры, и торговля бронированными лимузинами, и «отделка» квартир. Город, где все продается и покупается.

– Ладно, старина, – сказал Кларксон, положив руку ему на плечо. – Не грусти. Скоро и тебе придется попрыгать. Раз ты торопишься, я буду краток. Ваш отдел должны были бы уже проинформировать о мерах по предупреждению возможного покушения, так что это не мое дело. А вот что касается организации личной охраны нашего гостя, тут я действительно рассчитываю на твою помощь.

– Хорошо. – Дандас устало вздохнул. – Давай сюда их досье и не забудь про номера оружия.

– Спасибо, – осклабился Кларксон. – Я знал, что ты поможешь мне ради старой дружбы. – Вынув из кармана сложенный вчетверо листок, он протянул его через столик. – Вот, здесь все. Во всяком случае, все, чем мы располагаем.

Брайан Дандас не торопясь развернул листок и, просмотрев его, сказал:

– Нужна фамилия, настоящая фамилия этого типа, по кличке Жак, а также номер его паспорта.

– Конечно, Брайан. Первым делом сообщу утром, как только узнаю. Может, выпьем на дорогу?

4

– Кому еще налить чаю? – спросил Мэттью Белл.

– Только, если не ты его заваривал, – сказала со своего места Ева Лэмберт. – Ты единственный из моих знакомых, кто не знает, как надо заваривать чай в пакетиках.

Мэтти только ухмыльнулся в ответ. Он был коротышка, с вьющимися каштановыми волосами, производившими впечатление съехавшего набок парика. Круглые очки и крупный нос делали его похожим на еврея, и, пользуясь этим, он нередко разыгрывал окружающих. У него уже вошло в привычку высмеивать свою внешность.

– Ты сама вызываешься заваривать чай? – отреагировал он.

– Только для того, чтобы ты нас не отравил. – И, даже не взглянув на него, Ева поднялась со старенького креслица и обратилась к человеку, все это время молча маячившему у окна: – А ты будешь пить, Джон?

– Да, спасибо, – ответил тот, не отрывая глаз от улицы, за которой он наблюдал. Смеркалось.

– Все еще нет? – спросил Мэттью, хотя прекрасно знал, что Джон оповестил бы их. Молчаливый наблюдатель покачал головой. Он не понимал Мэттью – неужели обязательно надо болтать, лишь бы заполнить тишину. Вдруг его внимание привлек человек в кепке, появившийся на противоположной стороне улицы. Мэттью заметил, как пригнулся к стеклу Джон, и подошел к окну, чтобы понаблюдать из-за его плеча. Они увидели, как человек, быстро оглядевшись, перешел на их сторону улицы.

– Это Андрес, – первым узнал Мэттью. – Интересно, что бы могло его так задержать. И где же этот чертов Нил.

– Скоро будет.

– Вам класть сахар, ребятки? – Это вернулась из кухни Ева с двумя кружками чаю в руках.

– Андрес прибыл наконец, – на ходу бросил Мэттью, выхватил у нее из рук кружку и, улыбнувшись в знак благодарности, пошел открывать дверь.

Ева направилась к Джону, чтобы дать ему кружку, – светлые волосы упали ей на лицо, одна прядь зацепилась за дужку очков, и она отбросила ее рукой. А Джон, зажав в руке кружку, продолжал наблюдать за улицей. Ева улыбнулась про себя: ей нравилась его грубоватая неловкость; она сама была застенчивой, но у нее это проявлялось в неожиданной агрессивности.

– А-а, сеньор Дельгадо, наконец-то, – услышали они голос Мэттью. – Сегодня ты выглядишь еще таинственнее, чем обычно.

Пешком?

– Перестань, Мэттью. – Акцент Андреса сразу выдавал латиноамериканца, выучившего английский по голливудским боевикам. – Кто-то шел за мной по пятам. Где Нил? – спросил он, как только оказался в комнате.

– Пока не появлялся. А ты уверен, что за тобой следили? Может, просто…

– Нет-нет, это не мое латинское пристрастие к конспирации, как ты обычно выражаешься. Я улизнул от него на Пикадилли.

– Кто это мог быть, по-твоему? – спросила Ева.

Андрес пожал плечами и бросил плащ на стул.

– Либо Интеллидженс сервис, либо кто-то из Спецслужбы. Последнее время они работают в таком тесном контакте, что их стало невозможно различить: судя по всему, взялись всерьез за эмигрантов.

Ева заметила, что он еле сдерживается. Глаза его выдавали огромное внутреннее напряжение. Она осведомилась, сумел ли он поесть. Андрес с улыбкой кивнул, и лицо его на мгновение расслабилось, потеплело.

– Ну что, есть новости? – спросил Мэттью.

– Он прибывает буквально на днях. Вот и все.

– А нам так и не удалось узнать детали?

– Нет, – кратко ответил Андрес. – Во всяком случае, придется подождать, пока не вернется Нил. – Видно было, что нервы его начинают сдавать. Он взялся было за вечернюю газету, но тут же в сердцах отшвырнул ее, едва проглядев заголовки на первой странице.

– Вот и он, пожалуй, – тихо произнес Джон, продолжавший стоять у окна. Андрес пересек комнату и по примеру Мэттью заглянул в окно через плечо Джона.

Нил Форбс с порога извинился за опоздание – по акценту сразу стало ясно, что это шотландец, – и вопросительно посмотрел на Андреса.

– Дела не блестящие, – сказал тот. – Как я уже говорил Мэттью, Интеллидженс сервис и Спецслужба всерьез принялись за нас, и нам удалось выяснить лишь то, что Иньеста прибывает в ближайшие дни. Но мы не знаем даже, каким путем.

– Он очень болен?

– Думаю, что нет. Просто какая-то небольшая операция.

– Понятно, – проронил, принимая чай из рук Евы, Нил. – Надеюсь, тебе не приходится работать в одиночку?

– А что поделаешь. Мэттью запросил пощады.

– Вот лентяй проклятый!

– Ради всего святого, Нил, можно наконец начинать? –

вмешался Андрес.

– Подожди. Сначала расскажи нам, как обстоят дела.

Андрес стал рассказывать об Эрнесто.

– К какой партии он принадлежал?

– Насколько я знаю, ни к какой.

– Почему же тогда его арестовали?

– Многие пробалтываются, когда им к пальцам прикручивают электроды, – с горечью ответил Дельгадо. – Пытают даже членов семей. Эрнесто участвовал в экспедиции этого типа, Брука Гамильтона, в прошлом году. А у Брука есть брат, у которого немало вложено в нашу промышленность… и он, естественно, помог Бруку благодаря своим особым связям с генералом Иньестой.

– Закодированные счета в банке всегда придают связям особый характер, – заметил Мэттью, но все пропустили это мимо ушей.

– Вчера Алекс Гамильтон вернулся из-за границы, – продолжал Андрес, – и наверняка встретится с сеньором генералом, пока тот будет в Лондоне. Если не по делам, то просто из вежливости.

– Уж не собираешься ли ты обратиться за помощью к братцу?! – в ужасе воскликнул Нил. – Он же бывший армейский офицер!

– Как раз это я и собираюсь сделать. Но прежде чем взрываться, припомни, что он всегда был на ножах с начальством и вынужден был подать в отставку. Несмотря на воспитание, которое он получил, это человек без корней.

– А его политические взгляды? – спросила Ева.

– Непонятная мешанина. Терпеть не может индустриальное общество и осуждает алчных людей вроде своего брата, хотя в остальном, по всей вероятности, типичный реакционер. Но самое главное, что он безусловно почувствует себя ответственным за то, что случилось с Эрнесто Картерой.

– По-твоему выходит, он, того и гляди, начнет превозносить феодализм, – заметил Мэттью.

Нил не рассмеялся вместе с друзьями. Он был всерьез озабочен, и замечание Мэттью вызвало у него раздражение, хотя он и сам не понимал почему.

– Ладно, – примирительно сказала Ева, желая вывести Андреса из затруднительного положения. – Скажем, он принадлежит к тем романтическим натурам, которые готовы бороться только против иноземной тирании. А вот чего я не понимаю, так это зачем Иньесте понадобилось приезжать сюда на лечение. Потому что он не доверяет врачам у себя дома?

– Нет. Я думаю, что, скорее всего, он хочет воспользоваться этим предлогом, чтобы попытаться добиться дипломатического признания.

– Слишком опасно доверяться романтику, – стоял на своем Нил, возвращая разговор к Бруку Гамильтону.

– А что ты предложишь взамен? Либо он, либо остается звонить в министерство иностранных дел с просьбой сообщить нам адрес клиники, куда поместят Иньесту: хотим-де передать ему виноград. – Нил открыл было рот, чтобы возразить, но Андрес опередил его: – Послушай, ты же не думаешь, что я подойду к нему и скажу, что мы намереваемся совершить покушение на генерала Иньесту! Конечно, опасно втягивать его, но у нас просто нет выбора. А то, что это дело рискованное, я знаю не хуже тебя.

– Ну и что же ты в конце концов предлагаешь?

– Попробую с ним связаться. Не сообщая ни подробностей, ни имен. Для начала просто расскажу ему о судьбе Эрнесто Картеры и спрошу, не согласится ли он сообщить нам кое-какую информацию, которая станет ему известна. Естественно, ни звука о приезде Иньесты.

– А потом?

– Все будет зависеть от того, обнаружу ли я за собой хвост после второй нашей встречи. – И он обвел всех взглядом, выясняя их реакцию.

5

Человек в кабинете на противоположной стороне коридора говорил по телефону, но звукопоглощающие перегородки из прозрачного стекла позволяли только видеть, как двигались его губы. Все равно что смотреть телевизор при выключенном звуке, подумал Деннис Сайкс. Ему нравились новые помещения, в которых с недавних пор разместился его отдел. Здесь было гораздо удобнее работать – просторнее и нет такого шума, как в комнатах, откуда их сюда перевели. Картотеку наконец собрали в одном месте, рядом с помещением, где находился экран дисплея. Единственным недостатком, по мнению Сайкса, был слишком яркий свет, исходивший от панелей дневного освещения на потолке, зато он больше не страдал от проникавшего в кабинет табачного дыма. Он увидел, как в комнате напротив его заместитель Брайан Дандас снял телефонную трубку и потянулся за лежавшей в пепельнице сигаретой. Зажав плечом трубку, он жадно затянулся. Что все-таки за дурацкая привычка, подумал Сайкс, глядя, как тот усиленно стряхивает несуществующий пепел в корзинку для бумаг. К тому же наносит вред окружающим.

Он был очень чувствителен к запахам и до сих пор не мог забыть, как в нос ударило чем-то затхлым, когда он вернулся в спальню утром после бритья. Шторы были лишь слегка приподняты, постель еще не убрана. Терпеть он этого не мог – беспорядка, волос, прилипших к пузырьку из-под шампуня, мыльной пены по краям раковины. Еще до женитьбы он предупредил свою будущую супругу, что не потерпит в ванной мокрого белья. В его понимании, чтобы отличаться от животных, люди обязаны сначала организовать свою совместную жизнь. Хорошо бы все придерживались такого мнения.

В дверь постучали – надо же, опять не заметил, как появился Дандас. Сайкс кивнул, давая понять, что свободен. Молодец, идет без сигареты. В отличие от многих Дандас сразу, как только пришел в отдел, почувствовал отвращение шефа к табаку. В целом он нравился Сайксу. Серьезный и работящий, правда, иногда уж слишком напрямик высказывается, но это, скорее всего, объясняется тем, что он с Севера. Странно, что, несмотря на небольшой рост и крепкое телосложение, он выглядит намного старше своего возраста. Помнится, это сразу бросилось в глаза, когда он явился на собеседование: в ту пору ему был всего тридцать один год. Зато одевается вполне солидно, не то что другие детективы помоложе, которые под предлогом

конспирации отращивают волосы и не вылезают из джинсов.

– Да, слушаю вас, Брайан, – небрежно произнес Сайкс.

– Хотел бы я знать, сэр, нас уже информировали о приезде генерала Иньесты?

На лице Сайкса мелькнуло раздражение, и Дандас понял, что не информировали.

– А в чем дело?

– Некто Майк Кларксон, с которым я в свое время сотрудничал в Спецслужбе, намекнул мне об этом вчера. Он ушел из Спецслужбы и сейчас работает в частной полиции, в одной из фирм с широкими полномочиями, обслуживающей исключительно высокопоставленных лиц. Словом, вчера вечером мы с ним выпили вместе, и он рассказал мне про этот визит. По его словам, Иньеста приезжает на лечение, причем по согласованию с министерством иностранных дел. Так вот, не поможем ли мы его фирме, проверив оружие личных охранников Иньесты?

Сайкс терпеть не мог, когда его отдел держали в неведении и он понятия не имел о том, чем, казалось бы, должен заниматься. Подобная небрежность всегда дорого обходится. Любое дело страдает, когда к нему подключают слишком много отделов. Почти все, к примеру, воткнули вилку в антитеррористский пирог, и в результате каждый тянет в свою сторону.

– Однако, я полагаю, раз Уайтхолл дал добро, то за безопасность Иньесты будет отвечать группа охраны дипломатов.

– Этого я не знаю, – признался Дандас. – Может, связаться с ними?

– Не надо, я сейчас позвоню заместителю комиссара[10] и утрясу этот вопрос. Похоже, кто-то хочет этого голубя держать для себя.

Сайкс снял трубку внутреннего телефона и набрал номер. Дандас же сел и уставился в окно. Вид – ничего особенного, но все равно лучше, чем глядеть в упор на начальника, а лицо Денниса Сайкса – бледное, одутловатое, да еще украшенное очками канцеляриста – едва ли можно было назвать привлекательным. Дандас легко мог представить себе своего начальника с «Дейли телеграф» в руках, сидящим в купе поезда восемь ноль-пять. Переговоры закончились – Дандас выпрямился на стуле и, приподняв брови, вопросительно взглянул на Сайкса.

– Уже послали нам уведомление. Иньеста прибывает в воскресенье. Судя по всему, Спецслужбу известили еще дня три назад, и они уже принялись за эмигрантов.

– Вместе с разведкой, надо думать, – вставил Дандас.

– Это их дело.

– Отправили советников-экспертов на рыбную ловлю, хотя, право, неясно, что тут можно выудить, кроме проверки информации по передачам дружественных радиостанций да задержания двух-трех подозрительных, вот и все.

Сайкса удивил скептический тон инспектора.

– Что ж, это в порядке вещей. Они следят за потенциальными противниками, а группа охраны дипломатов обеспечивает вместе с телохранителями личную безопасность.

– А Си-два почему-то считает нужным держать все в секрете. Просто великолепно. – Дандас вздохнул.

В принципе Сайкс был с ним согласен, но не мог допустить столь откровенной критики, да еще в открытую. Положение обязывало его не потворствовать склокам между отделами.

– Итак, сэр, – продолжал Дандас, не дав начальнику времени что-либо сказать, – кто же все-таки отвечает за пушки его охранников – ребята из группы охраны дипломатов или я?

– Вы, но держите их в курсе дела.

– Как по-вашему, сэр, есть надежда, что в один прекрасный день вся эта неразбериха прекратится?

– Я уже поставил этот вопрос наверху, – сухо ответил Сайкс. – На последнем заседании его включили в повестку дня, так что в ближайшее время будут приняты какие-то разумные меры. Что же касается данного вопроса, то наш отдел обязан поддерживать тесный контакт со Спецслужбой, группой охраны дипломатов, а также с Си-два, Си-один и А-восемь в течение всего пребывания в стране генерала Иньесты.

Брайан Дандас сокрушенно покачал головой.

– Бог мой, куча мала, сэр – кто еще включается в игру? Столько возни из-за желчного пузыря какого-то диктаторишки, режим которого мы официально осудили. Не хватало еще остановить движение и закрыть все улицы, прилегающие к больнице, чтобы не потревожить его сон!

– А вам не приходило в голову, что существуют соображения, знать о которых нам с вами не положено?

– А вас не коробит от того, что мы оберегаем генерала Иньесту силами демократии?

– Не будьте столь наивны, Брайан. Жизнь была бы куда проще, если бы национальные интересы совпадали с устремлениями политиков, но это не так. Впрочем, нас это не касается. Зато нас впрямую касается то, что в стране достаточно террористических элементов, которые могут попытаться убрать Иньесту, и наша обязанность – стоять на страже законов нашей страны, забыв о личных пристрастиях. В любом случае убийство – это уголовное преступление, к тому же убийство главы

государства – преступление такого ранга, допустить которое нам никто не позволит… независимо от того, признан данный режим нашим правительством или нет. – И Деннис Сайкс пристально посмотрел на своего заместителя, желая убедиться, дошли ли его слова. Затем, давая понять, что разговор подходит к концу, спросил: – Сколько телохранителей прибывает с ним?

– Трое, сэр. И у них с собой целый арсенал оружия, судя по данным Кларксона. Двое из них с дипломатическими паспортами: это Лахуэрта и Ривера, а вот третий – некий Жак, ливанский француз, – вызывает серьезные подозрения. Скорей всего, он из бывших фалангистских убийц.

Сайкс снял очки и потер глаза.

– Ну что ж, для начала проверьте первых двух.

– А Жака?

– Его тоже не забудьте, конечно. И пусть Си-два не выпускает его из поля зрения. – Сайкс потянулся за документами, и Дандас понял, что пора уходить. – Разумеется, если этот Жак окажется вдруг известным убийцей, – добавил Сайкс с кислой улыбочкой, – тут уж мы выгораживать его не станем, даже превратись он в лесничего.

Брайан Дандас хотел было что-то сказать, но передумал и покинул кабинет шефа.

6

Сэм Шерман не вылезал из своего номера до 11 часов. Он обзвонил всех старых друзей и знакомых, которые могли бы подтвердить слух о назначении Юджина Бэйрда директором Института по изучению проблем свободного мира. Двое действительно где-то слышали об этом, и почти все приглашали его выпить, чтобы поднабраться последних новостей из-за океана.

Расслабившись наконец, Шерман закурил свою первую за день сигарету и принялся наводить у себя порядок. Ему осточертела гостиница, в которой он жил, и все же он не мог не признать, что ему повезло: в такое время, в разгар туристского сезона, в Лондоне трудно что-либо снять. Любимый его отель, небольшой, уютный и старомодный, был уже давно забит приезжими.

Здесь же ему претили голые стены. Очевидно, хозяева исходили из того, что такая стерильность не оскорбит ничьего вкуса. Зато бар внизу, для «атмосферы», сделали в псевдотюдоровском стиле, – уступая вкусу американцев, будь они неладны. Даже из динамиков в лифте звучала гавайская музыка – должно быть, чтобы успокаивать нервы чиновников-язвенников. Сэм любил путешествовать и каждый раз узнавать что-то новое, но подобные оазисы псевдоамериканской культуры отбивали всякую охоту к перемене мест. Впрочем, в свое время англичане не лучше вели себя в Индии, подумал он: всюду и везде оксфордское повидло и мятный соус.

Швейцар у выхода поинтересовался, не нужно ли ему такси. Шерман покачал головой и двинулся пешком в направлении Пикадилли. Стояло прекрасное майское утро.

Взглянув на часы, он понял, что у него есть время в запасе, и не торопясь побрел, заглядывая в витрины магазинов. Цены выставленных товаров, рассчитанных на богатых туристов, заставляли его то и дело качать в изумлении головой. Наконец-то оправдалась кличка, пущенная в ход еще Наполеоном, подумал он: настоящая нация лавочников. Шагая по улицам, он снова и снова пытался понять, почему Алекс Гамильтон так быстро и неожиданно согласился на интервью. Он позвонил на всякий случай, и ледяной тон секретарши подтвердил, что надежды на встречу нет. А через несколько минут она сама ему позвонила и сообщила, что мистер Гамильтон будет рад видеть его в двенадцать часов. Говорила она на сей раз совсем иначе, чем только усилила подозрения Шермана. Он прекрасно знал, как неохотно Гамильтон шел на контакты с прессой, и потому мог

лишь предположить, что Алекс попытается сбить его со следа. А это значит, что, по мнению Алекса, он на след напал.

Бессознательно он ускорил шаг. Что же скрывает Гамильтон помимо того, что скрывают все, спрашивал себя Шерман. И почему он хочет встретиться с ним, а не с представителем отечественной прессы? Шерман снова посмотрел на часы. Все еще слишком рано для звонка в Штаты, к тому же пока неизвестно, какие сведения могут ему понадобиться. Он еще раз мысленно освежил в памяти то, что собрал дома, в Вашингтоне и Нью-Йорке, но ничего заслуживающего особого внимания там не было.

Штаб-квартира Гамильтона на Мэйфэр снаружи выглядела более чем скромно. Не было даже вывески, а вестибюль скорее походил на подъезд многоэтажного дома с дорогими апартаментами. Дежурный охранник, оказавшийся сразу за массивными стеклянными дверями, указал Шерману на конторку в глубине вестибюля, и он направился туда. Девушка за барьерчиком вопросительно взглянула на него.

– Что вам угодно?

– У меня назначена встреча с мистером Гамильтоном.

– Ваши имя и фамилия? – Она заученно улыбнулась.

– Сэм Шерман.

– Сейчас я позвоню его личному помощнику, мистер Шерман. Присядьте, пожалуйста.

Он буркнул что-то в знак благодарности. Эта церемония всегда раздражала его, а одному богу известно, сколько уж лет он через нее проходит. Он взял со стеклянного столика «Файнэншл таймс», лежавшую там вместе с разными публикациями для дельцов. Он понимал, что девушка изучает его, ожидая ответа по телефону. Наверняка пытается угадать, какие у него могут быть дела с великим человеком. Кто он – банкир, нефтепромышленник, а может, просто нищий или, того хуже, вор?.. Шерман непроизвольно улыбнулся. Бедняжке придется попотеть, чтобы сделать вывод.

Держа перед собой газету, он пытался разработать наилучший подход к собеседнику. Сыграть агрессивного, напористого журналиста – это годится разве что для телеинтервью. К тому же он не знал, в какой угол надо загонять Гамильтона. Значит, разумнее всего задавать самые общие вопросы, пока не подвернется что-нибудь в ответе собеседника, за что стоило бы уцепиться.

– Мистер Гамильтон ожидает вас, мистер Шерман, – ослепительно улыбнувшись, прощебетала девица и положила на рычаг телефонную трубку.

Он почувствовал, что она слегка ошарашена тем приемом,

который ему оказывают наверху.

– Спасибо, – Шерман не торопясь сложил газету.

– Личный помощник мистера Гамильтона встретит вас у лифта, на последнем этаже.

Он кивнул и направился к лифту, подхватив свой видавший виды портфель, который он нежно любил со свойственной снобам изощренностью. Этот саквояж спутает ей все карты, не без ехидства подумал он и чуть было не расхохотался.

Женщина, ожидавшая его у лифта, выглядела именно так, как он и думал: седые, безукоризненно причесанные волосы, строгое платье, спокойные решительные манеры. Улыбка мелькнула – и погасла. Ей наверняка не по вкусу пришлось перезванивать ему тогда в гостиницу после того, как она столь небрежно обошлась с его просьбой об интервью.

– Я очень рада, мистер Шерман, что вы смогли так сразу откликнуться на наше приглашение, – сказала она. – Хотя, надеюсь, вы понимаете: мистер Гамильтон только что вернулся из-за границы и потому сможет уделить вам всего несколько минут.

– Конечно, я все понимаю, – сказал Шерман. Ему был хорошо знаком подобный тип секретарш: насмерть стоят на страже интересов своих хозяев, к которым относятся, как к своей собственности; такая, хоть пытай ее, не выдаст даже списка подарков, который ее босс составил к рождеству.

Пока она вела его по устланному толстым ковром коридору, он отметил, как тут непривычно тихо. Ни стука пишущих машинок, ни телефонных звонков, ни сотрудников, спешащих без пиджака, с закатанными рукавами по коридору, – ничего, что указывало бы на динамичную деловую обстановку. Но тут он вспомнил, что это своего рода командный пункт, который находится обычно в стороне от оперативных служебных помещений. Как бы бункер. К тому же достаточно уютный.

Приемная, залитая светом, поражала своими размерами; как и положено, тут было множество растений в горшках, противоестественно разросшихся и могучих. Двойные двери в противоположной стене вели в кабинет Гамильтона; секретарша направилась прямо к ним и распахнула одну из створок.

– Мистер Шерман, – объявила она и отступила в сторону, пропуская его.

Большая комната напоминала современную гостиную: полукруглые диваны, обитые рыжеватой замшей; две статуи работы примитивистов, подсвеченные удачно спрятанными источниками света, – все это создавало атмосферу особой доверительности. Шерман понял, что Алекс Гамильтон явно выше

таких трюков, как усаживать гостя в низкое кресло, а самому, попыхивая сигарой, восседать за огромным письменным столом. Только скопище телефонов на столике указывало, что это – служебный кабинет.

– Рад, что вы смогли прийти, – приветствовал его Алекс Гамильтон, протягивая руку. Первоначальное впечатление, сложившееся у Шермана еще в церкви, сейчас только укрепилось: прилизанные волосы, костюм в еле заметную полоску, яркий, итальянского рисунка галстук, завязанный двойным узлом. Наверняка выбирала его секретарша, подумал Шерман. – Присаживайтесь, – и Гамильтон жестом указал на мягкий диван.

– Благодарю вас, – сказал Шерман, подумав, уж не узнал ли его возле церкви Бэйрд.

– Итак, поскольку мы с вами люди деловые, давайте начинать!

Шермана покоробил этот покровительственный тон, невзирая на попытку поставить между ними знак равенства. Так их, видно, учили в бойскаутах, напомнил он себе и широко, добродушно улыбнулся.

– Пожалуй, проще всего, если вы сообщите мне в общих чертах, о чем вы собираетесь писать? – добавил Гамильтон, как только они сели.

Шерман ждал подобного вопроса.

– Конечно, – сказал он, по привычке слегка растягивая слова. – Должен признаться, я не гонюсь за сенсацией, – улыбнулся он. – Я бы определил свою задачу, как сбор материала о влиянии нового стиля во внешней политике на деятельность мультинациональных корпораций.

Алекс Гамильтон понимающе кивнул, но в глазах его таилось беспокойство.

– То есть вы готовите проблемную статью?

– Совершенно верно.

– Но тогда почему вас так заинтересовала деятельность моих предприятий? Мне думается, вашим читателям интереснее было бы узнать, что происходит в этой области в корпорациях со штаб-квартирой в США.

– Этой темой они отболели несколько лет назад, – возразил Шерман. – Ситуация изменилась. Теперь их куда больше занимает и интересует деятельность иностранных мультинациональных корпораций, которые скупают предприятия в Штатах. Разоблачениями отечественных «Локхидов» они сыты по горло. – Сказал и тут же пожалел об этом. В такой игре следует видеть на несколько ходов вперед.

– Надеюсь, вы не сочтете меня излишне мнительным, мистер

Шерман, – сухо заметил Гамильтон, – если я выскажу одно предположение: ваша статья, по-видимому, будет нацелена на то, чтобы показать, что европейский капитал действует столь же… неэтично.

Шерман почувствовал, что попался.

– Если позволите, – попытался он улыбнуться, – то вы в самом деле излишне мнительны, мистер Гамильтон, просто я привел неудачные примеры. Меня интересуют не подробности деловых взаимоотношений, а затруднительные ситуации, в которых время от времени оказываются компании типа вашей. Под этими ситуациями я имею в виду случаи, когда правительства вмешиваются в международную торговлю.

– Уж если ваша газета занялась такими проблемами, – иронически хмыкнул Гамильтон, – значит, времена действительно изменились. – По глазам, однако, было видно, что объяснения Шермана не убедили его.

– Не думаю, чтобы они так уж изменились, – чуть улыбнулся Шерман.

– Ладно, – сказал Гамильтон, как бы незаметно бросив взгляд на часы. – Итак, что конкретно вас интересует?

Шерман передвинулся на диване. Была не была, решил он.

– Ваши горнорудные предприятия в Латинской Америке.

Алекс Гамильтон слегка повернулся, поправляя какие-то бумаги, разложенные на соседнем столике, но Шерман успел заметить, как тень беспокойства промелькнула на его лице. Один – ноль, мысленно поздравил себя Шерман.

– И чем же они вас привлекают? – небрежно спросил Гамильтон, снова поворачиваясь лицом к собеседнику.

– Мне показалось, это как раз одна из тех затруднительных ситуаций, о которых я упоминал. С одной стороны, правительство генерала Иньесты не признано Западом, а с другой – кровная заинтересованность в ресурсах его страны.

– Я бизнесмен, – спокойно произнес Гамильтон, – а не политик. И не имею возможности влиять на заявления своего правительства или какого-либо другого.

Шермана передернуло от такого бессовестного вранья. Он прекрасно знал, что и в Лондоне, и в Вашингтоне Гамильтон имел своих толкачей в правительстве.

– Возможно, это прозвучит излишне пессимистично, – добавил после небольшой паузы Гамильтон, – но мне кажется, что расхождения между реальной политикой и идеологией в сфере международных отношений всегда приводили к глобальным войнам. Взять, к примеру, хотя бы тридцатые годы.

– А годы «холодной войны»?

– Ну, антикоммунистическая кампания, затеянная Соединенными Штатами, была делом сугубо прагматическим.

– Вы хотите сказать, – перебил его Шерман, слегка улыбнувшись, – что это было осуществлением деловых и внешнеполитических интересов иными средствами.

– Более или менее. Идеалы – ведь это всего лишь эмоциональное оправдание региональных интересов.

Поначалу Шермана удивил такой ответ, но, немного подумав, он пришел к выводу, что сила Алекса Гамильтона как раз и кроется в откровенной демонстрации отсутствия всяких сантиментов.

– Запад слаб, потому что не хочет признать этого, – продолжал Гамильтон таким тоном, что было ясно: он считает это самоочевидным. – Впрочем, демократия – это форма правления, пропитанная чувством собственной вины.

Шерман смущенно откашлялся. Разговор все больше отклонялся в сторону от интересовавшей его темы.

– Примем во внимание ваши замечания, – сказал он, – и вернемся, если не возражаете, к Латинской Америке, в частности к администрации генерала Иньесты.

– С удовольствием. – Гамильтон уперся взглядом в Шермана, ожидая его вопроса.

– Не кажется ли вам, что ваши деловые операции в этой стране способствуют укреплению незаконного режима?

– Я уже говорил вам, что я не из тех, кто занимается политикой. Нам нужна его руда, и я готов торговать с ним, как и с любым коммунистическим правительством. – Он помедлил секунду, глядя на каменное изваяние в глубине комнаты. – Однако вы, кажется, сделали ударение на слове «незаконного». Хотя вам-то, я уверен, прекрасно известно, что законность в политике обычно определяет fait accompli[11], а не чье-то признание. – И он удивленно приподнял брови, видя, что Шерман записывает что-то в блокноте. – Какое из моих высказываний привлекло ваше внимание, могу я спросить?

– Конечно, – ответил Шерман, глядя ему в глаза. – Замечание о том, что вы готовы торговать с ним, будь он даже коммунистом. – Он заметил, как сжались губы его собеседника. – Но если вы не хотите, чтобы это интервью появилось в печати…

– Нет-нет, отчего же. – Гамильтон протестующе поднял руку. – Но почему это так вас заинтриговало? Мои компании действительно торгуют со странами коммунистического блока, и потому в том, что я сказал, нет ничего удивительного. Как я уже говорил, я прагматик.

– Хорошо, а когда вы впервые вошли в контакт с членами

правительства генерала Иньесты? – Вопрос был задан умышленно небрежным тоном.

– Мы начали переговоры два года назад.

– Что – через год после переворота?

– Да, примерно тогда. Но какое это имеет отношение к делу?

– А вы были связаны до переворота с кем-нибудь из тех, кто теперь является членом правящей хунты?

Алекс Гамильтон пристально посмотрел на него, прежде чем ответить.

– Если вы пытаетесь выяснить, не способствовал ли я переходу власти в руки военных, то я могу лишь сказать, что вас все еще преследует тень Уотергейта. Я не только не связан с переворотом ни с какой стороны – я вообще узнал о нем из газет. Извините, но если вы и дальше намерены разрабатывать эти копи, золота они вам не принесут. – Это было сказано с таким самообладанием, что Шерман, пожалуй, и поверил бы, если бы Гамильтон так же уверенно не солгал ему раньше.

– Где наша не пропадала, – улыбнулся он. – Хотя некоторые старые забияки, вроде меня, и завидовали немного асам. – Гамильтон уже смотрел на него с холодной неприязнью, но Шермана это ничуть не смутило. – На Флит-стрит, – продолжал он, словно просто так, чтобы хоть что-то сказать, – ходят слухи, будто Юджин Бэйрд получил приглашение от Института по изучению проблем свободного мира.

– Ах да, вы же видели нас вместе вчера и тотчас решили, что мой макиавеллиев перст торчит и из этого дела, – отпарировал Гамильтон.

– Нет, просто любопытно.

– Даже, по-моему, слишком, – заметил Гамильтон. – Вчера мы обедали вместе – Джин ведь мой старый приятель, – и от него я узнал о том, что он принял предложение попечительского совета Института. Если вас интересуют подробности, обратитесь к нему лично или подождите официального объявления, которое последует, я думаю, в начале следующей недели. А чтобы предварить ваш следующий вопрос, сразу скажу, что не являюсь членом попечительского совета.

Шерман наклоном головы дал понять, что принял это к сведению. Он уже давно выяснил, что большинство членов совета, во всяком случае, были назначены лично Алексом Гамильтоном.

Тихонько зазвонил один из телефонов, и Шерман догадался, что это дело рук заботливой секретарши: подан знак, что якобы прибыл посетитель. Вполне вежливый способ выпроводить человека, подумал он.

7

Из телефонной будки напротив арки, ведущей к старым конюшням, была видна машина Брука Гамильтона, и Андрес Дельгадо облегченно вздохнул. Он запыхался, пока бежал сюда от станции метро на Глостер-роуд. Ночью он долго не мог заснуть, а когда в полседьмого зазвонил будильник, он снова задремал. Голова у него гудела, в желудке посасывало от голода, но он так волновался, что есть бы не смог.

Телефонная будка была идеальным наблюдательным пунктом – это он обнаружил еще в прошлый раз, когда выступал в качестве подпольного почтальона, но сначала надо перейти на ту сторону улицы и удостовериться, что машина именно та, какая его интересует. Андрес достал из кармана клочок бумаги, на котором записал два дня назад номер автомобиля. Машина была та самая. Тусклая, кое-где уже покрытая ржавчиной – нечто прямо противоположное «роллс-ройсу» старшего брата. Андрес вернулся к телефонной будке, открыл дверь, вошел, снял трубку и сделал вид, что набирает номер, который все время занят. Сначала он хотел загримироваться, но почти сразу отбросил эту мысль. Больше всего он опасался, что Брук Гамильтон выйдет из дому не один. Они не могли позволить себе потерять еще день, и Андрес подумал, правильно ли он поступил, выждав целые сутки, чтобы дать возможность Бруку за это время попытаться связаться с братом. Ладно, подумал он, чего зря переживать, дело сделано. Лучше еще раз повторить вопросы и ответы, которые он отрепетировал за последние несколько дней.

Уже не раз он приводил себя в боевую готовность, когда тот или иной жилец выходил из дома, направляясь на работу. Брук Гамильтон появился только в половине десятого. На нем были вельветовые брюки и темно-синяя спортивная рубашка. Выглядел он совсем иначе, чем остальные мужчины, на которых были строгие костюмы. Андрес вышел из будки и направился через улицу – интересно, подумал он, появится ли кто-нибудь еще. Он увидел, что Брук возится с дверцей машины, вокруг никого нет, и заспешил.

А Брук Гамильтон как раз наклонился, вставляя ключ в зажигание, и тут увидел человека, быстрым шагом приближавшегося к его машине. Он опустил стекло, пытаясь понять, видел ли он его когда-либо раньше. Густые черные волосы и такие же брови – скорей всего, иностранец – из Латинской Америки, почему-то вдруг подумалось ему. Брук вопросительно посмотрел на мужчину, нерешительно

остановившегося у машины.

– Вы Брук Гамильтон?

– Да.

– Вы знали Эрнесто Картеру?

Брук Гамильтон помедлил секунду и кивнул. Странно, но его не удивил такой резкий и почти осуждающий тон.

– Я хочу поговорить с вами, – сказал незнакомец.

– О нем?

Андрес мгновение колебался.

– Да, о нем.

– Послушайте… – осторожно начал Брук.

– Если вы разрешите сесть к вам в машину, я все объясню, пока мы будем ехать.

Брук Гамильтон подумал и, отбросив мысль о возможности похищения, потянулся к дверце, чтобы отпереть ее. Ему стало не по себе, когда он услышал имя Эрнесто Картеры: ведь он сам продумал об Эрнесто почти весь вечер; с братом связаться ему снова не удалось. Брук включил мотор, выехал на середину улицы и, только переводя рычаг на первую скорость, повернулся к своему пассажиру.

– Итак, кто вы и откуда он вам известен?

– Я лично не знаком с ним, но располагаю сведениями…

– Я тоже, – сказал Брук Гамильтон, резко крутанув руль, чтобы объехать плохо припаркованную у выезда со стоянки машину. – Я получил письмо.

– Когда оно написано? – спросил Андрес, внимательно наблюдая за лицом собеседника.

– Думаю, около двух недель назад. Почтовый штемпель неразборчив.

Андрес подавил улыбку облегчения: Брук, видимо, и не подозревал об обмане.

– А у вас какие новости? – спросил Брук Гамильтон, видя, что Андрес молчит.

– Он погиб десять дней назад.

Гамильтон в изумлении посмотрел на него и чуть не наехал на фургон.

– Откуда вы это знаете?

– Иньесте не под силу закупорить границы. В эмиграции знают о том, что творится на родине, даже в тюрьмах.

На Кромвель-роуд они остановились на красный свет, и Брук Гамильтон повернулся к своему спутнику.

– Как он умер?

– Как и все. «Самоубийство» или «типичный случай самоистязаний», как выразился один из приближенных генерала

Иньесты. – Андрес старался говорить спокойно. – Судя по всему, Эрнесто сломали позвоночник. Скорей всего, по неосторожности.

Дважды Брук порывался что-то сказать и оба раза воздерживался. Миновали перекресток.

– Ну что тут скажешь? – наконец беспомощно произнес он.

– Вы имеете в виду – что можно сделать?

Он лишь смущенно кивнул и искоса поглядел на Андреса.

– А вы что-то намерены предпринять?

– Прежде чем я отвечу на этот вопрос, я должен знать, захотите ли вы помочь. Я рискую, даже разговаривая с вами. Кругом агенты Интеллидженс сервис, и они работают в тесном контакте со Спецслужбой.

– Весьма польщен, что вы не числите меня среди них, – усмехнулся Брук, но тут же пожалел, что сыронизировал. – Что вы имеете в виду под «помощью»? Просить брата о вмешательстве? Он ведь как-то со всем этим связан.

– Вы это серьезно?

Гамильтон пожал плечами и сам признал, что из этого вряд ли что-то выйдет. Он провел рукой по рыжеватым волосам и сразу напомнил брата: тот вот так же пригладил волосы тогда в церкви, направляясь к аналою. Сейчас, глядя на Брука вблизи, Андрес испытывал смешанные чувства. Слишком красив был этот классический профиль – обычно подобных типов нельзя принимать всерьез. Вместе с тем Андреса раздражал невольный трепет, который он ощущал в присутствии Брука, – правда, потертый воротничок рубашки подействовал на него несколько успокоительно.

– Послушайте, – прервал молчание Брук, не отрывая глаз от дороги. – Пора открыть карты! У вас ведь есть что-то на уме, так не лучше ли выложить все начистоту.

Андрес вдруг махнул на все рукой – очевидно, под влиянием страха, что они потеряли слишком много времени. Инстинкт подсказывал – надо плюнуть на то, о чем он договорился с остальными.

– В ближайшие дни в Лондон приезжает Иньеста. – Он помолчал, ожидая реакцию Брука, но тот лишь кивнул, предлагая продолжать. – На операцию, не слишком серьезную, но мы не знаем, в какую клинику его поместят.

– И вы планируете устранить его, насколько я понимаю. – Брук Гамильтон улыбнулся, и на секунду у Андреса перехватило дыхание. Он еле удержался, чтобы не выпрыгнуть из машины. Но так или иначе, разговор зашел уже достаточно далеко, так что отступать не имело смысла.

– Вас мы втягивать не собираемся. Нам нужна только

информация.

– Боюсь, что я уже втянут. Как же вы собираетесь разделаться с Иньестой?

В ответ Андрес изложил заранее заготовленное объяснение: законные меры ни к чему не привели, иностранные правительства ограничились пустыми заявлениями протеста, в которых ни слова не говорится о каких-либо санкциях.

– Торговля продолжается, и совесть чиста, вот и все.

– Так где же выход?

– Ну, – помедлил Андрес, – мы собирались захватить Иньесту и потребовать освобождения всех политзаключенных, но…

Неожиданный смех Брука Гамильтона прервал его.

– Ради всего святого, вы что же, полагаете, такой человек, как Иньеста, путешествует без хорошо вооруженной охраны? Если дело дойдет до пальбы, я знаю, на кого ставить.

– Вы не дали мне закончить, – продолжал Андрес. – Мы отвергли эту идею, потому что, даже в случае успеха, наша победа будет сведена на нет еще более жестокими репрессиями, когда мы его отпустим.

– Итак, я полагаю, от меня вы хотите узнать, где он будет… с помощью моего брата, разумеется? После этого вы прикончите его. Верно?

Андрес почувствовал, что вспотел.

– Верно, – ответил он как можно тверже.

– Да, хорошенькое начало для денька, – с веселой иронией заметил Брук, и от этого Андресу стало еще больше не по себе. – Как-то не припомню, чтобы ко мне обращались революционеры с просьбой помочь им в покушении на президента, да еще с утра пораньше.

– Прошу прощения, что побеспокоил вас в столь ранний час. – Брук Гамильтон рассмеялся в ответ – похоже, сам над собой. – Вас шокирует такая идея? – спросил Андрес. – То, что это затевается против главы государства?

– Ну… право, не знаю. Об этом специально ведь не думаешь, согласитесь! Вообще, чего вы хотите добиться? Его место займет другой член хунты, вот и все.

– Во-первых, Иньеста был вдохновителем и устроителем переворота, а придя к власти, устранил всех, кто способен был бы совершить дворцовый переворот. Кроме того, убийство – единственный способ положить конец диктатуре. Когда власть держится на дуле винтовки, только винтовка дает вам в руки единственное противоядие.

– Ну, это, я полагаю, зависит от точки зрения. Кто вы? Борцы за свободу по-марксистски?

– Нет, мы не марксисты, можно даже сказать, что мы в такой же мере антикоммунисты, как и антифашисты.

– Кто же вы тогда?

– Анархисты… или свободолюбы, если угодно. Это звучит менее страшно.

Брук заметил, как он улыбнулся.

– Хотите меня завербовать?

Андрес покачал головой и увидел, что тот сбит с толку.

– А Эрнесто тоже был анархистом?

– Нет, я думаю, он не был втянут в политику. Но в глазах такого режима даже нейтралы – изменники. Если ты не согласен с принципами Движения вооруженных сил, ты автоматически становишься врагом отечества. – Он заметил, как Гамильтон повернулся к нему и, упершись спиной в дверцу, лишь одной рукой держал руль; ехали они медленно из-за образовавшейся пробки. – Поэтому, разумеется, я тоже предатель и террорист в глазах тех, кто управляет моей страной, точно так же, как участники покушения на Гитлера были предателями в глазах нацистов.

Гамильтон, не перебивая, внимательно слушал его, и Андрес приободрился.

– Я не спросил, куда вас подвезти? – после некоторого молчания осведомился Брук.

– Не имеет значения, высадите меня у любой автобусной остановки.

– Мы только что ее проехали, так что остановимся здесь. – Брук выключил двигатель и еще некоторое время сидел молча, уставясь в центр рулевого колеса. – Странный союз вы мне предлагаете.

– Возможно, но в Латинской Америке складываются еще более странные союзы, когда речь идет о том, чтобы положить конец царству террора.

– Хорошо, но я так далек от анархизма. Все, что я о нем знаю, – это то, что анархисты взрывают бомбы, хотя, наверное, вы скажете, что я ошибаюсь.

Андрес кивнул и сдержанно улыбнулся.

– Мне кажется, лучше восполнить недостаток вашего образования как-нибудь в другой раз.

Брук улыбнулся ему в ответ.

– Не тратьте на это силы. А что касается данного дела, то я должен подумать. Хорошо, хорошо, – он поднял руку, заметив, что Андрес собрался возражать. – Я знаю, что вы спешите. Приходите ко мне часов около семи сегодня вечером.

Андрес провожал глазами машину, пока она не исчезла. Он

устал, но внутреннее напряжение спало, и тут же пришла в голову мысль, что во время следующей встречи его может ждать ловушка. Повернувшись, чтобы идти к автобусной остановке, он заметил, что из подъехавшего такси за ним пристально наблюдает девушка. Так – ничего особенного, типичная жительница Лондона, в платочке и бархатной жакетке. У таких обычно бывают визгливые голоса и собаки с нелепыми кличками. Он усмехнулся про себя и зашагал прочь.

8

Слава богу, скоро конец недели, думал Деннис Сайкс, усаживаясь разбирать внутреннюю почту. Последние несколько дней были очень напряженными, к тому же он все еще кипел по поводу отсутствия сведений, касающихся прибытия генерала Иньесты. В Управлении внутренней безопасности столько всяких отделов и ведомств, и многие завидуют его новому назначению. Они очень ревностно охраняют свои мелкие владения и были бы рады малейшей его оплошности. Возможно, он чересчур подозрителен, но в этом деле он намеревался держать ухо востро. Ну да ладно, скоро уикенд, и он думать забудет обо всех этих проблемах, займется своей террасой, которую решил пристроить к дому.

Женившись, Сайкс вполне сознательно оставил привычки юности. Он вошел в роль семейного человека с серьезностью верующего, не допускающего ни малейшего сомнения в своей вере. Жена не могла подарить ему ребенка, и, чтобы сосредоточить на чем-то ощутимом свой пыл, он посвятил почти все свободное время устройству дома. Эта забота заслонила собой изначальную потребность в малышах, и он все улучшал и достраивал дом, хвастаясь жене, как растет его стоимость, хотя она знала, что он и не думает его продавать.

Несмотря на продвижение Сайкса по службе, в их жизни ничего не менялось. Дом был достаточно большой, и Сайкс чувствовал себя владельцем недвижимости, а это давало ощущение стабильности. Он был из тех людей, которые, в сущности, не получают удовольствия от жизни, однако боятся даже помыслить о том, чтобы как-то ее изменить. Они напоминают уродца, который ненавидит свое лицо и все же боится, что однажды утром не увидит его в зеркале.

Жизнь Сайкса была расписана по минутам, ибо он терпеть не мог терять время зря. Он даже в уборную ходил, прихватив с собой что-нибудь почитать. Развлечения его тоже были тщательно продуманы, будь то чтение или выбор телепрограммы. Он был так педантичен, что приходил в ярость при виде актеров с длинными волосами, игравших солдат. Не меньшей точности деталей он требовал от пьес и романов. Его жена устала спрашивать, зачем он смотрит телевизор, если каждые две минуты возмущенно взрывается, заметив очередную нелепость. В этой книге то-то написано небрежно и непрофессионально, частенько говорил он, но, каких стандартов он придерживается, так и не было ясно. Словом, он не доверял воображению. Решения

должны основываться только на доказанных фактах. Для него прагматизм был всегда выше абстрактных идей. Ведь жизнь не очень-то нуждается в них. Надо жить как можно проще, и если уж приходится делать грязную работу, то надо делать ее так, чтобы не марать рук.

Он поднял глаза на секретаршу, принесшую письма на подпись, и вежливо поблагодарил ее. По мнению Брайана Дандаса, он выбрал себе самую уродливую во всем здании, чтобы она, подобно жене Цезаря, была вне подозрений, хотя при его внешности ожиревшего скандинавского дантиста вряд ли можно было представить себе, чтобы какая-нибудь маленькая дурочка прыгнула к нему на колени. Сайкс заметил, что Дандас смотрит на него через стеклянную перегородку, разделяющую их кабинеты, и поманил его. Дандас кивнул и, прихватив блокнот, вошел.

– Садитесь, Брайан. Мне бы хотелось обсудить с вами одну-две вещицы. Вы ведь знаете, что меня не будет в понедельник из-за этого семинара.

Дандас сел и приготовился записывать.

– Значит, кого я буду охранять? Генерала Иньесту?

– Да. Получено ли подтверждение о времени его прибытия и все ли готово?

Вид у Дандаса сделался как у гончей, почуявшей дичь, – так охарактеризовал его однажды Сайкс в частной беседе: упершись локтями в колени, он подался вперед.

– Генерал прибывает в воскресенье вечером в девятнадцать сорок. Я буду в аэропорту с офицерами из дипохраны, выделенными для обеспечения его безопасности.

– А что, этот ваш друг тоже там будет?

Дандасу очень хотелось дать иную квалификацию своих отношений с Майком Кларксоном, но он предпочел промолчать.

– Да, будет. В общем, собирается чуть ли не целый полк плюс три телохранителя. С ними все нормально, насколько нам известно, но у меня все еще есть сомнения насчет статуса этого ливанца.

Сайкс взглянул на него.

– А вы сообщили об этом Си-два?

Дандас кивнул. Он понимал ход мыслей Сайкса.

– Ну и прекрасно. Это их дело, но все было бы гораздо проще, если бы Кларксон посоветовал своему клиенту снабдить этого ливанца дипломатическими документами, как и всех остальных.

Брайан Дандас почувствовал, что упрек рикошетом попал в него. Он невозмутимо молчал.

– Ладно, – вздохнул Сайкс. – Будем надеяться на лучшее. А

сколько они здесь пробудут?

– Всего четыре дня, как сообщил мне Кларксон сегодня утром.

Сайкс удивился.

– Такая легкая операция? А где он будет долечиваться?

– Я спрашивал об этом, сэр, но они все скрывают. Меня просто зло берет, что мы для них так стараемся.

Сайкс пропустил мимо ушей последнее замечание и открыл свой настольный дневник-календарь.

– Так вы уверены, что он улетает от нас… в четверг?

– Да, по-видимому, частным реактивным самолетом, который для него арендован, так что он вряд ли отправится сразу домой. Ведь это чертовски длинное путешествие для человека, только что перенесшего операцию, даже небольшую. Думаю, он будет долечиваться где-нибудь в Европе.

Сайкс какое-то время смотрел на него, затем повернулся в крутящемся кресле к окну, обдумывая это сообщение. Дандасу бросилось в глаза, что его и без того бледная кожа при искусственном дневном освещении выглядит смертельно белой.

– Ладно, Брайан, – сказал Сайкс, внезапно повернувшись. – Только сразу докладывайте мне, если вдруг возникнет что-нибудь новое.

Дандас удивленно уставился на него, затем кивнул. Когда он вышел, Сайкс в задумчивости побарабанил пальцами по блоку промокашек, затем взял телефонную трубку и попросил соединить его с Парижем.

– Le commissaire Beck, s'il vous plait[12], – сказал он по-французски с деревянным английским акцентом. И пока его соединяли, стал чертить на промокашке закорючки.

– Beck a l'appareil[13], – ответил гортанный голос.

– Говорит Деннис Сайкс из Лондона, комиссар, – сказал он по-английски, потому что по-французски говорил хуже, чем Бек по-английски.

– А, добрый день, как поживаете? – автоматически вежливо сказал Бек, по обыкновению опустив его чин. Иностранцам обычно никак его не выговорить.

– Спасибо, хорошо. А вы?

– Ca va[14], – буркнул тот. – Чем могу быть полезен?

– Насколько мне известно, наша Спецслужба недавно связывалась с вами по вопросу… о южноамериканских эмигрантах.

– Да. Это вызвано визитом одного высокого гостя. Нас просили «быть начеку», как вы это называете. Никакого движения пока не заметно, хотя все морские порты и аэропорты взяты под

наблюдение.

– Мы, конечно, очень благодарны вам за помощь, комиссар, – намеренно официально сказал Сайкс, – но я звоню не совсем по этому вопросу. Есть предположение, что упомянутый высокий гость после операции полетит во Францию. Вы ничего об этом не слыхали?

Наступившая за этими словами тишина была столь продолжительна, что Сайкс уже начал сомневаться, не разъединили ли их.

– Нет, – осторожно ответил Бек. – Нет, я ничего об этом не слыхал.

– Я, конечно, могу ошибаться и буду вам признателен, если это останется между нами, комиссар.

– Конечно, конечно.

– Его аппарат держит в тайне маршрут, но я подозреваю, что в будущий четверг он появится во Франции. Возможно, правильнее будет мне попытаться разведать тут, а затем информировать вас.

– Прекрасно, – коротко сказал Бек. – Спасибо за предупреждение, но не лучше ли мне проверить на Ке-д'Орсе?

– Пожалуй, – ответил Сайкс. – Если сумеете сделать это достаточно осторожно. – Он вдруг понял, что последняя фраза может показаться невежливой.

– Сумею, – заверил Бек. – Спасибо, что позвонили. До свидания.

– М-м… au revoir[15], комиссар, – попрощался Сайкс, но Бек уже повесил трубку.

9

Сумка с продуктами была тяжелой, и она облегченно вздохнула, поставив ее на пол, чтобы поискать ключ. Ей еще нужно было преодолеть четыре лестничных марша, прежде чем она доберется до своей каморки под самой крышей. Это был обычный для этого района дом, разбитый на крошечные квартирки. Хотя карабкаться наверх приходилось долго, Ева любила свою комнату. Она напоминала перестроенный чердак, где она спала в детстве. Стены по обе стороны окна были скошены, следуя линии крыши, и, чтобы оживить помещение, она выкрасила их в бледно-желтый цвет. Там и сям были наклеены большие плакаты, но не оригинальности ради, а чтобы прикрыть неприглядные следы сырости. В кухонном закутке была одноконфорочная газовая плитка и полки. Посуду Ева мыла в крошечной ванной, выходившей маленьким окошком на задний двор. Везде было темно и тесно, за исключением комнаты, но это Еву не волновало, ибо такое жилье отвечало ее потребности в уединении.

Раскладывая по полкам покупки, она не могла избавиться от мысли о том, что убийцы они никудышные. В голове у нее не укладывалось чудовищное преступление, которое они намеревались совершить. Их рассуждения на эту тему казались отвлеченными, теоретическими, словно они репетировали пьесу, а не замышляли убить человека. Рубикон между законностью и незаконностью, который Ева вот-вот должна была перейти, выглядел неощутимым, а последствия этого шага невозможно было предвидеть.

Наверное, Андрес тоже понял их слабость, подумала она, и поэтому решил привлечь Брука Гамильтона, чтобы переложить главную тяжесть на него. Он ведь профессионал, а они – просто любители. В чувствах ее царил сумбур: облегчение от сознания, что роковой курок спустит не кто-то из них, и стыд за свое малодушие. Они все уже обсудили, и ни один из них не сомневался в необходимости того, к чему призывал их Андрес. Иного пути нет, и все же у нее были сомнения.

Она полностью отдавала себе отчет в том, что боится, и не пыталась замаскировать свои страхи фальшивыми мудрствованиями. Ее мучила совесть. Для человека, которому невыносима сама идея казни, просто противоестественно быть причастным к покушению на чью-то жизнь. Даже мысль об охранке и пытках не могла освятить их намерения. В лучшем случае, это было жалким оправданием. Одна жизнь в расплату за

множество. Нечто вроде дилеммы, стоящей перед врачом, когда ни одно решение не дает полного удовлетворения.

Она взглянула на часы и поняла, что они в любую минуту могут явиться. Середина комнаты золотилась, как янтарь, от косых лучей заходящего солнца. Ева любила неторопливые вечера раннего лета, когда с улицы доносятся детские голоса. Здесь, на самом верху дома, она могла наслаждаться одиночеством, не чувствуя себя одинокой.

Звонок прозвонил, когда она собирала свои карандаши в стаканчик на столе, – она перегнулась через подоконник. Джон Престон стоял на кромке тротуара и глядел вверх. Он всегда приходил первым. Вскоре после его прихода раздалась дробь ударов в дверь и появился Мэтти, демонстративно задыхаясь.

– Черт бы их побрал, эти ваши лестницы! – пожаловался он и, плутовато усмехнувшись, добавил: – Тебе помочь приготовить чай?

– Только будешь мешаться, пойди лучше поговори с Джоном.

Мэтти притворно заворчал – как это могли не оценить его предложения – и с треском плюхнулся на кровать.

– Какой комфорт. Жаль, что мне никто не предложит насладиться этим комфортом.

Джон недовольно поерзал, встал и подошел к окну.

– Просто полжизни посвятил бы этому, – продолжал Мэтти, не замечая, что Джона уже достаточно разозлило его предыдущее замечание. – Ну вот, – вздохнул он, – опять придется ждать эту пару. Я хочу сказать, я знаю, что у латиноамериканцев отсутствует чувство времени, но мне всегда казалось, что шотландцы более пунктуальны.

– Нил идет, – тихо сказал Джон, не поворачиваясь.

– Поразительно! Наконец-то он понял, что время не терпит! – воскликнул Мэтти и заверещал, подражая звуку волынки. Он производил впечатление преждевременно повзрослевшего ребенка. Джон, не обращая на него внимания, пошел поговорить с Евой.

– Андрес, похоже, доволен, – объявил с порога Нил. – У него было две встречи с этим Бруком Гамильтоном, он даже приведет его сюда.

– Несколько рискованно, а?

– Он мне сказал, что после второй встречи битых два часа бродил по Лондону, пока не удостоверился, что слежки за ним нет. Это, конечно, не бесспорное доказательство, но я уверен, что они бы не упустили возможности сесть ему на хвост, если бы Гамильтон побывал у них. Андрес считает, что это лучший вариант при создавшихся обстоятельствах.

Мэтти позабавило сдержанное торжество, сквозившее во всем облике Андреса, когда он представил им Брука Гамильтона. Их гость возвышался над ними в маленькой комнатке, но вид у него отнюдь не был грозным, скорее – растерянно-смущенным. Мэтти чуть не расхохотался, подумав, что этот человек, возможно, смутился от того, что не знал, как их приветствовать – подняв вверх сжатый кулак или как-то еще.

Познакомившись со всеми, Брук Гамильтон неловко сел на край кровати рядом с Мэтти и огляделся. Его глаза задержались на мгновение на побитой молью шубе, которую Ева купила в комиссионном магазине. Шуба висела на крючке, приколоченном к двери, и он заметил, что она порвана сбоку, так что видна подкладка. Ева вошла с кружками чаю и предложила ему. Он не хотел пить, но из вежливости взял кружку и, сделав символический глоток, поставил между ног на пол. Он чувствовал себя даже хуже, чем просто посторонний, – словно он пробрался сюда обманом, потому что ведь он и сам еще не знал, действует ли он из чувства долга или его влечет жажда приключений.

– Вы курите? – спросила Ева, неуверенно и церемонно предлагая ему сигарету.

– Нет, спасибо, – ответил он, отрицательно покачав головой и глядя, как она закуривает. А она нервничала и суетилась, словно в движении искала защиты. Бруку почудилось в ней даже что-то загадочное. Он решил, что она могла бы выглядеть привлекательной, если бы немного постаралась, но она так гладко зачесывала назад свои бесцветные волосы и ходила в таком бесформенном хлопчатобумажном платье, словно намеренно старалась не привлекать к себе внимания мужчин. Может, она принадлежит к воинствующим феминисткам, подумал он, хотя никогда их не видел. Ева смущенно переминалась с ноги на ногу, и он догадался, что она поймала его взгляд. Он быстро перевел глаза на Андреса, который как раз в это время говорил, что получены предварительные сведения о предполагаемом маршруте генерала Иньесты.

10

Сидя после обеда за чашкой кофе, Сэм Шерман разглядывал светло-коричневую жидкость и удивлялся, как плохо англичане варят кофе. Он взял пачку сигарет и вытряхнул последнюю. Никотиновые пятна на пальцах походили на пятна от рыжего крема для чистки обуви, но он не обращал внимания ни на них, ни на предостережение главного терапевта, набранное на боковой стороне пачки и обвиняюще смотревшее на него. Скомкав пачку и целлофановую обертку, он бросил все это в пепельницу. И с нетерпением стал ждать, когда можно будет позвонить в Вашингтон.

На протяжении всех этих лет он чаще шел по ложному следу, чем по истинному, и это научило его сдержанности и осторожности. Но сейчас он кожей чувствовал, что деятельность Алекса Гамильтона в Южной Америке достойна особого внимания. К тому же он давно понял, что на ранней стадии расследования лучше всего идти к цели с двух сторон одновременно – по такому принципу работает пеленгатор. То, что Гамильтон так быстро согласился встретиться с ним, могло означать, что кто-то еще, возможно, начал копать и, следовательно, газета Шермана наткнулась на нечто стоящее.

Последние сутки Шерман напряженно занимался изучением обстоятельств, связанных с покупкой Гамильтоном через год после переворота самой крупной горнодобывающей компании в этой южноамериканской стране. Компания не давала прибыли, когда Гамильтон приобрел контрольный пакет акций, что объяснялось частично падением цен на мировом рынке, а также, как утверждали, тем, что в руководстве компании были недостаточно компетентные люди. Шерман же слышал еще одно объяснение: правительство-де постоянно ставило палки в колеса, вводя разные ограничения. Поразительный рост прибылей после перехода компании в руки Гамильтона, конечно, не мог объясняться лишь тем, что ее возглавили более толковые люди. Из того же источника Шерман узнал, что договор с правительством был перезаключен на совершенно иной основе и все государственные чиновники из компании были отозваны. Поговаривали, что дело не обошлось без подкупа, но Шерман стал подумывать, только ли в этом причина.

Вернувшись к себе в номер, он задернул занавеску, чтобы солнце не било в глаза, и вытащил полиэтиленовые папки, привезенные из Вашингтона. В них лежали фотокопии газетных вырезок за последние пять лет. Повесив пиджак на спинку стула,

стоявшего у туалетного столика, он снял галстук и распечатал новую пачку сигарет. Затем отодвинул в сторону вырезки, касавшиеся лично Алекса Гамильтона, и стал раскладывать в хронологическом порядке остальные, проверяя, не упустил ли он чего-нибудь. Первой была обзорная статья по поводу изъятия у крестьян земельных участков при помощи следующего трюка: им предоставлялись займы на льготных условиях, а затем деньги внезапно требовали назад. Эта масса крестьян, лишившихся земли, образовала такой резерв рабочей силы, что владельцы асьенд получили возможность снизить заработную плату поденщикам; те же, кто не смог получить работу у землевладельцев, подались в город, осев в трущобах вокруг столицы. Затем следовал фоторепортаж о голодных собаках, которые, свесив головы, бродят в поисках пищи, и об индейцах со страдальческими лицами, покорно смотрящих в равнодушный кинообъектив. Была также пара вырезок о коррупции в правительстве президента Эгиа, но Шерман лишь криво усмехнулся: ведь армейская верхушка и переворот-то совершала для того, чтобы не потерять монополии на кокаин.

Он взял следующую стопку вырезок, закурил сигарету и пересел в кресло у окна. Эта пачка статей, вырезанных из десятка разных газет, касалась убийства президента Эгиа, которое Иньеста впоследствии без тени стыда представил как «последнюю каплю», подвигнувшую его выступить во спасение страны для западной цивилизации. Сказать по правде, никто не верил официальной версии, будто президент был застрелен одним из партизан-марксистов. Убийца был в женском платье и черном парике, и один приятель Шермана из госдепартамента заметил, что это дело рук, несомненно, профессионала, нанятого за границей, и что вооруженная личная охрана президента даже не пыталась вмешаться.

Другие журналисты в Вашингтоне клялись, что убийца был обучен в ЦРУ, но, хотя то, как все произошло, во многом напоминало операцию Трэк II в Чили и убийство генерала Шнейдера, все, однако, считали, что ЦРУ на этот раз не имело прямого касательства к делу. Слишком уж досталось Управлению от сената и комитетов конгресса, чтобы затеять новую игру теми же краплеными картами. А карты эти были налицо. Та же подрывная очернительная пропаганда, те же психологические атаки на демонстрантов со стороны нанятых писак с целью дать повод для «наведения порядка». Нагнетание истерии средствами массовой информации. Взятки профсоюзным лидерам для организации забастовок и наем гангстеров для убийства студентов, чтобы провоцировать волнения в университетах.

Конечно, не исключено, что убийца прошел первоначальную подготовку в Фирме. Ведь к услугам ЦРУ было множество кубинских эмигрантов, оставшихся без дела после того, как США прекратили активные действия против Кубы. Однако большинство источников указывало на некоего араба, хотя на первый взгляд это и казалось маловероятным. Так или иначе, curriculum vitae[16] убийцы представляла интерес лишь постольку, поскольку могла пролить свет на того, кто ему платил. Конечно, все расходы подсчитать невозможно, но это нагнетание напряженности стоило, очевидно, не один миллион долларов.

Шерман невольно сопоставил эту сумму с возможными прибылями от горнорудных разработок и пришел к выводу, что, наверное, это была захватывающая игра, особенно если Гамильтон заранее знал, что они дешево ему обойдутся. Шерман понимал, что нельзя поддаваться искушению и обращать внимание лишь на те факты, которые вроде бы подкрепляют подозрение, но ничего не мог с собой поделать и вернулся к одной из статей о беспорядках в столице.

Возможно, парням из ЦРУ пришлось держаться от этого грязного дела подальше, но это вовсе не значит, что они не действовали через подставных лиц, заручившись, конечно, «правдоподобным алиби». Операция Трэк II в 1970 году осуществлялась с помощью нескольких международных корпораций, которые согласились служить ширмой и были использованы для передачи секретных фондов ЦРУ. Шерман понимал, что подобная операция могла быть осуществлена и без ЦРУ, поскольку многие офицеры, уволенные в период так называемой «новой метлы», были наняты мультинациональными корпорациями в качестве «консультантов по безопасности».

Шерман сознавал, что появление Гамильтона в качестве фигуры, финансирующей Институт по изучению проблем свободного мира, само по себе большой роли не играет, но это явно указывает на то, что он имеет крепкие позиции не только в Вашингтоне, но и в Лэнгли, штат Виргиния.[17] Следовательно, по собственному почину или по наущению ЦРУ он вполне мог субсидировать военный переворот, подрывные действия или даже убийство Эгиа. Почесывая в задумчивости плечо, Шерман подумал, что, как бы правильна ни была его гипотеза, Гамильтон, безусловно, держится от всех этих дел на безопасном расстоянии и наверняка создал дымовую завесу из фальшивых имен, текущих счетов и денежных переводов на подставных лиц, чтобы пресечь всякую попытку докопаться до истины.

Шерман вспомнил, как Алекс Гамильтон, щурясь, точно кот, сидел в своем звуконепроницаемом кабинете. Он вряд ли получал

удовольствие от страданий, которые навлек на эту страну, но прибыли из нее выколачивал огромные. Очевидно, он никогда не думал об этом, как не думает генерал, сколько настрадаются его солдаты на поле боя. Неудачное сравнение. Никто не вызывался добровольно страдать ни в шахтах, ни в трущобах, ни в застенках Бригады по расследованию и обеспечению безопасности. Он вспомнил, что следующая стопка вырезок посвящена перевороту и его последствиям – осаде университета; расстрелам на стадионе с последующей работой штыками, которой занялись национальные гвардейцы; массовым изнасилованиям женщин-заключенных перед тем, как подвергнуть их пыткам электрическим током.

На Шермана вдруг напало уныние – не только из-за всего этого ужаса, который можно было предсказать заранее, но главным образом из-за того, что он вряд ли когда-нибудь узнает всю правду о перевороте. В ЦРУ может найтись человек, который согласился бы выступить с разоблачениями, но Гамильтон никогда не стал бы нанимать идеалиста, способного со временем разочароваться в порученном ему деле. Это если Гамильтон действительно причастен к перевороту, поспешно напомнил себе Шерман. Единственный человек, который хорошо знает Алекса Гамильтона и мог бы что-то рассказать о нем, учитывая, что они терпеть друг друга не могут, – это его младший брат, и, хотя, скорее всего, он мало что знает, все же лучше поговорить с ним, чем сидеть над этим газетным барахлом. Шерман посмотрел на часы. Пора было звонить в Вашингтон.

Наконец он выбрался из гостиницы. Был один из тех жарких летних вечеров, когда люди толпятся на тротуарах возле кафе и прохожие вынуждены идти по проезжей части. В субботний вечер всюду слышатся болтовня и смех. Шерман любил этот расслабившийся Лондон с его космополитическими звуками и запахами. Он считал, что Нью-Йорк, одержимый духом конкуренции, слишком взвинчен.

Совершенно неожиданная новость рассеяла его недавнее уныние. Какой-то молодой репортер из «Вашингтон пост» проверял слухи о взятках, раздаваемых одной компанией США, имеющей интересы в Южной Америке, и, хотя ничто пока не указывало на то, что Гамильтон к этому причастен, репортер слышал, что завтра в Лондон прибывает Иньеста. Шерман всем своим нутром тотчас почувствовал, что наконец-то напал на горячий след.

Подойдя к двери крошечного флигеля бывшей конюшни, он нажал на звонок и, взглянув вверх, на окно, заметил, что

занавеска слегка дрогнула. Надеюсь, он не с красоткой, ухмыльнулся про себя Шерман. И, снова надавив на кнопку звонка, стал ждать. Бывшие конюшни казались пустынными и заброшенными по сравнению с шумной, оживленной Кромвель-роуд. Наверно, все уехали на уикенд, подумал он и уже двинулся было со двора, но тут позади щелкнул замок.

Брук Гамильтон стоял в проеме двери в коротком банном халате. Он настороженно смотрел на посетителя – ему было ясно, что этого человека он уже встречал прежде. Изрезанное морщинами лицо и волосы, как стальная стружка – все было знакомо, но Брук не мог вспомнить, кто это.

– Извините, если я не вовремя, – сказал Шерман и представился.

Брук почувствовал облегчение и про себя посмеялся над своей подозрительностью. «Вашингтон пост» могла интересоваться только Алексом. Ему вдруг захотелось узнать, как американская пресса относится к его брату.

– Входите. Позвольте, я только пойду вытру полотенцем волосы.

– Знаете, если вы собирались уйти…

– Не беспокойтесь, не собирался. Просто сегодня чертовски душно.

– Это верно. Я и не припомню, чтобы в Лондоне была такая жара.

– Садитесь, я через секунду вернусь, – сказал Брук и рукой показал, куда пройти.

Шерман прошел налево в гостиную и от нечего делать принялся ее осматривать. В углу на столе громоздились счета и бумаги. Должно быть, сегодня вечер домашней бухгалтерии, подумал Шерман, заметив банковскую декларацию. Солнце спряталось за высокими домами, и сразу стемнело так, что, подойдя к книжному шкафу, Шерман с трудом мог прочесть названия на корешках. Оказалось, что почти все это – книги по географии и путешествиям. Услышав скрип ступеней, он круто повернулся к двери. Брук Гамильтон вошел в комнату босиком, вытирая голову полотенцем.

– Бог мой, до чего же здесь мрачно, – сказал он, потянувшись к выключателю. – Извините.

– Ничего. Но вы действительно можете уделить мне сейчас несколько минут, мистер Гамильтон?.. Или, может быть, капитан Гамильтон?

– Нет, с этим покончено.

Брук коротко рассмеялся, и Шерман уловил в его смехе чуть заметную нервозную нотку. Он сел в строгое маленькое креслице,

выделявшееся своей цветастой обивкой из остальной обстановки. Ему пришло в голову попробовать подойти к делу с другой стороны.

– Насколько я понимаю, мы с вами оба интересуемся Южной Америкой, – заметил он после непродолжительного молчания.

– В каком смысле?

Приободренный легким испугом собеседника, Шерман продолжал:

– Ну, по-моему, вашу семью в высшей степени привлекала эта часть света.

Брук растерялся: то ли ему это отрицать, то ли просто переменить тему разговора.

– Ну и что же? А что вас там интересует? – Брук внутренне порадовался, что сумел отпарировать вопрос.

– Кое-что и в частности и вообще, – сказал Шерман, слегка улыбнувшись. – К примеру, некий генерал Иньеста, который, кстати, как я слышал, завтра приезжает в Лондон.

Кто, черт побери, мог ему это рассказать? – подумал Брук, охваченный внезапной тревогой.

– Да?.. С дипломатическим визитом? Не хотите ли кофе или чего-нибудь выпить? – поспешно предложил он.

Прежде чем ответить, Шерман несколько мгновений пристально изучал его лицо.

– Неплохо бы кофе. Ваш брат принимал меня не столь любезно.

– Вы, наверное, задавали ему каверзные вопросы? – бросил через плечо Брук перед тем, как скрыться в кухне.

– Думаю, что да, – крикнул ему вслед Шерман. – Это же моя работа.

Он повернулся и взял в руки рамку с несколькими снимками. Группа людей с красными, как у крыс, глазами сидела за столом и смотрела в фотоаппарат. Две девушки смеялись, а какой-то мужчина поднял бокал с вином, приветствуя фотографа. Брук стоял отдельно от всех. Шерман подметил, какая у него застенчивая улыбка. Он перевел взгляд на другие фотографии. Похоже, что ни один из снимков не был сделан в Англии и ни на одном не было брата Алекса. Шерман быстро оглядел комнату в поисках других фотографий.

Тем временем Брук зажег на кухне газ и, заметив паука в раковине, смыл его водой. Что нужно этому человеку? Бруку вдруг захотелось виски вместо кофе.

– А вы точно не хотите чего-нибудь покрепче? – крикнул он.

– Нет, лучше всего кофе.

Чудной какой-то журналист, подумал Брук и решил тоже

ограничиться кофе.

Когда он принес поднос, Шерман встал, чтобы взять чашку. Поблагодарив хозяина улыбкой, он заметил, что Брук, даже босой, выше его. Миниатюрный домик казался слишком маленьким для своего хозяина, словно мастер по игрушкам, делавший домик, ошибся в масштабах.

– Вы курите? – спросил Шерман, предлагая пачку сигарет.

Брук покачал головой и присел на край стола.

– Так о чем мы говорили? – спросил он, неубедительно изображая забывчивость.

– Об Иньесте, капитан… извините, мистер Гамильтон, – поправился Шерман. – Вы, конечно же, знаете о генерале Иньесте, раз его страна представляет для вас интерес.

– Да, безусловно, но я был там всего лишь в экспедиции… – неопределенно протянул Брук. Неужели он как-то дал понять, что знает о приезде Иньесты в Лондон?

– В экспедиции, которой, насколько я понимаю, содействовал ваш брат, – поспешил вставить Шерман.

– Да, но…

– И для проведения которой вам было необходимо разрешение военных властей.

Брук внезапно понял, что журналиста интересует совсем не то, чего он опасался. Он облегченно вздохнул, но ему все-таки была не ясна цель визита Шермана.

– Да, страной правят военные, – сказал он с неожиданной доверительностью, вставая за пепельницей. – И только через них можно чего-то добиться.

– Безусловно, мистер Гамильтон, я уверен в этом. Но у вас вряд ли могли возникнуть какие-либо трудности. Ведь вы же сами причастны к этому бизнесу. – Несколько озадаченный исчезновением настороженности в собеседнике, Шерман решил попытаться спровоцировать какой-нибудь взрыв.

– Я решительно не понимаю, почему я непременно должен иметь к этому отношение на том основании, что я бывший военный, – не без раздражения заметил Брук. – Послушайте, чего вы все-таки хотите от меня?

– Хорошо, я поставлю вопрос по-другому. Ваша семья обогащается за счет этой страны… – Шерман умышленно не стал задерживать внимания на словах Брука, – …благодаря особым отношениям вашего могущественного братца с одним весьма сомнительным диктатором. И раз вы использовали влияние вашего брата, я, естественно, делаю вывод, что вы одобряете деятельность его горнодобывающей компании и дружбу с Иньестой и его приспешниками.

Брук хотел было возразить, открыл рот и тут же в смятении закрыл. Неужели ему придется оправдывать деятельность брата? Раньше он как-то не задумывался, в чем они, в сущности, замешаны. Где-то в уголке памяти всплыла цифра: средняя продолжительность жизни рудокопов – тридцать один год. Как всякая статистика, эта цифра явно завышена. Но даже если принять ее за истину, это на пять лет меньше, чем ему сейчас.

– Вы когда-нибудь встречались с Иньестой? – неожиданно спросил Шерман.

– Слава богу, нет. – Брук почувствовал, что покраснел, и попытался взять себя в руки. – Один мелкий чиновник помог ускорить мои дела – ну, там визы, подписи военного губернатора района и все остальное. Между прочим, вы только назвали мне свое имя и какую газету представляете, а не то, о чем пишете. – Он запахнул поплотнее свой банный халат, который был почти до неприличия коротким, и постарался принять как можно более непринужденный вид. – Очевидно, у вас есть какая-то идея насчет моего брата и вы ее разрабатываете.

– Значит – тайна фирмы? – улыбнувшись, сказал Шерман. Он решил переменить тактику, поняв, что Брук Гамильтон так легко на его приманку не клюнет. – Ладно, я вам скажу, чем я сейчас занимаюсь, но прошу вас сохранить это в тайне. – Подождав утвердительного кивка, Шерман продолжал: – У меня складывается впечатление, что ваш брат был связан с Иньестой еще до переворота.

– Вы хотите сказать… – удивление Брука было неподдельным. – Но ведь он купил эту компанию через год после прихода военных к власти.

Шерман спокойно кивнул.

– В таком случае, – вздохнул Брук, – вы, по-видимому, знаете гораздо больше, чем я, но ваше предположение кажется мне маловероятным. Не то чтобы я полностью исключал такую возможность. Просто я ничего не знаю о его делах. Он много разъезжает – Гонконг, Сингапур, Южная Америка, Нью-Йорк, Бейрут и, конечно, Европа. Поэтому, чем он всюду занимается…

– Вы упомянули Бейрут. Первый раз слышу, что у него и там дела.

– Не знаю, как теперь, но несколько лет назад… вплоть до начала войны он бывал в тех краях очень часто. Но я не понимаю, какое это может иметь отношение к Южной Америке.

Шерман внимательно посмотрел на него, не зная, высказать ли зародившееся подозрение. Ему вдруг пришло в голову, что таинственный убийца Эгиа вполне мог быть арабом из числа бандитов маронитской шайки в Ливане.

11

– Значит, никаких планов на предмет женитьбы, а, Брайан?

Дандаса уже тошнило от примитивных шуточек Майка Кларксона по поводу его личной жизни.

– Нет, – огрызнулся он.

Ему неприятен был Кларксон, потому что он никогда не знал, как воспринимать его – то ли терпеть это сомнительное дружелюбие, то ли послать все к черту. Не улучшала дела и весть о том, что самолет Иньесты задерживается почти на два часа. Интересно, как отнеслись к этому парни из дипохраны, хотя им-то не привыкать околачиваться без дела. В любом случае, он был уверен, что они тоже считают Майка Кларксона умником, без которого вполне можно обойтись.

Комната ожидания в отделении охраны аэропорта была на редкость уродливой с этими оранжевыми пластмассовыми креслами и зелеными ковровыми плитками. Повсюду валялись белые бумажные стаканчики – свидетельство их долгого ожидания, а круглые пепельницы были переполнены окурками. Один из констеблей спал, откинувшись в кресле, сложив на груди руки, вытянув ноги. Голова его свесилась набок, челюсть отвисла. Дандас мысленно похвалил его. Время, проведенное во сне, не потрачено даром, если тебе предстоит ночная работа. Жаль, что он не может последовать его примеру.

Было все еще удушающе жарко, несмотря на то, что солнце клонилось к закату. На сей раз прогноз погоды, предсказывавший жару, полностью оправдался, – приходилось потеть и жариться в толстом пиджаке, в то время как офицеры, имевшие на то право, ходили в форме с короткими рукавами. Он, конечно, был сам виноват: ведь Кларксон сразу сказал, что на него смотреть больно в этом пиджаке, но он уперся – ему-де хорошо. Конечно, это глупо, но он не мог допустить, чтобы Кларксон хоть в чем-то взял над ним верх. Сам Кларксон чувствовал себя наверняка отлично в легком бежевом костюме. Дандас даже разозлился, что думает о такой чепухе, и, встав, направился в коридор – может, там попрохладнее.

Как только он отворил дверь, спящий констебль приоткрыл на мгновение глаза и тут же опять закрыл их. Дандас, чуть улыбнувшись, подумал, какая все-таки великая вещь – постоянные тренировки: организм легко приспосабливается к любым условиям. Достав очередную сигарету, он медленно пошел по линолеуму. Возле лестницы в конце коридора остановился понаблюдать за суетой служебных машин на взлетно-посадочной

полосе.

Вот уж точно – хоть плачь, хоть смейся. Право же, как в скверном анекдоте, подумал он. Они из кожи лезут вон, устраняя все помехи на пути Иньесты, а ведь если бы он предстал перед судом хотя бы за одно из своих преступлений, его приговорили бы к пожизненному заключению, тогда как теперь, захватив власть в стране, а не среди городской мафии, он уже считается важной персоной, которую охраняют со всех сторон.

В эту минуту Дандас услышал быстрые шаги и, обернувшись, увидел одного из парней службы безопасности аэропорта.

– Самолет идет на посадку, сэр.

– Что? – вскричал Дандас. – Я полагал, что нас по крайней мере предупредят… А, черт, ладно. – И он понесся назад по коридору, чтобы позвать остальных. Однако теперь им всем пришлось томиться на солнце, и Дандас пожалел, что поспешил вытащить их из комнаты отдыха. Он вел себя, как желторотый юнец, только что получивший блестящую новую звездочку на погоны.

Низкое вечернее солнце отражалось от лобовых стекол машин и самолетов, стоявших на прилангарной бетонированной площадке. Даже легкий ветерок был насыщен влагой. Кларксон вынул большие темные очки с зеленоватыми стеклами. Хочет выглядеть устрашающе перед своими клиентами, подумал Дандас, щурясь от яркого света. У него к тому же еще разболелась голова.

Они оба отдавали последние распоряжения, прислонившись к крылу переднего автомобиля. Официальное лицо из министерства внутренних дел будет присутствовать негласно – только на случай непредвиденных осложнений. Больше всего беспокоили Дандаса размеры и состав автоколонны. Дипохрана поедет впереди и сзади, между ними почти вплотную пойдут два лимузина. Иньеста проследует с двумя своими телохранителями в бронированном «мерседесе», остальные сопровождающие – в «даймлере».

– Не волнуйся, – утешал его Кларксон. – В обеих машинах темные стекла, так что любой проныра скорей всего решит, что это богатые арабы.

Дандас не понял хода его мысли, но ничего не сказал.

– Так или иначе, – продолжал Кларксон, – дипохрана вооружена и на колесах, так что никаких неожиданностей быть не должно. Ах да, забыл спросить. Ты сумел уговорить наших обеспечить охрану с тыла?

– Я просил их, они обещали что-нибудь сделать.

– Обещали сделать! Это же сейчас самое важное.

– Видимо, они потратили уже немало времени на предварительную ловлю рыбы, да и в межведомственных инструкциях это специально не оговорено.

– А, черт! – выругался Кларксон. – Упаси нас бог от бюрократов.

– Знаешь что! – сказал Дандас, стараясь не дать воли злости. – Возможно, это твой самый важный клиент, но у нас и без него забот достаточно. Так что не думай – королевского эскорта для него не будет. По-моему, мы и так слишком стараемся, но я выполняю…

– …мой приказ, – саркастически добавил Кларксон. – Да, я это знаю. Ты всегда и во всем придерживаешься инструкции. Ну а согласно инструкции… министерство иностранных дел, к твоему сведению, предписывает «обеспечить ему безопасность всеми возможными средствами». И это безусловно включает охрану для защиты от террористов с тыла.

Брайан Дандас сжал зубы, чтобы не брякнуть лишнего. Ему вовсе не хотелось вступать в пререкания на глазах у сотрудника из министерства внутренних дел, сидевшего в черном «моррисе», который стоял у края бетонированной площадки перед ангаром.

– Не будь вы параноиками, – холодно сказал он, – все можно было бы сделать с помощью пары обыкновенных машин. Но нет! Мы устроили целое представление. Этого требует престиж твоей фирмы, верно? Я имею в виду вашу основную функцию – находиться при главах государств. Удивляюсь, как это мы не устроили торжественного парада всех ваших директоров, жаждущих пожать руку великому человеку.

Кларксон в ярости уставился на него, всем своим видом выказывая крайнее презрение.

– Плевал я на то, что ты обо всем этом думаешь. Тебе платят за то, чтобы ты выполнял свою работенку и обеспечил сохранность моего клиента, кто бы он ни был. Малейшая оплошность – и тебе дадут по шее. И запомни: если что случится, правительство окажется в крайне затруднительном положении, ибо тогда выплывет то, что Иньеста приезжал к нам. Так что, если не будут приняты все меры предосторожности, это будет рассматриваться, как нарушение служебного долга.

– И это говоришь ты! – горько усмехнулся Дандас. – Так или иначе, если и было какое-то распоряжение относительно эскорта, ко мне это не имеет никакого отношения. Поэтому придержи язык и помечтай лучше о монетах, которые отсыплет тебе твоя жирная фирма.

И, с отвращением отвернувшись, Дандас пошел к сержанту из дипохраны. Краем глаза он уловил на крыше здания какое-то

движение. Два снайпера из Д-П как раз занимали там наблюдательный пост. Господи, и этот человек еще смеет ныть, возмущенно подумал Дандас.

Увидев Дандаса, сержант выскочил из машины и вытянулся по стойке «смирно». Это был плотный мужчина с красной физиономией и густыми бакенбардами, которые придавали вид хозяина гостиницы XVIII века. Его лоб, блестящий от пота, пересекала натертая форменной фуражкой полоса.

– Что-то у вас не очень радостный вид, сэр, – заметил он с сочувственной улыбкой. – Видно, наш надутый индюк доконал вас!

– Еще бы.

– Хорошо, что он от нас ушел и я теперь могу сказать все, что о нем думаю. – Сержант поднял руку, чтобы поскрести лысину, и на голубой рубашке под мышкой обнаружились темные пятна пота.

– Можете обеспечить, чтобы задняя машина ничего не прозевала?

– Конечно, сэр, – ответил сержант, немедленно переходя на официальный тон.

Дандас злился на свою уступчивость, но ему необходимо было себя прикрыть. Он ведь знал, как дотошно проводится расследование в случае смерти клиента. Недаром в старой пословице говорится: не забывай оглядываться и держи зонтик открытым против летящего дерьма. Оплошаешь – вымажешься с головы до ног.

– Может, надо следить за чем-то конкретным? – бесстрастно осведомился сержант.

– Да нет, просто за любым, кто, как вам покажется, идет или едет следом.

– Скажу ребятам, чтобы глядели в оба, сэр… хотя в общем-то иначе и быть не может.

Дандас отошел, слегка сконфуженный. Такое было впечатление, что он начал учить сержанта, как относиться к своим обязанностям, а тот вежливо поставил его на место. И поделом мне, сказал себе Дандас, надо было послать Кларксона к черту вместе с его идиотскими угрозами.

Когда самолет подрулил к ним, машина для багажа стояла уже наготове, с включенным мотором. Кларксон дал знак шоферам обоих лимузинов, и они выскочили из машин, чтобы открыть багажники. Иньеста и его сопровождающие выйдут из самолета, лишь после того, как все будет готово.

Дандас искал глазами телохранителя-ливанца, когда прибывшие стали спускаться по трапу. Он узнал его по

фотографии в паспорте, только ливанец оказался моложе и ниже ростом. Волосы у него совсем выгорели на средиземноморском солнце, а кожа была оливковой. Беспокойные глаза, выдававшие его профессию, мгновенно обшарили крыши и окна зданий. Дандас даже испугался: господи, вдруг он примет стрелков охраны за террористов! Но еще миг – и все уже были в машинах, а он даже не успел рассмотреть самого генерала – заметил только усы и темные очки. Усы должны быть непременно, не к месту подумал он. Оглянулся на сержанта, который должен был ехать в последнем автомобиле, и, когда тот поднял большой палец вверх, Дандас сел на заднее сиденье автомобиля дипохраны.

– Все в порядке, сэр? – спросил шофер, глядя на него в зеркальце заднего вида.

– Нормально. Поехали.

Он поерзал на сиденье – мешала кобура с автоматом «смит-вессон». Так непременно и убьют, усмехнулся он про себя. Можно подумать, что он – бриллиант из королевской короны. Дандас опустил стекло, так как автомобиль сильно нагрелся, простояв долго на солнце, и обернулся, чтобы посмотреть на идущие сзади машины. Шофер «мерседеса» сделал вид, будто не замечает его, а он сохранял дистанцию, предписанную инструкцией.

Машина пошла быстрее, и воздух со всех сторон ворвался в салон, трепля волосы Дандаса. Он услышал треск радиоприемника и затем голос сержанта, докладывавшего, что сзади все спокойно. Как это обычно бывает ранним летом по воскресеньям, дорога в Лондон была запружена автомобилями, и Дандас снова начал беспокоиться, ибо определить в этом потоке преследователей становилось все труднее. Хорошо, что они скоро свернут на другую дорогу и что клиника находится за городом. Еще пятнадцать минут, напомнил он себе, и все это можно будет забыть до следующего четверга, когда генерал полетит обратно.

12

После совещания у Евы в понедельник утром Брук Гамильтон всерьез задумался над трудностями разрабатываемого предприятия. Проследить, куда охранники доставили Иньесту из аэропорта вчера вечером, оказалось несложным, а вот надеяться на то, что удастся осуществить покушение в самой клинике, не приходилось, и подстерегать Иньесту на улице они не могли. Когда это стало ясно, Брук счел необходимым предложить свою помощь, чтобы разузнать о планах генерала, однако теперь он начал сожалеть об этом необдуманном порыве. Им овладело что-то вроде паники: ведь он же совсем не подходил для выполнения такой задачи. Даже если ему удастся что-то разузнать, Андресу и его группе все равно придется иметь дело с бдительной охраной, хотя он и признавал, что тактика Андреса была и оригинальной, и эффективной.

Гримасничая от усердия, он снова сражался с дверцей машины: интересно, кто из них двоих пришел в негодность – он или его машина? Эта мысль почему-то вернула его к тем людям, с которыми он только что расстался. Его участие в их делах началось с осознания своего долга перед Эрнесто Картерой. Приступ синдрома офицерской чести, подумал он с несвойственным ему цинизмом, хотя подозревал, что на самом деле решил помогать Андресу только из желания доказать самому себе, что он не трус и не боится поговорить с братом. Но теперь, после встречи с американским журналистом, похоже было, что он обязан участвовать в этом деле.

Он не уставал проклинать пробки и потоки машин на дороге. Теперь, когда он принял решение позвонить брату, ему не терпелось скорее покончить с этим, хотя, как получить нужные сведения, он понятия не имел.

Оставив машину возле своего флигеля, он прошел в гостиную и принялся ходить из угла в угол. Однако справиться с волнением ему не удавалось, и, чтобы разрядиться, он решил подняться наверх. Вся эта ситуация бесконечно пугала его. Он страдал от физического страха гораздо меньше, чем многие другие, зато очень боялся сложных жизненных проблем, требующих определенной изворотливости ума. Главным образом из-за этого у него и не было до сих пор ни одного серьезного романа. Все считали его героем-любовником, который не хочет терять свою свободу, тогда как на самом деле он сторонился женщин. И хотя его, безусловно, не мучило чувство физической неполноценности, он был, однако, убежден, что ему не справиться с женскими

эмоциями. Ему казалось, что он никогда не сможет понять женщину, и, будучи по натуре человеком неуживчивым, он страшился прочной привязанности.

Парализующее напряжение, которое, как правило, охватывает его в ситуациях, подобных предстоящему телефонному разговору, обычно исчезало, стоило ему приступить к делу. Но сейчас он чувствовал, что в горле у него пересохло и во рту появился неприятный вкус. Это состояние было ему знакомо. Он отправился на кухню и огромными глотками выпил несколько стаканов воды, пока в желудке не появилось ощущения тяжести. Он заметил также, что сильно вспотел; захотелось принять ванну и переодеться, но он знал, что, если оттягивать разговор, будет только хуже. Он снял трубку и набрал номер.

Долго никто не отвечал, и он почувствовал, как в нем нарастает тревога. Он уже собрался бросить трубку, но тут услышал голос телефонистки с коммутатора компании. Назвав себя, он попросил соединить его с братом.

– Я вас слушаю, капитан Гамильтон, – раздался бесстрастный голос секретарши. – Боюсь, что с мистером Гамильтоном вам сейчас не удастся поговорить.

Брук едва не рассмеялся от внезапной нервной разрядки, но второй раз он на такой шаг уже не отважится.

– Вот как, – произнес он, пытаясь что-то придумать. – Видите ли, я уже давно хочу с ним поговорить. Не так-то просто его поймать.

– Ну, он ведь очень занят, как вы знаете.

– Да, я понимаю, но он не будет свободен в ближайшие два-три дня?

– Боюсь, что нет: у него полно разных деловых встреч.

– Понимаю, но я не займу много времени, – настаивал Брук. – Может быть, в среду?

– Нет, это невозможно. Он уедет за город, и на месте его не будет весь день.

Брук мгновенно насторожился, поняв, что это может означать, и, осмелев, но стараясь не выдать своего интереса, спросил:

– А в четверг?

– Сожалею, но в четверг он улетает во Францию. Он берет недельный отпуск после недавней деловой поездки.

– Какое совпадение! – воскликнул Брук, издав короткий смешок. – Я как раз еду во Францию в конце недели. Так, может, он захватит меня? Тогда я мог бы поговорить с ним в самолете.

– Сожалею, капитан Гамильтон, но ваш брат летит не своим самолетом. – Она сделала ударение на слове «своим». – Он

заказал билет на рейсовый.

– Ну что ж, это была неплохая идея – полететь вместе! – заметил он. – Тогда, может быть, вы передадите ему, чтобы он позвонил мне перед отъездом?

– Передам. До свидания, капитан Гамильтон.

– До свидания, – ответил он, осторожно опуская трубку.

В тот же миг он вскочил с кресла и заходил по комнате. Он был очень доволен собой, с плеч свалилась огромная тяжесть. Все оказалось совсем не так сложно, он говорил вполне естественно, чего никак от себя не ожидал. Теперь надо успокоиться и трезво все обдумать. Похоже, что после визита к Иньесте в эту среду Алекс отправится на свою виллу во Францию, однако странно, что он собирается лететь рейсовым самолетом. Он ведь всегда путешествует по Европе только на своем. Брук внезапно замер на месте, у него даже отвисла челюсть: ему вдруг пришло в голову, что Алекс, возможно, одолжил свой самолет Иньесте, чтобы тот позже прилетел к нему на виллу. В этом тихом, уединенном месте Иньеста, как нигде, сможет отдохнуть после операции.

Стараясь унять бурную радость, Брук со всех сторон обдумывал пришедшую ему в голову догадку и все больше проникался уверенностью, что именно так все и будет. В этой его гипотезе не было ни одного изъяна. Но чтобы не осталось совсем уж никаких сомнений, надо позвонить пилоту Алекса. Телефонная книга была в спальне наверху; однако, поднявшись за ней, он вспомнил, что аэропорт-то ведь за городом. Он бросился вниз к телефону и набрал номер справочного бюро. Трубку очень долго не снимали, и он, теряя терпение, заерзал на стуле. Наконец ему сказали номер телефона пилота, он набрал его и опять вынужден был долго ждать.

– Бисли слушает, – раздалось в трубке после того, как его дважды соединяли не с тем номером.

– Добрый день, капитан Бисли, – отозвался Брук как можно более непринужденным тоном. – Это Брук Гамильтон.

– Да, сэр, чем могу служить?

– Извините, что беспокою вас, но я пытался связаться с братом, поскольку он, как я слышал, улетает в четверг во Францию. Вы не скажете мне, в котором часу: меня интересует, не найдется ли у вас свободного места?

– Видите ли в чем дело, сэр, – ответил Бисли, прокашливаясь, – в четверг я лечу не с мистером Гамильтоном, я повезу нескольких его коллег. А он летит рейсовым самолетом немного раньше.

– Ах так? А во сколько вы вылетаете?

– Взлет назначен на двадцать тридцать… э-э… на восемь

тридцать. – Брук улыбнулся, услышав уточнение. – Но боюсь, что свободных мест не будет.

– Какая жалость, меня бы это так устроило. Что ж, придется заказать билет в кассе, но все равно – спасибо. В любом случае, я позвоню брату. Надеюсь, что не слишком отвлек вас от дел.

– Все в порядке, сэр. Очень сожалею, что не могу помочь вам.

Брук повесил трубку и захлопал в ладоши от восторга. Он выяснил гораздо больше, чем мог надеяться, причем сделал это так ловко – можно поздравить себя с победой. Отыскав ключи и закрыв окна, он побежал к машине. Скорее бы рассказать им все. Возможно, они уже вернулись из гаража, где Мэтти готовил мотоциклы, и опять собрались у Евы.

Только на полпути ему пришло в голову, что он сжег все корабли. Теперь отступать уже поздно, сказал он себе. К своему удивлению, Брук обнаружил, что это открытие ничуть его не огорчило. Радостное возбуждение не покидало его, и он несся по шоссе предельно быстро, насколько позволяло обилие автомобилей на дороге.

13

Каждый раз, когда кто-то проходил по коридору мимо стеклянной перегородки, Брайан Дандас поднимал голову. Он ждал появления Сайкса, ибо тот, если не считать короткого разговора по телефону накануне, не давал о себе знать с того дня, как приехал Иньеста. Весь понедельник Сайкс провел на семинаре «Меры борьбы с подрывной деятельностью». Это был любимый его конек, о чем Дандас достаточно хорошо знал.

Дандас почти завидовал спокойной уверенности своего босса, но в то же время и презирал его за подсознательную боязнь всяких перемен. Но страхи Сайкса были связаны с внешним противником, и это побуждало его работать в полную силу. Существует вполне определенный враг, и он победит, если государство утратит веру в себя. Таково было кредо Сайкса. И любое сомнение рассматривалось им как преступная слабость. Вот почему, думал Дандас, он может безмятежно проводить каждый вечер в своем пригороде за рюмочкой «дюбонне». Защищать цивилизацию, как она есть, ежедневно, с 9 до 5 часов вечера, и пользоваться ее плодами, уединившись у себя дома в остальное время.

Такая логика жизни, наверно, удобна, подумал он со смешанным чувством. Это почти как вера. А ведь Сайкс не был ни евангелистом в политике, ни ультраправым фанатиком. Он был человеком умеренным. Человеком, который никогда не произнесет «дерьмо», скажет «экскременты». Он не выносил грубости и жестокости, связанных с представлением о работнике уголовной полиции. Он и полицейским жаргоном пользовался лишь в самом крайнем случае, если не мог подыскать подходящие литературные выражения, и произносил жаргонные словечки как бы в кавычках. Старые полицейские втихомолку посмеивались над ним и ему подобными. Но смеяться в открытую не смели: времена изменились. Люди тонкого чутья и смелых поступков ушли в прошлое. Их место заняли аналитики и компьютеры. Долгосрочные проекты и планы.

Дандас вздохнул и заставил себя углубиться в перечень вопросов, требовавших решения. Да, похоже, что вокруг Иньесты сгущаются тучи. В этот момент какое-то движение в коридоре привлекло его внимание, и он поднял голову. Сайкс как раз входил в свой кабинет. Поставив портфель у стены, он быстро пробежал глазами принесенную секретаршей почту. Затем поманил Дандаса, – тот сразу встал, прихватив с собой блокнот для заметок.

– Как прошел семинар, сэр? – спросил он, входя.

Сайкс не глядя предложил ему стул и продолжал читать какие-то бумаги. Дандас терпеливо ждал ответа.

– Превосходно, – рассеянно отозвался Сайкс и поставил свою подпись в верхнем углу листа. – Так-с, – произнес он и переключил внимание на своего заместителя. – Рад слышать, что у вас не было никаких происшествий в воскресенье, но мне хотелось бы знать все подробности.

Дандас вкратце очертил события того дня, не забыв упомянуть о своих разногласиях с Кларксоном по поводу наблюдения за тылом.

– Кларксон просто извел меня, – пожаловался он. – По-моему, он намеревался поставить на ноги пол-армии. – Сайкс неопределенно кивнул, и Дандас понял: это его не интересует. Ну ладно, зато свои тылы он, Сайкс, прикрыл. – Ну и потом, похоже, сэр, что произошло нечто важное, – продолжал Дандас, заглянув в свой блокнот. – Прошел слушок, будто весть о приезде генерала просочилась наружу, и вполне возможно, уже планируется нападение на него. Определенного пока ничего нет. Только одно имя. Некий Андрес Дельгадо, бывший студент и соотечественник генерала. – Дандас замолчал, наблюдая реакцию босса.

– Дальше.

– Боюсь, это все, чем я пока располагаю. Бригада по расследованию и обеспечению безопасности передаст нам все, что у них есть на этого Дельгадо, да и наши надеются ко второй половине дня кое-что о нем разузнать. А может, обратиться в Си-два, пусть проверят, нет ли чего-нибудь интересного у американцев в списке лиц, подлежащих наблюдению в связи с подрывной деятельностью?

– Пока не надо. Посмотрим, что можно сделать своими силами. А его адрес известен? И главное – связи?

– В настоящее время нет, но один из программистов ждет от нас сигнала, и они моментально дадут нам все связи этого малого.

– А когда вы об этом узнали? – спросил Сайкс.

– О чем? О Дельгадо? Его засекли около недели назад, но он ухитрился ускользнуть. Съехал с квартиры дней за десять до приезда генерала и с тех пор ни с кем из эмигрантов, находящихся под наблюдением, не встречался. А о том, что на Иньесту готовится покушение, я узнал только вчера.

Сайкс вздохнул и тупо уставился на лежавший перед ним блокнот. Затем снял очки и стал тереть глаза.

– Если ваше сообщение верно и он не общается с другими южноамериканцами, то это может означать только одно…

– Да, сэр, – бесстрастно ответил Дандас. – Это значит, что его связи мы должны искать среди наших.

– Совершенно верно, – поспешил согласиться Сайкс. – Особенность нашего положения заключается в том, что нельзя допустить никакого, даже неудачного выступления против генерала. Его пребывание у нас ни в коем случае не должно выплыть наружу.

– Думаю, все, участвующие в этом деле, понимают настоятельную необходимость соблюдать тайну, сэр.

Сайкс поднял голову: ему послышались в словах Дандаса критические нотки. Его заместителю не следует выказывать отрицательные эмоции к человеку, которого он по долгу службы обязан охранять.

– К трем часам представьте мне подробный отчет. Я буду докладывать заместителю комиссара.

– Хорошо. Но у нас, по крайней мере, есть одно утешение: через пару дней этот Иньеста свалится с нашей шеи.

– Борьба с терроризмом никогда не увенчается успехом, если мы будем относиться к ней с узковедомственных позиций, – резко сказал Сайкс. – Это международная угроза, только так к ней и следует подходить. А потому я хочу, чтобы вы выяснили, есть ли у этого типа Дельгадо хоть какие-то связи во Франции. – Он помолчал, глядя на изумленное лицо Дандаса. – Да, гипотеза, высказанная вами в прошлый раз, нашла подтверждение. Иньеста будет долечиваться во Франции, но повторяю: об этом – никому без моего особого разрешения.

Дандас подавил желание спросить, откуда это стало известно, и вернулся к себе в кабинет. Следовало ожидать, что Сайкс накинется на него, когда он сказал, что Иньеста скоро свалится с их шеи. Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом было одной из священных коров Сайкса: он был убежден в его необходимости так же твердо, как и в том, что террористов надо убивать на месте в интересах государственной безопасности. Но это уже вот-вот должно было стать принципом официальной политики, как явствовало из секретных переговоров между европейскими министрами.

Сайкс проводил глазами своего заместителя и придвинул к себе телефон. Он снял трубку и тут же положил ее, обдумывая, что сказать. Его встреча с Алексом Гамильтоном вчера вечером была короткой, но результативной. Ему не понравился Гамильтон – а Сайкс гордился тем, что способен объективно оценивать людей, – тем не менее ему льстило, что он встречался и имел личную беседу с такой знаменитостью. Не без раздражения он вспомнил, как дома ему пришлось спуститься с небес на землю:

жена просила его заняться подписками книжного клуба, а у него совсем не было на это времени, из-за чего и возникла ссора.

– Le commissaire Beck, s'il vous plait, – произнес он на своем плохом французском, и снова повторился весь ритуал вежливости.

– Есть ли новости относительно планов нашего гостя? – спросил Бек.

– Да, комиссар. Он улетает от нас на частном самолете в четверг, в двадцать тридцать, и прибудет в Марсель-Мариньян через два с половиной часа. – Затем он сообщил подробности о самолете и вилле Гамильтона. – Кстати, комиссар, должен вас предупредить: не исключено, что против него готовится некая акция. Что до нас, то мы тщательно проверяем, не тянутся ли ниточки к какой-нибудь группе по вашу сторону Ла-Манша.

– Я очень ценю ваше сотрудничество, – сказал Бек. – Не думаю, что будет разумно наводнить район вокруг виллы нашими людьми. Нам ведь тоже не хотелось бы привлекать внимание к присутствию Иньесты в нашей стране. Ке-д'Орсе хочет, подражая вашему лорду Нельсону, повернуться в эту сторону слепым глазом.

– Вы, безусловно, понимаете, комиссар, – осторожно добавил Сайкс, помня свою недавнюю бестактность, – что его личная охрана будет вооружена до зубов.

– Это мы учтем. Все будет отрегулировано еще в аэропорту, и я отдам строжайший приказ, чтобы ни один из моих людей не приближался к вилле, а то ведь… м-м… охрана может и перепутать.

У Сайкса словно тяжесть свалилась с плеч: комиссар все понял с полуслова, его не надо было учить профессиональным тонкостям, рискуя испортить отношения.

14

Сбоку от автострады парил ястреб, и Брук Гамильтон на секунду скосил глаза – ему захотелось увидеть, как ястреб падет камнем вниз. Но не увидел: машина оставила птицу далеко позади – она все еще парила в небе, и Брук устремил взгляд на автостраду. Движение на Дувр было очень напряженное – туристские домики на колесах, грузовики с прицепом. Как было бы хорошо отдаться праздничному настроению выходного дня, но Ева Лэмберт упорно молчала от самого Лондона.

Ему казалось, что она нарочно воспринимает все его слова в искаженном виде. Когда он заехал за ней сегодня, то едва узнал ту девушку, к которой привык. Белокурые волосы ее не были стянуты на затылке резинкой, она слегка подкрасилась. Смутившись, Ева заметила, что это необходимо для конспирации, а когда он по привычке сказал ей комплимент, она так резко оборвала его, словно он пытался ее оскорбить. Хорошенькое начало, расстроился Брук. Зачем только он согласился взять ее с собой! Даже ястреб не пробудил в ней никакого интереса.

Подъезжая к Кентербери, Брук почувствовал, что сейчас взорвется.

– Послушайте, – воскликнул он, – я не претендую на то, чтобы нравиться вам, но, ради бога, постарайтесь правдоподобно играть ту роль, которую вы согласились взять на себя. Мы должны выглядеть беззаботной парой, поехавшей вместе отдохнуть, так что извольте сбросить с себя эту мину отчужденности. – Краем глаза он поглядел на нее, но она продолжала смотреть вперед с застывшим выражением лица. – Ну так как?

– Что «как»?

– Прекратите вы или нет изображать из себя похищенную девственницу? Если нет, то я высаживаю вас, и возвращайтесь поездом в Лондон.

Он испытующе уставился на ее строгий профиль, но она продолжала молчать. Высажу ее в Кентербери на станции, решил Брук.

– Простите меня, – внезапно сказала Ева тоном, в котором не чувствовалось извинения.

– Вы что, думали, что я наброшусь на вас при первой же возможности? – спросил он, чуть-чуть смягчаясь.

– Нет, – ответила она, не поворачивая головы.

– Хорошо, давайте забудем об этом. – Брука неожиданно осенило, что таким тоном с Евой лучше не говорить. – Я только хотел сказать: мало веселого ехать вдвоем и молчать, как рыбы, а

впереди еще такой длинный путь.

От сознания, что надо поддерживать беседу, она еще больше смешалась. Она не знала, как начать. Замечание о хорошей погоде будет похоже на издевку. Может, спросить еще раз о том, как они встретятся в Париже? Она открыла было рот и тут заметила, что по другой стороне шоссе навстречу им движется военная автоколонна с зажженными фарами. Ева быстро взглянула на Брука – как он это воспринял? Но на его лице не отразилось то сложное чувство, которое он испытал, увидев солдат. Как будто ему в лицо бросили обвинение в предательстве, а ведь он не замышляет против своих соотечественников ничего дурного. Говорил же Андрес, что в наши дни линия фронта давно сместилась, только этого никто не хочет признавать.

– Кстати, – сказала она через несколько минут, – как вы говорите по-французски?

– Вполне прилично. А вы?

– Тоже неплохо, – ответила она и про себя улыбнулась. Право же, совсем нетрудно разговаривать с ним, подумала она, и зачем только она себя так накрутила.

– А какие еще языки вы знаете? – спросила она.

– Арабский и немного испанский. – Он в смущении пожал плечами и безо всякой необходимости проверил положение ручного тормоза. Наблюдая за ним, она спрашивала себя, отчего она была так слепо предубеждена против него. Он казался таким странным. Нил был прав: Брук, по-видимому, очень сложный человек. Но это заметно не сразу. Возможно, именно это и настораживало ее.

Они миновали Кентербери в полном молчании, если не считать нескольких фраз, сказанных о соборе. Когда проезжали мимо станции, она уже собиралась пошутить, но промолчала, боясь показаться пошлой. При выезде из города они попали в длинную вереницу машин, образовавшуюся из-за дорожных работ, впереди стоял «форд», из окна которого выглядывал, тяжело дыша, большой черный пес. Он обеспокоенно глядел вокруг, свесив большой розовый язык.

– От одного взгляда на него захотелось пить, – заметил Брук.

– Хотите сделать остановку? – спросила она. – У нас полно времени.

– Ничего, не умру, – улыбнулся он.

Когда они подъехали к порту, он дал ей свой паспорт. Она попросила разрешения взглянуть на фотографию. Рассмеявшись, он сказал – пожалуйста, и она открыла паспорт: ее интересовало, сколько ему лет. И удивилась, узнав, что тридцать шесть. Ей казалось, он гораздо моложе.

– Вы были военным? – спросила она, кивнув на его погоны на фотографии.

– А я и забыл, что снят в форме. Никак не соберусь поменять паспорт. Но через несколько месяцев все равно придется получать новый.

Когда они подъехали к пропускному пункту, она с удовольствием отметила про себя, что совсем не боится. А чего ей, собственно, бояться – ведь никто же о них пока ничего не знает. Но, главное, вся поездка казалась ей чем-то нереальным. Словно это не с ней происходит. Возможно, так оно даже и лучше. Чиновник вернул им документы, и они тронулись дальше. Рассматривая от нечего делать свой паспорт, Ева подумала, что совсем не похожа на эту девушку, уставившуюся в аппарат широко раскрытыми глазами. Хорошо, что у меня глаза не косят, подумала она. Спрятав паспорта в свою сумку, она стала смотреть на проплывавший за окном меловой утес. Над ним замерла без движения чайка. Все было залито ослепительным солнечным светом. Ева потянулась к сумке за темными очками, которые она вчера купила также в целях конспирации.

Появились бело-голубые дорожные знаки – значит, они действительно во Франции. Машина выехала на прямую, как стрела, пикардийскую дорогу между двумя рядами деревьев. Они неслись сквозь селения и городки, где у домиков низко нахлобученные крыши, а в Бапоме Ева успела разглядеть, как малыш втихомолку отщипывал кусочки от baguette[18], который его мать несла под мышкой.

– Вы хотите есть? – спросила Ева.

– Может, сделаем остановку?

– Я взяла несколько бутербродов. Попробуем съесть их на ходу, раз уж надо торопиться.

– Блестящая идея! А что еще вы взяли с собой в экспедицию?

– Все, что вы велели, – отпарировала она. – Купальный костюм и крем для загара.

Брук удивленно взглянул на нее, уловив в ее голосе прежнюю интонацию.

– О господи, я вижу, мне надо быть очень осторожным.

– Вам не придется утруждать себя, – улыбнулась Ева, – при условии, что вы запрячете подальше свои предрассудки. – Она была довольна своим ответом, заметив, как он снова поглядел на нее. В его глазах была растерянность. Она протянула ему бутерброд, и он, продолжая вести машину, стал есть. Затем Ева достала с заднего сиденья блок сигарет, который она купила на границе без пошлины.

– Неужели вы никогда не курили? – спросила она.

Он покачал головой.

– Вам не помешает? Я имею в виду дым.

– Нет, нисколько. Меня это раздражало только в армии. По утрам вся казарма хваталась за сигареты, не успев продрать глаза. Кашляли, отхаркивались – меня от всего этого начинало тошнить.

– Можете не волноваться, – сказала она с улыбкой, – я курю только после завтрака. – Она замолкла: последняя фраза напомнила ей о том, что больше всего занимало ее мысли. Чтобы не «взорвать крышу», прикрывавшую их пребывание во Франции, им, по всей вероятности, придется ночевать в одной комнате, и, хотя она теперь уверилась, что он не воспользуется их двусмысленным положением, ей все же было не по себе.

– Что побудило вас отправиться в неизведанные края? – спросила она, стараясь отвлечься от неприятных мыслей.

Вопрос явно удивил его.

– Наверное, когда я был в армии, меня поразило то, что на свете есть неосвоенные земли. Взять хотя бы пустыни.

– Вас заинтересовала главным образом природа?

– Не только, – сказал он, поразмышляв. – Как ни странно, скорее то, какое она оказывает воздействие на местных жителей. Люди в тех краях не стремятся подчинить ее себе. Они не борются с ней, не уничтожают ее, они принимают ее такой, какая она есть, – и когда она жестока, и когда она добра. После этого начинаешь понимать их примитивные верования.

– Боязнь своенравного бога? – предположила она.

Брук настороженно покосился на нее, и Ева поняла: хочет проверить, не смеется ли она над ним.

– Ну, если угодно, да, – уклончиво ответил он. – Но я не имею в виду узаконенную мистику. Просто преклонение не перед человеком, а перед чем-то иным. Не обязательно более высоким. Ведь мы считаем себя выше природы только потому, что можем разрушать ее. И еще меня поразила врожденная щедрость тамошних людей, даже очень бедных. Собственно, чем беднее человек, тем он добрее. После этого очень странно было возвращаться в «цивилизованное» общество. – В его голосе звучала неподдельная горечь. Ева смотрела на него с новым интересом, но он не заметил этого. А если бы заметил, то сразу замолчал бы или постарался превратить все в шутку. Но он продолжал: – И каждый раз я думал, глядя на этих людей, готовых предложить вам последнюю кружку воды, неужели им не дано будет выжить. Я имею в виду не то, что их возьмут и уничтожат. Просто их унижают, как унижают рыбаков туристы, бросая на землю монеты, чтобы те ползали, подбирая их в пыли.

Я знаю, бедность легко романтизировать, но туризм подобен добыче полезных ископаемых открытым способом. Он снимает верхний слой, оставляя за собой мертвую землю.

– А вы идеалист, – сказала она, не замечая невольного изумления, прозвучавшего в ее тоне. Она вдруг поняла, что его любовь к дальним странствиям объясняется неосознанным стремлением уйти от реальности.

– Скорее, существо сентиментальное, – чуть хрипло рассмеялся Брук. – Ископаемое двадцатого века, хотя и обученное современному искусству жить без земли. Или по крайней мере, довольствуясь теми крохами, которые от нее остались.

Еву поразил скрытый сарказм его слов. Этого она просто не ожидала.

– Может быть, ваше время опять пришло, – тихо сказала она.

Он быстро взглянул на нее и снова устремил взгляд на дорогу. Воцарившаяся тишина была неприятна обоим.

– Не знаю, как вы, – сказал он с наигранной легкостью, – а я хочу пить. Может, остановимся и быстро попьем чего-нибудь?

– Давайте, конечно. – Она понимала, что он смущен своей внезапной откровенностью. Типичный англичанин, боящийся обнаружить свои эмоции. Старые эталоны живучи, подумала она.

Они прошли в бар мимо игральных автоматов, и, пока он заказывал, Ева поднялась наверх. А Брук, облокотившись на цинковый прилавок, наблюдал, как бармен сбрасывает пену с пива пластмассовой лопаточкой.

– Ну как там – неплохо? – спросил он, чтобы что-нибудь сказать, когда она вернулась.

– Да, ничего, – ответила она, невольно улыбаясь их странной беседе.

Оба никак не могли взять нужный тон. Они напоминали двух актеров, которым предложили сыграть ad lib[19] в незнакомой им пьесе.

Занятная девушка, подумал он. Непонятно только, каким образом она оказалась замешанной в таком деле. И когда они вернулись в машину, он спросил, что она думает об Андресе.

– Считаю, что он человек хитрый, но недостаточно ловкий. Я знаю, это звучит противоречиво, но вы, наверное, понимаете, что я имею в виду.

– Нет, вы правы, – сказал он. – Я тоже так думал. А кто мне совершенно непонятен, так это Мэтти.

– Он человек правильный, – сказала она и тут же поправилась: – Ну, может, он не очень чуткий. И это удивительно, если учесть, что он легкоранимый. Но объяснение, наверное, лежит в том, что он нарастил себе толстый слой кожи – защитная

реакция.

Она напряглась, видя, что он хочет еще о чем-то ее спросить.

– А как вы пришли к вашим… ну, политическим убеждениям?

– Ах, это, – облегченно засмеялась она. – Вы хотите спросить, что может иметь общего с группой анархистов такая милая девушка, как я?

Брук смущенно улыбнулся.

– Ну, если хотите…

– Это долгая история, и я не стану вам ею докучать.

– Но нам еще далеко ехать.

– Тем более. Нельзя же допустить, чтобы вы заснули за рулем. Лучше скажите, вам Андрес все объяснил?

– Он обещал просветить меня позже.

– Удивляюсь тогда, как это вы не удрали. Но серьезно, если хотите, я кое-что расскажу вам.

– Я человек совсем невежественный, – предупредил он ее.

– Ладно, – засмеялась она, – тогда обойдемся без китайских и греческих философов.

Закончив свой рассказ, Ева заметила, что он никак не комментировал ее слов – лишь выразил восхищение, что она столько всего знает.

– Я изучала историю в университете и, как видите, занимаюсь ею и по сей день.

– Нет нужды скромничать, – улыбнулся он.

– Во мне нет ничего необыкновенного, – заметила она, стараясь скрыть раздражение. Она терпеть не могла, когда ей говорили такое.

– Девицы часто говорят «я обыкновенная девушка» в расчете, что им станут возражать, – продолжал он, не заметив ее недовольства. – Но вы не такая.

Она смотрела прямо перед собой, чувствуя, что краснеет, и от этого еще больше злилась на него.

– Мужчины точно такие же, – буркнула она. И вдруг взорвалась: – Вернее, совсем другие! Вот они никогда не говорят, что они самые обыкновенные в расчете, что им возразят. Они либо тупо самодовольны в своей неповторимости, либо боятся, что и в самом деле ничего собой не представляют.

– Я, наверное, опять сказал что-то не то, – помрачнел он.

– Извините. Я иногда бываю немного резкой.

– Ничего. Не умру… по крайней мере надеюсь, что не умру, – улыбнулся Брук.

Интересно, подумал он, отчего люди смущаются. Нет, это

глупый вопрос. Просто от отсутствия уверенности в себе. Есть ведь такие, которые прикрывают робость нахальством и трескучей болтовней, а есть люди замкнутые. А она – занятная, опять подумал он. Интересно, чем она живет? Хочет ли выйти замуж и иметь детей, как все прочие девушки?

Он уже намеревался обогнать шедший впереди «рено» и вдруг понял, что совсем не помнит, как проехал последние двадцать километров. Прямо автопилот, сказал он себе. И встревожился: что же с ним происходит? Болтая с этой девушкой, он расслабился и дал себя убаюкать обманчивому чувству безопасности. Они вели себя как двое юнцов, сбежавших из дому без разрешения родителей, чтобы провести вместе выходной день. Только он в таком случае не спросил разрешения у брата.

Он вдруг очнулся от задумчивости и увидел, что у Евы очень испуганный вид. Когда он погружается в свои мысли, то всегда гонит машину. Он сразу снизил скорость и заметил, как она расслабилась – ноги уже не упирались изо всей силы в воображаемые тормозные педали. Он спокойно огляделся и чуть-чуть подался вперед, чтобы рубашка не прилипла к спинке сиденья. В машине было душно, несмотря на полуспущенные стекла. Он посмотрел на Еву и заметил, как треплет ветер белокурые пряди ее волос – точно полоски бумаги на воздушном кондиционере.

– Скоро приедем, – сказал он с улыбкой. – Осталось не больше часа.

Она кивнула и взглянула на часы.

– Расскажите мне о вашем брате, – помолчав, попросила Ева. – Но только если сами этого хотите, – добавила она, увидев недоумение на его лице.

– Что именно вас интересует? – спросил он, с трудом приходя в себя: ему показалось, что она читает его мысли.

– Что за человек Алекс?

– Его не так-то легко описать, – медленно произнес он. – Но мне кажется, что корни всего уходят в школьные годы, когда ему пришлось нелегко. Он был довольно хилый мальчишка, атлетическим сложением не отличался. И наверное, хотел любой ценой самоутвердиться. Вот он и выбрал бизнес. У него с детства была математическая жилка, и он с жадностью начал читать «Файнэншл таймс». Нечего и говорить, что в пятнадцать лет это выглядело смешно, и над ним стали потешаться еще больше. Но он от своего не отступал.

– И что, он стал играть на бирже с помощью карманных денег?

– Не знаю, но не удивлюсь, если это было так. Предпочитал

дельцов вместо леденцов. Извините за плохую шутку. – Он криво усмехнулся, чтобы скрыть досаду. – Сразу после школы он попал в Сити. Это было в конце пятидесятых. Я думал, он уморит себя работой, особенно когда он купил пай в своей первой компании. Он чуть не надорвался, но, как говорится, сделав шаг, делай другой. Он начал с недвижимости и мелких операций, но скоро приобщился к более солидному бизнесу. Очень популярным, как вы догадываетесь, он не стал, но это, видимо, мало его беспокоило. – Брук замолчал и взглянул на нее: не надоело ли, но она поощрительно кивнула. – Все это время он почти ничего не тратил на себя. Каждый фунт становился новым капиталовложением. Он был поистине из ряда вон выходящим дельцом. Я никогда не встречал более прижимистого человека, чем мой брат в те годы… правда, не скажу, чтобы это волновало меня. К примеру, на рождество он говорил, что у него не было времени купить подарки или что он заказал, но их почему-то не прислали. Ну а порой тебе везло: он покупал какой-нибудь подарок во время январской распродажи, если проезжал мимо магазина. И вдруг все переменилось. Как только он уверился, что прочно стоит на ногах, он купил большой дом, автомобиль и все прочее. Он стал швырять деньгами направо и налево, лишь бы сэкономить время. Думаю, значительность собственной персоны стала для него непреложным фактом. Помню, он как-то поехал навестить нашу старую няню – несколько раз он ей уже обещал и обманывал, а ведь он был необычайно привязан к ней в детстве. Погода была отличная, и после обеда старушка попросила его подрезать живую изгородь. Услышав ее просьбу, он сказал, что совсем позабыл об одном неотложном деле, и умчался в Лондон. А через несколько дней няня получила от него чек, чтобы нанять садовника, который подрезал бы ей изгородь. – Брук хрипло рассмеялся. – Он, наверное, быстро подсчитал в уме, сколько стоит его минута, и был поражен такой расточительностью. – Брук посмотрел на Еву, а она качала головой, и тут он вдруг заметил, что она, должно быть, в баре сняла с лица все следы косметики. Наверное, умылась. – Алекс больше никогда ни в чем себя не ограничивал, – продолжал Брук. – Он покупал все самое лучшее не потому, что ценил качество, а потому, что дорогие вещи многим недоступны. Он наслаждался даже мелкими преимуществами и привилегиями, будь то в отеле или в самолете. Он давал огромные чаевые, чтобы его лучше обслуживали и, запомнив, оказали соответствующий прием в следующий раз. Ему важно было удовлетворить свое тщеславие – видеть, что его знают. Но он никогда не расслаблялся. Даже сидя в ресторане, он внимательно присматривался, как поставлено

дело, и начинал прикидывать, можно ли сделать его более прибыльным.

– Он что же, никогда не развлекался?

– Иногда по ночам гонял на машине в полном одиночестве. Без определенного направления или цели. И на предельной скорости. Я думаю, его покоряла мощь машины, но выше всего он, по-моему, ставил одиночество.

– Ну а женщины?

– Не знаю. Помню только один случай. Он сам рассказал мне однажды спьяну. Она была очень своенравна. И думаю, что добиться ее тоже было для него вопросом престижа. Она не просто набивала себе цену: она буквально мордовала его. Вероятно, он заслуживал этого, считая, что главная притягательная сила для женщин – деньги. Я думаю, он убедил себя в этом очень давно – ведь у него всегда была органическая потребность презирать женщин. Потому-то эта женщина так и увлекла его. Он прямо обезумел, заваливал ее подарками. Ну, вы знаете: то, что обычно притягивает женщин. – Брук искоса взглянул на Еву и спросил: – О чем вы задумались?

– А как по-вашему?

– Презираете ее?

– Это было бы слишком просто. Она, видимо, из тех женщин, которые знают, что так уж устроен мир, и стараются выжать из создавшейся ситуации все до последнего пенса. Но это вовсе не значит, что я ее одобряю.

– Знаю, – кивнул он и, помолчав, продолжал: – Как бы там ни было, в конце концов она отказалась встречаться с ним, а через несколько месяцев приползла к нему, прося прощения. Это проявление слабости с ее стороны сразу исцелило его от страсти. Он провел с ней ночь, а утром ушел, оставив деньги, как проститутке. – Брук передвинулся на сиденье и пошевелил затекшей шеей. – После нее все его отношения с женщинами свелись к стандарту.

– То есть?

– Он признает только те отношения между людьми, где главную роль играют деньги и недоверие. Деньги – единственное, чему он знает цену. Никакой другой ценности для него не существует, поэтому он чувствует себя спокойно только в окружении паразитов. Он в точности знает, чего они хотят от него, и, следовательно, знает, как их держать в повиновении.

– Наверно, поэтому вы и не ладите с ним?

– В какой-то мере – да. Просто я никак не влезаю в его схему отношений между людьми. Это выводит его из равновесия, и при мне он всегда чувствует себя не в своей тарелке. Впрочем, чувство

это взаимно. Самое противное, что ему нравится давать взятки, покупать человеческую благодарность. Словно, унижая людей, он подтверждает свою власть.

Ева была удивлена глубиной его суждений. Какое странное сочетание противоположностей в этом человеке! Одни вещи он не понимает совсем, а о других судит с такой проницательностью.

– Я хочу еще кое о чем спросить вас, – сказала она, помолчав. – По-видимому, главным для вашего брата являются не столько деньги, сколько власть, которую они дают. Ведь он обладает такими капиталами, что их хватило бы не на одну жизнь.

– Дело не только в этом, – медленно, как бы взвешивая каждое слово, произнес Брук. – Это для него наркотик. Потому что никакой цели, кроме как взять верх над всем и вся, над великим и малым, у него нет, хотя это и может показаться странным, если учесть его баснословное могущество.

Ева опять закурила.

– Сколько вы выкуриваете за день?

– По-разному. Около пачки, наверное. А вы что, не одобряете?

– Это ваше дело, – улыбнулся он.

– И все же, как вы думаете, он ведь счастлив на свой лад? – спросила она.

– Забавно, но этот вопрос мне задают все. И по-моему, жаждут услышать двусмысленный ответ.

– Вы хотите сказать, людям приятно было бы услышать, что он несчастен: это бы их утешило; и в то же время, что он счастлив, ибо это значило бы, что в нашем мире все в порядке?

– Да, приблизительно так.

– Хоть к дельфийскому оракулу обращайся, – сказала она со вздохом. – Но мне хотелось бы знать правду.

– Все так говорят. Ну а если по-серьезному, так ведь каждый по-своему понимает счастье и, таким образом, слово это ни о чем не говорит. Могу сказать лишь, что он не скучает, по крайней мере сейчас. По-моему, он и сам вряд ли понимает, что значит слово «счастье»… Но по всей вероятности, ему приходится убеждать себя, что жизнь прекрасна, раз у него есть все, чего он хочет.

– Вот вам они – прелести нашей системы свободного предпринимательства: даже победители в конце концов приходят к заключению, что жизнь их пуста и уныла.

– Я все ждал, когда вы сделаете из этого политический вывод.

– Но мой анализ едва ли может претендовать на глубину, – возразила она. – И все же вы со мной согласны?

Он кивнул и, чтобы переменить тему, спросил, который час.

15

Жара стояла гнетущая, влажная, Брайан Дандас открыл в кабинете и окно, и дверь, но все равно – ни ветерка. Ослабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки – пусть Сайкс возмущается, вернувшись от заместителя комиссара. Сведения, полученные от Спецслужбы, заставили их зашевелиться.

Из коридора доносились телефонные звонки и приглушенный стрекот машинок – все в отделе, как и он, раскрыли у себя двери. Секретаршам хорошо, подумал Брайан, они в легких льняных платьях, и, подойдя к окну, распахнул его настежь. Небо затянуло дымкой, воздух отяжелел от выхлопных газов. Брайан взглянул вниз – по улице эдаким крокодилом растянулась группа туристов во главе с гидом. Ему вспомнилась американская семья, которую он видел вчера у здания парламента: отец пытался втиснуть в видоискатель головы своих чад вместе с «Биг Беном». Движение на улице почти прекратилось, и виной тому были, скорее всего, туристские автобусы. Вот кому он бы не позавидовал – это шоферам автобусов: с одной стороны, капризные пассажиры, с другой – неумолимые регулировщики. Впрочем, какое ему до них дело, сказал он себе и вернулся к письменному столу.

Взгляд его упал на две фотографии, лежавшие на бюваре. К той и другой скрепками были прикреплены полоски бумаги с именем и фамилией, отпечатанными на машинке. На той, что слева, смуглый брюнет латиноамериканского происхождения с черными, сходящимися на переносице бровями. На полоске внизу стояло: Андрес Дельгадо, без указания, откуда взята фотография, но Дандас знал, что ее прислали из БРОБ. Он взял правую фотографию и стал внимательно вглядываться в нее. По-видимому, снимали на улице скрытой камерой. Худощавое лицо Нила Форбса не выглядело печальным или истощенным. Впрочем, если бы и выглядело, ничего страшного: подретушировали бы перед тем, как показать телезрителям, цинично подумал Дандас. Не хватало еще, чтобы сердобольные старушки расчувствовались и стали его жалеть.

Его бывшие коллеги проявили расторопность. Недостающее звено было обнаружено вчера вечером. Дандас взглянул на циферблат электрических часов. Лаборатория обещала прислать первую партию фотокопий к одиннадцати часам, и группа эвээмщиков займется связями подозреваемых. Всякий раз при обыске квартиры первым делом изымается записная книжка с адресами и телефонами, даже если обыск производится вроде бы в поисках наркотиков – под этим предлогом легче всего получить

ордер на обыск.

Услышав голоса в коридоре, Дандас поднял голову. Сайкс в двух шагах от двери разговаривал со своим секретарем. Отпустив секретаря, Сайкс поманил Дандаса и прошел к себе в кабинет. Отработанный жест, подумал Дандас, собирая бумаги со стола, – начальственный, но не унижающий достоинства подчиненного. Наверное, репетирует его перед зеркалом в ванной.

– Все правильно, – отрывисто проговорил Сайкс. Он был явно доволен разговором с заместителем комиссара. При этом Сайкс взглянул на Дандаса, и во взгляде его мелькнуло легкое неодобрение. Оно было вызвано не столько расстегнутым воротничком, сколько неаккуратно выбритой шеей: кожа возле адамова яблока походила у Дандаса на шею плохо ощипанного цыпленка.

– Как прошел разговор, сэр? – спросил Дандас.

– Заместитель комиссара полностью с нами согласен, – деловитым тоном ответил Сайкс. – Мы будем контролировать всю операцию. – Он явно старался скрыть свое торжество, боясь, как бы не подумали, что он радуется победе, одержанной над другими ведомствами. – Фотографии уже получены?

– Дельгадо и Форбса, – ответил Дандас, кладя фотографии перед Сайксом. – Первая партия копий будет готова через полчаса.

– Прекрасно. Надо немедленно разослать их по всем отделам, имеющим отношение к операции. Мне тоже понадобится несколько штук для служб безопасности. – И, заметив удивление на лице Дандаса, добавил: – Давно пора подумать о лучшей координации действий. Нельзя больше допускать, чтобы важная информация лежала без движения только из-за узковедомственного подхода к делу.

Ну, сел на своего конька, усмехнулся про себя Дандас, а вслух сказал:

– Как только фотографии будут размножены, их сейчас же отвезут в клинику.

– Отлично. А получите с ЭВМ данные по связям, немедленно несите мне. После фотографий они имеют первостепенную важность.

Когда Дандас ушел, Сайкс взял фотографию Андреса Дельгадо, мельком взглянул на нее и затем быстро пробежал глазами его дело. На данных о Ниле Форбсе он задержался дольше, даже выписал кое-что в блокнот. В деле не было сведений о поездках за границу, но Сайкс знал, что это еще

ничего не значит. Скорей бы уж наладили контроль за паспортами с помощью компьютеров, подумал он. В стеклянную дверь постучали, и Сайкс, не поднимая глаз, жестом дал понять, что можно войти.

– Данные по связям, сэр, – сказал Дандас, отворяя дверь плечом. Руки его были заняты огромной стопкой сложенных гармошкой листов с информацией, выданной компьютером. – Они справились с работой быстрее, чем я ожидал.

Сайкс кивнул и, перегнувшись, освободил место на столе ближе к окну.

– Знаете, что надо искать?

– Французские контакты и повторяющиеся фамилии.

Сайкс опять кивнул и снова уткнулся в бумаги.

– Я не понимаю одного, – сказал немного спустя Дандас. – Откуда им стало известно о долечивании во Франции? Ведь мы-то узнали об этом всего два дня назад.

– Мы ведь исходим из вероятности – только и всего, – холодно возразил Сайкс и снова опустил взгляд на бумаги.

Дандас еле уловимо пожал плечами и принялся дальше переворачивать сдвоенные листы. Либо от меня многое утаивают, подумал он, либо все это делается для того, чтобы произвести впечатление на знаменитого комиссара Бека.

Вникать в информацию, полученную компьютером, – дело нелегкое, собственно, Дандас вообще не любил этим заниматься. В записной книжке было немало сокращений, были просто инициалы, которые компьютер не мог расшифровать; иногда попадались номера телефонов, помеченные всего одной буквой. Не так давно в Спецслужбу попала записная книжка, где все номера телефонов были закодированы: к каждому номеру добавлялась единица. Разгадать код помогли номера коммутаторов. Дандас встал, чтобы взять у себя в кабинете специальный справочник телефонных номеров.

– Когда будет готово? – спросил Сайкс.

– Самое меньшее через час. Очень объемистый материал. Может, пойти работать к себе?

– Пожалуй, это будет лучше всего. А то мне надо позвонить в несколько мест.

Оставшись один, Сайкс снял телефонную трубку и набрал номер Алекса Гамильтона. Пришлось назвать свое имя, только тогда его соединили с секретаршей.

– Прошу прощения, – ответила она, – но мистер Гамильтон уже уехал. Разумеется, если что-то очень срочное, я могу связаться с ним и передать, что вы скажете.

Сайкс выругался про себя.

– Не надо, не беспокойтесь. Я позвоню позже. Дело в том, что мы виделись с ним вчера вечером и я забыл спросить у него одну вещь. Хотя, впрочем, думаю, и вы могли бы мне помочь. Скажите, пожалуйста, кто еще знает, что он собирается ехать во Францию?

Секретарша поперхнулась, и Сайкс понял, что этот вопрос явился для нее неожиданностью.

– Не могли бы вы, мистер Сайкс, сказать мне, чем этот вопрос вызван? – вопросом на вопрос ответила секретарша.

– Этим интересуется полиция, мисс…

– Мисс Гилмор.

– Видите ли, мисс Гилмор, мы занимаемся одним делом, к которому мистер Гамильтон имеет касательство.

– В таком случае я вам расскажу все, что знаю, мистер Сайкс. Безусловно, многие сотрудники нашей фирмы знают, что мистер Гамильтон хочет немного отдохнуть после недавней заокеанской поездки; о поездке знает также бюро путешествий, через которое мы всегда заказываем билеты, ну и все, кому мистер Гамильтон сам об этом сказал… его сотрудники в Лондоне и в других местах. Боюсь, что более точной информации я не могу вам дать, мистер Сайкс.

– А не помните, никто об этом не справлялся на прошлой неделе?

– Нет, мистер Сайкс… хотя стойте, его брат, капитан Гамильтон, спрашивал. Он дважды звонил мистеру Гамильтону, хотел договориться о встрече, но мистер Гамильтон все это время был очень занят. Я сказала ему, что мистер Гамильтон собирается лететь во Францию, и он спросил, не будет ли в самолете свободного места, потому что он тоже едет туда на отдых. Но…

– Ясно, мисс Гилмор, спасибо. Вы уверены, что больше никто не интересовался?

– Абсолютно уверена, мистер Сайкс.

– Большое спасибо за содействие.

– Надеюсь, мистеру Гамильтону ничего не грозит?

– Ничего, можете не волноваться. Но я все-таки дам вам свой номер телефона на случай, если кто-то еще поинтересуется, куда улетел мистер Гамильтон.

И, снова заверив секретаршу, что мистеру Гамильтону ничто не угрожает, Сайкс опустил на рычаг трубку, но руки с нее не убрал и долго смотрел на телефон остановившимся взглядом. Здесь – ничего нет, подумал он и, стряхнув с себя оцепенение, пошел к Дандасу спросить, как подвигаются дела.

– Потихоньку двигаются, – ответил тот. – Пока – ничего связанного с Францией, но мне осталось просмотреть еще добрую половину номеров.

– Хорошо. Вызовите кого-нибудь на помощь, – сказал Сайкс и вернулся к себе в кабинет.

Дандас понял, что он собирается звонить комиссару Беку. Опять пойдет разговор об entente cordiale[20], вздохнул он и отправился на поиски кого-нибудь из младших сотрудников Управления. Ничего у Сайкса не получится с его имперскими мечтами, посетовал он мысленно – если у нас не будет достаточно людей, чтобы как следует наладить работу. Ему до смерти надоело в последнюю минуту отменять встречи с Брендой из-за того или иного внезапно возникшего обстоятельства. Он обернулся и, взглянув сквозь стеклянную дверь на Сайкса, увидел на его лице знакомое сосредоточенное выражение – Сайкс подбирал слова для разговора. Наверняка говорит с Беком. Интересно, какой он, этот французский комиссар.

– Так вот, комиссар, – сообщал тем временем Сайкс, – мы сейчас анализируем данные по связям, полученные на компьютере, но пока ничего связанного с Францией не обнаружили.

Сайкс мог бы поклясться, что собеседник на том конце провода тяжело вздохнул, но это его нисколько не удивило. Французская полиция вечно жалуется на отсутствие средств и отчаянно завидует своим коллегам из ФРГ, которые, судя по всему, располагают неограниченными фондами для оснащения полиции новейшей электронной аппаратурой.

– Какую группу… м-м… какую политическую организацию вы подозреваете?

– Анархистов.

– А-а! Les anars! – По тону Бека трудно было что-либо понять, но похоже, что его интерес к разговору возрос. – А вы не обнаружили никаких связей с Испанией?

– Пока нет, комиссар, – осторожно ответил Сайкс. Он уже мысленно ругнул себя за то, что почему-то забыл об этой стране.

– Барселона находится не так уж далеко от района операции, – заметил Бек. – Впрочем, через два-три часа вы уже сможете выбросить все это из головы.

– Напротив, комиссар, – энергично возразил Сайкс. – Эту операцию придется доводить до конца совместными усилиями. Конечно, это ни в коей мере не означает, что мы собираемся хоть как-то вмешиваться в вашу работу, просто мы и дальше будем помогать вам всеми имеющимися в нашем распоряжении способами.

– Я благодарен вам за предложение и, безусловно, обращусь к вам за помощью, если таковая понадобится. Пожалуйста, позвоните мне, если появится какая-нибудь ниточка, ведущая в

Испанию. Я сейчас же свяжусь с Мадридом. Это будет самое простое, вы согласны?

– Разумеется, комиссар. Позвоню тотчас же, как только что-нибудь выяснится.

Положив трубку на место, Сайкс поспешно вышел из кабинета и отправился искать своего заместителя.

Часом позже, когда данные компьютера были обработаны, Дандас явился в кабинет к Сайксу доложить о результатах, прихватив с собой списки фамилий и телефонных номеров.

– Похоже, никакой связи с Испанией нет, сэр. Три телефонных номера в Париже, но без фамилий; повторяется двадцать одна фамилия, номера английские. Я уже был на телефонной станции, дал задание операторам регистрировать все звонки и передал список Спецслужбе, чтобы немедленно установили наблюдение. – Умолчав о том, до какой степени на руку иску оказался принятый недавно закон о телефонных разговорах, Дандас положил перед Сайксом принесённый список.

– Так кого же все-таки надо брать под подозрение? – спросил Сайкс, бегло проглядев список.

– Чаще всего повторяются пять фамилий, сэр. Уильямс, Дэвис, Белл, Престон и Харви. У меня уже есть о них сведения. Хотите взглянуть?

Сайкс отрицательно покачал головой, повернулся на стуле и бросил рассеянный взгляд в окно. Затем жестом указал своему заместителю на стул. Дандас, нетерпеливо взглянув на часы, сел.

– Как я уже говорил, – назидательно произнес Сайкс, глядя в пространство, – у нас сейчас совсем особая ситуация. Мы не можем допустить даже попытки покушения.

– Вы хотите сказать, что мы должны немедленно арестовать всех подозреваемых?

– Это не так просто, – сказал Сайкс, не столько отвечая на вопрос, сколько объясняя самому себе. – Есть три пути, Брайан. Во-первых, наблюдать и ждать. Во-вторых, отпугнуть террористов очень большой охраной. И в-третьих, взять под стражу всех подозреваемых под любым предлогом. Первый путь слишком опасный, второй и третий привлекут слишком большое внимание. – Он снова повернулся на стуле и, подняв брови, уставился на Дандаса.

– В таком случае, – неуверенно начал Дандас, – мне кажется, мы должны всех их задержать… если, конечно, найдем. Но мы ведь даже не знаем, все ли они в этом списке, и вообще ничего не знаем наверняка.

Сайкс продолжал глядеть на своего заместителя, потом кивнул.

– Ладно, займитесь пока другими делами, – сказал он, обернувшись и посмотрев на электрические часы, висевшие на стене над ним. – Оставьте мне фотографии остальных подозреваемых.

Зазвонил телефон, и Дандас поспешил вернуться к себе в кабинет, недоумевая, почему шеф так неожиданно отпустил его. Он был уверен, что у Сайкса уже созрел в голове какой-то план, и скрежетал зубами от досады, что его не посвятили во все тонкости операции. Он успокаивал себя тем, что Сайкс, по-видимому, хочет сначала все обговорить с заместителем комиссара. Да, в этом весь Сайкс, подумал он. Умный бюрократ всегда обеспечит себе тылы.

16

Несмотря на то, что у Евы была с собой карта Парижа, они долго искали дом по тому адресу, который им дал Нил Форбс. Дом стоял очень высоко, на откосе, за Итальянскими воротами. Ева и Брук проехали мимо и из предосторожности поставили машину метрах в двухстах от дома. Район был мрачный, несмотря даже на яркий летний закат. А каково же здесь зимой! – невольно подумалось Бруку, когда они проезжали мимо куч мусора, заборов в лохмотьях старых афиш, огораживавших строительные площадки. Даже чахлые деревья с белесой от пыли листвой выглядели неуместным излишеством в этом унылом месте, точно их посадили здесь по ошибке. Отдаленный шум машин, доносившийся с boulevard peripherique[21], и пронзительные крики играющих детей только подчеркивали царившую здесь мерзость запустения.

Бетонные стены дома были сплошь разрисованы. Лифт не работал. Голоса отдавались в подъезде гулким эхом.

– Хорошо, что квартира на пятом этаже, – заметила Ева. – Могло быть хуже.

Брук что-то пробурчал в ответ. Он плохо представлял себе, что будет дальше. Ему вдруг нестерпимо захотелось не иметь к этому делу больше отношения – хорошо бы удалось покушение в Англии. Но он понимал, что его настроению в значительной мере способствовала давящая неприглядность этого места.

– Ну, вот мы и пришли, – сказала Ева, и Брук невольно улыбнулся – так она запыхалась, преодолевая лестничные марши.

У двери Ева быстро взглянула на него и нажала кнопку звонка. Внутри послышались шаркающие шаги, на миг стихли. Брук машинально поднял взгляд на «глазок». И в ту же секунду дверь отворилась; крупный бородатый мужчина молча, движением руки предложил им войти. Он заговорил, только когда запер за ними дверь.

– Salut[22], – улыбнулся он. – Я Марк Росси. – Сложением он походил на кузнеца: рубашка была явно тесна ему – пуговицы на груди, казалось, вот-вот оторвутся. В густой черной бороде пробивалась седина, а загрубевшая кожа на лице напоминала кожуру апельсина. Брук подумал, пожимая ему руку, что лет ему, пожалуй, около сорока.

– Мигель вас ждет, – сказал Росси по-английски с сильным акцентом. – Проходите вот сюда.

Комната была скудно обставлена дешевой мебелью в стиле пятидесятых годов, зато Брука поразило обилие книг. Они лежали

повсюду – стопками на полу, на полках, даже на стареньком телевизоре.

Ева с интересом разглядывала Мигеля, пока их представляли ему. Нил немало ей о нем рассказывал. Участники Движения, не знавшие его лично, хорошо знали о его боевых подвигах. В семнадцать лет Мигель участвовал в осаде Мадрида, а после поражения республиканцев ушел в горы с партизанами и продолжал там воевать. Один его брат погиб во время гражданской войны в Испании. А пять лет спустя другой брат умер во время допроса в гестаповских застенках после того, как группа maquisards[23] под командованием Мигеля пустила под откос фашистский состав с боеприпасами в департаменте Дордонь.

Имея за плечами такую жизнь, Мигель состарился прежде времени, но глаза его молодо блестели, и, пожимая гостям руки, он тепло улыбался. Он был невысокого роста, худой, с желтоватым морщинистым лицом и седыми редкими волосами, но прежняя сила еще ощущалась во всем его облике. Ева подумала, что у таких людей старость и не должна быть немощной; ее восхитило его раздумчивое и вместе с тем полное оптимизма спокойствие. Он никогда не будет жалким старикашкой, доживающим свой век в дешевом кафе и ублажающим себя воспоминаниями и ложными надеждами.

– Как поживает ваш молодой шотландский друг? – спросил он Еву, строя английские фразы медленно и грамматически безупречно.

– Прекрасно, – ответила Ева. Ей было неловко оттого, что она отнимает время у Мигеля, – стоявший рядом Марк Росси даже не скрывал своего нетерпения.

– Он был очень осторожен по телефону, – одобрительно проговорил Мигель. – Я сам с ним не разговаривал, но мне передали.

– Так вы не знаете, почему мы здесь? – не без удивления спросила Ева.

Мигель отрицательно покачал головой.

– Нил просто предупредил нас о вашем приезде. Он сказал всего одну фразу, из которой мы поняли: готовится что-то серьезное.

Ева сообщила им о намеченном на завтра покушении. Она объяснила, что они с Бруком приехали в Париж якобы на отдых – надо же оправдать то, что сказал Брук, выясняя передвижения Иньесты, а кроме того, они здесь на случай необходимости – в качестве «резерва». За все это время Брук не проронил ни слова, предпочитая оставаться в тени.

– Да, этот случай упускать нельзя, – согласился Мигель, когда Ева кончила говорить. – Я только на прошлой неделе слышал от одного товарища из Южной Америки о том, что у них творится. Пытки, убийства, хотя газеты и кричат о «либерализации».

Брук с удивлением отметил, что в голосе Мигеля было не столько возмущение, сколько покорность судьбе. Но вскоре он понял, что хозяева, по-видимому, приглядываются к нему.

– А ваш партнер? – спросил Росси. – Это он добыл информацию?

Интересно, подумал Брук, почему Ева смутилась при слове «партнер»?

– Да, – ответила она.

– Когда же вы отправляетесь? – спросил Мигель.

– Завтра утром, как можно раньше.

– Тогда надо не мешкая заняться делом, – сказал Росси. – Где ваша машина?

– Мы оставили ее за углом.

– Хорошо, – кивнул он. – Сейчас отгоним ее в гараж. У нас есть другая, вы можете ею воспользоваться. Она не будет так бросаться в глаза.

– Прекрасно, – заметил Брук: все шло не так плохо вопреки его опасениям. – Но Нил сказал, что вы нас еще снабдите оружием – на всякий случай.

Мигель поднял руку и направился к комоду, стоявшему у телевизора. Заговорщицки подмигнув, он открыл один из ящиков и стал рыться в белье. Нашел пистолет системы «люгер» и, взяв его за дуло, протянул Бруку.

– «Люгер» тридцать восьмого года, – спокойно сказал он, заметив, что Брук пытается прочесть выбитую на пистолете марку.

– Вижу, – ответил тот. – Это хорошо.

– А почему вы подчеркнули, что он тридцать восьмого года? – спросила Ева.

– Позднее эти пистолеты изготовляли узники в оккупированных странах, – пояснил Брук. – И они умудрялись выпускать большой процент брака. – Он вынул обойму, несколькими точными движениями разобрал пистолет и разложил детали в ряд на столе.

– Пистолет в хорошем состоянии, – сказал Брук, проверив ствол на свет.

Мигель с Росси обменялись взглядом, который Ева успела перехватить. Они гадают, кто он такой, отметила она с беспокойством.

– Вы хорошо знаете оружие, – сухо проговорил Марк Росси.

Брук оторвал взгляд от пистолета и смущенно улыбнулся. Он не знал, сказать им, кто он, или нет. Ева быстро взглянула на него и повернулась к Мигелю.

– Хотя он и не из наших, но у него есть достаточно веские причины…

– Можете не объяснять, – мягко прервал ее Мигель.

Когда через час Марк Росси с Бруком вернулись, стол был уже накрыт и Мигель жарил омлет. Росси разлил в стаканы вино, и все сели за стол.

– Долго же вас не было, – сказала Ева.

– Поставили в гараж одну машину, вывели другую, затем пошли в аптеку, – объяснил Брук. – Я подумал, неплохо бы запастись краской для волос.

Ева удивленно посмотрела на него.

– Если краска для нас обоих, имею ли я право выбора?

– Можете краситься в любой цвет, – улыбнулся Брук. – Поскольку краска черная.

Брук не заметил, как отнеслась Ева к его словам, потому что Мигель в эту минуту спросил, все ли у них есть.

– Благодаря вашей помощи, по-моему, мы в полном порядке.

– Марк дал вам документы на фургончик? – спросил Мигель, ставя сковородку с омлетом на стол.

Брук кивнул и стал передавать тарелки, на которые Мигель накладывал омлет.

– К сожалению, мы не можем снабдить вас фальшивыми паспортами. У нас был непревзойденный специалист в этом деле, но его убили здесь, в Париже, не так давно. Он участвовал с нами в покушении на Франко в Сан-Себастьяне, тысячи евреев избегли смерти благодаря его подложным документам. – Мигель покачал головой. – Его застрелили, когда ему было семьдесят четыре. У фашистов долгая память. Они не дают нам уйти на покой.

– Вы уверены, что его убили фашисты? – спросил Брук.

– Нам известно имя убийцы. Он был агентом Социально-политической бригады. Мы даже узнали, что после убийства его снабдили новыми документами. А полиция и не пыталась его найти. – Мигель грустно улыбнулся, заметив, как изменилось у Евы лицо. – Я знаю, что вы сейчас испытываете, – продолжал он. – И вас, наверное, удивляет, что я вспоминаю смерть друга, не клокоча от гнева. Я видел столько зла в жизни, и, хотя у каждого из нас запасы ненависти и мужества ограниченны, я спокоен не потому, что устал. Вы, молодые, должны понять, что самое страшное зло совершается не отдельными людьми, а системой,

идеологией. Вспомните, что творили христиане именем бога, а фашисты – именем нации.

– Да, но в таком случае во имя чего же готовится убийство Иньесты? – спросил Брук.

– Вы не совсем меня поняли, – мягко возразил Мигель. – Мы не собираемся убивать Иньесту Продажного, ни даже Иньесту Жестокого. Этот миф распространяют о нас наши противники. Они любят говорить, точно хирурги от политики. Удалим больной орган, и все будет в порядке. Отдельные личности не являются воплощением зла, равно как и добро нельзя считать только термином на языке политики. Завтра Нил и его друзья совершат нападение на режим. Не на отдельную личность, а на человека, символизирующего определенную систему. Вот в чем суть нашего… iconoclasme[24].

– По-английски это означает то же самое, – улыбнулась Ева.

Марк Росси ушел в десять часов, и Мигель отвел Брука с Евой в спальню. Брук мог бы поклясться, что в глазах старика мелькнула смешинка, когда он открыл дверь в комнату, где стояла двуспальная кровать. Заметив смущение гостей, он, наверное, отнес его за счет трогательного pudeur anglaise[25].

– Когда вас разбудить? – спросил Мигель.

– Часа в четыре, – ответила Ева, – если вам нетрудно.

– Нисколько, я всегда просыпаюсь около четырех. У вас и вашего партнера есть все необходимое?

– Да, Мигель. Спасибо вам.

Мигель мягко улыбнулся им и вышел, притворив за собой дверь.

– Скажите, – начал Брук, открывая окно: в комнате было душно, – у слова «партнер» есть какой-то особый смысл?

Ева наклонилась над сумкой, притворившись, будто что-то в ней ищет, и про себя чертыхнулась, поражаясь тупости Брука.

– Что значит – особый? – спросила она, стараясь, чтобы в голосе не звучало раздражения.

– Ну, мне показалось, что это слово вас почему-то смутило.

– Я думаю, оно значит здесь то же, что и в Англии, – со злостью ответила она. – Его употребляют, когда говорят о двух людях, живущих вместе.

– Вот как, – удивился Брук. – Это звучит странно. Скорее, оно применимо к старым дамам, играющим в карты.

– Ради всего святого, не станут же анархисты называть своих гражданских жен – женами?

– Я как-то об этом не подумал.

– Вижу, – ответила она, прекращая разговор, и, взяв сумку с туалетными принадлежностями, пошла в ванную.

Брук повернулся к окну, удивляясь собственному тупоумию. Он вовсе не хотел показаться идиотом, но следовало сначала подумать, а уж потом говорить, корил он себя. Когда Ева вернулась в комнату, он заметил у нее на губах полоску пасты, точно она подкрасила губы, следуя какой-то сверхизысканной моде. Ему хотелось, чтобы она смягчилась и перестала на него сердиться, и он предложил, что будет спать на полу.

– Да вы с ума сошли, – ответила Ева. – Ведь если вы не выспитесь, завтра от вас не будет никакого толку.

– Ну ладно, ладно. – Брук пожал плечами и пошел мыться.

Он специально задержался в ванной подольше, чтобы она успела раздеться и лечь. Но когда он вернулся в комнату, Ева перекладывала вещи в своей сумке. И намеренно игнорировала его. О господи, подумал Брук, это невыносимо, это просто смешно.

– Забыли пижаму? – спросил он.

Ева взглянула на него, кипя от ярости. Впервые с тех пор, как они остались вдвоем, она не отвела взгляда. Стиснув зубы, она стояла выпрямившись и смотрела на него. Он не знал, отвернуться или продолжать смотреть, а она, стоя перед ним, принялась снимать одежду. Затем, нагая, шагнула к постели – он не видел, как изменилось ее лицо, как на нем появилось выражение удовлетворения. Не видел он и своего смущенного лица, а как раз этим-то и объяснялось чувство удовлетворения Евы.

– Ну? – вопросительно подняла она брови. – Вы что же, не собираетесь ложиться? Нам вставать через пять с половиной часов.

Он быстро разделся, мысленно проклиная ее фокусы. Они лежали вытянувшись, не шевелясь, каждый на своем краю постели, чтобы, упаси бог, нечаянно не коснуться друг друга. Прошло, как показалось Бруку, уже много времени, но по дыханию Евы он понимал, что она не спит. Раздражение против нее еще кипело, и Брук чувствовал, что скоро ему не заснуть. Лучше было бы лечь на полу, не без иронии подумал он.

Брук осторожно повернулся на бок, но кровать все-таки заскрипела. Он стал смотреть в окно. Улицу заливало рассеянное оранжевое сияние уличных фонарей – точно разгорался синтетический рассвет. Вдруг Ева тихонько кашлянула.

– Росси хотел поехать с нами, – тихо произнес Брук.

Ева ответила не сразу, размышляя, не притвориться ли спящей. Внезапно смысл его слов проник в ее сознание, и она

резко повернулась к нему.

– Почему вы мне сразу не сказали? – резко спросила она.

Брук поругал себя за опрометчивость – ну кто его тянул за язык.

– Мы говорили об этом с Росси, когда отгоняли машину. По-моему, не очень удачная мысль.

– Какого черта! Надо было обсудить это за ужином.

– Послушайте, я уже переубедил его, так что не о чем беспокоиться. Сожалею, что не вынес на обсуждение этот вопрос, но решение было бы то же. Вдвоем мы не привлечем к себе внимания, а втроем – можем привлечь. Кроме того, в полиции на него есть досье.

– Нет, вы неисправимы, – с досадой проговорила Ева.

– Что вы хотите этим сказать?

– А то, что как вы были солдафоном, так и остались. Вот вам приказ и выполняйте без разговоров.

– Ладно, – взорвался Брук, задетый ее издевкой. – Если вам не нравится, как я действую…

– Не смейте мне угрожать. Это же не какая-нибудь ваша личная операция, а я не ваш подчиненный, которого в любой момент можно отослать. Вы можете быть великим специалистом, первоклассным убийцей и так далее, но это еще не дает вам права командовать.

– Вы так говорите, точно я наемный убийца, позабывший свое место. Вы ведь первая не хотели ехать со мной. Хотя, конечно, и я, если уж говорить честно, был не в восторге от этой идеи. Но все остальные настаивали, говорили, что никто не ездит отдыхать без компании, да и вообще, мне может понадобиться помощь, хотя бы для установления связи с Мигелем и так далее. – Теперь, когда вспышка гнева прошла, голос его потерял уверенность. Он тяжело вздохнул, не зная, как восстановить взаимопонимание, и в темной комнате надолго воцарилась тишина. Брук искоса взглянул на Еву – она лежала, устремив взгляд в потолок.

– Сколько же народу вы убили? – спросила она. Голос ее звучал уже гораздо мягче.

– Не знаю, – ответил он тихо. – Может, человека четыре, а может, пять.

– Вы тогда гордились этим?

Брук сглотнул комок в горле, раздумывая, сказать ли правду.

– Да, кажется, гордился, – ответил он наконец.

– А кто они были?

– Партизаны, арабы.

– И все чувствовали удовлетворение, когда удавалось кого-то убить?

– Наверное. Но надо учитывать особые обстоятельства, общую атмосферу. Когда я теперь оглядываюсь на прошлое, я не испытываю гордости или удовлетворения, но тогда все мы были уверены, что наши действия оправданны. Много тогда делали мерзостей… ну, например, сажали в вертолет двух пленных и одного из них сбрасывали вниз, чтобы заставить другого говорить. Я думаю, в какой-то мере это объясняется особым характером военной подготовки, когда тебе постоянно внушают, что такие вещи вполне естественны. По-моему, Мигель прав, говоря, что зло проистекает из убеждений, которые вбивают в нас. – Брук повернул голову и опять посмотрел в окно. – Но, в общем-то, все мы кого-то убиваем, и, следовательно, каждый должен чувствовать гордость, когда ему удается убить.

– Я этого не чувствую, – тихо сказала она.

17

Два темно-бордовых автомобиля марки «Триумф» ждали у главного подъезда, и Брайан Дандас, спускаясь по ступенькам, видел, как грузный сержант вылезает из первой машины сопровождения. Сегодня он просто обливался потом.

– Как движение? – спросил неофициальным тоном Дандас, усаживаясь на заднее сиденье.

– Довольно интенсивное, сэр, – ответил сержант, прилаживая второе обзорное зеркальце. Дандас отметил легкий западный акцент сержанта, который вполне соответствовал его красному лицу и соломенным волосам.

– Ну как там, все спокойно? – спросил Дандас вскоре после того, как машины тронулись.

– Судя по всему – да. Один визитер прибыл вчера в коричневом «роллс-ройсе», а сегодня после полудня прибывает другой.

Дандас кивнул и, откинувшись на спинку сиденья, подумал, знает ли Сайкс об этих визитерах. Потом стал смотреть в боковое окно – машина еле двигалась в потоке транспорта, заполнявшем набережную. На переходе, ожидая зеленого света, стояла ссутулясь женщина с потухшими глазами. Она держала за руку мальчика. Малыш старался вставить в глазную впадину монетку вместо монокля – монетка выскользнула из его пальцев и скатилась в сточную канаву. Мальчик, как собака на поводке, дернул мать, устремляясь за монеткой. Мать даже не стала ругать его. Слишком ей было все безразлично.

– Не самые лучшие дни для работы – я хочу сказать, такая духотища! Верно, сэр?

– Хоть плавки надевай, – пошутил в ответ Дандас. И заметил в обзорное зеркальце, как полицейский машинально улыбнулся.

– Помню, читал один материал о французских жандармах, – начал сержант, повернувшись и положив руку на спинку своего сиденья. – Летом они несут спасательную службу на морских пляжах. Но Боньор – это ведь не пляж?

– Брайтон, конечно, лучше, – сказал шофер: по лицу его ясно было, в каком направлении устремились его мысли.

– Закурите, сэр? – спросил сержант, протягивая пачку сигарет, когда они в очередной раз остановились у светофора.

– С удовольствием, – кивнул Дандас и взял одну.

Неожиданно на дороге стало свободнее, и вскоре они уже мчались с такой скоростью, что ветер врывался в открытые окна, осушая пот. Кожу на лице стянуло, как после купания.

Дородный сержант тяжело вздохнул и уселся удобнее.

– Вот обрадуются наши напарники, когда мы приедем. Смена у них сегодня явно затянулась.

– Боюсь, что мы их не обрадуем, – сочувственно улыбнулся Дандас. – Им, по всей вероятности, придется еще подождать.

– Что вы хотите этим сказать, сэр? Он не улетает сегодня?

– Не в этом дело – просто покушение, о котором предупреждали вчера, наверняка состоится, так что, пока он не улетит, будут нужны оба подразделения.

Сержант на секунду задумался.

– Нам не положено знать, кто наш клиент? – спросил он.

– Боюсь, нет. – Дандас покачал головой.

– Мне кажется, слишком уж все засекретили. Словом, – оживляясь, добавил он, – вы считаете, сэр, что пороху мы понюхаем?

– До Спецслужбы дошел какой-то слушок – вот и все. Приедем на место, и каждый будет проинструктирован, – сказал Дандас, а про себя отметил, что при этих словах шофер бессознательно нажал на газ. Ничего удивительного: парни из дипохраны большую часть времени изнывают от скуки, и перспектива «понюхать пороху» сулила долгожданное развлечение.

Припарковались у большого здания из красного кирпича, и Дандас, завидев спешившего к ним Кларксона, вздохнул.

– Позвони своему шефу. Тут произошли некоторые перемены.

– Вот черт! – выругался Дандас.

– Не лезь в пузырек: не так уж все плохо. К тому же мы должны уметь быстро перестроиться, верно?

* * *

– Надеюсь, он точно установил время, – сказал Мэтти.

– Теперь уже поздно из-за этого волноваться, – попытался успокоить его Нил.

Они стояли возле мотоцикла, то и дело нетерпеливо поглядывая на часы. Было жарко, они нервничали, и пот лил с них градом. Нил заметил, как остро пахнет аммиаком человеческий пот, когда чего-то сильно боишься. Шлем и перчатки хотелось сбросить, но они решили снять их только в случае крайней необходимости. Его так и подмывало снова спросить у Мэтти, уверен ли он, что приспособление, укрепленное на выхлопной трубе, сработает, но не стал этого

делать – Мэттью только разозлится. Когда вот так ждешь, нервы ведь напряжены до крайности.

Затянутое дымкой небо прояснилось, солнце медленно опускалось за горизонт – закат сегодня был удивительно красив. Но Нил не любовался закатом – он в который раз твердил себе, что яркий свет будет у них за спиной. Ему захотелось еще раз проверить крошечную переносную рацию, вызвать Джона Престона, спросить, как там дела. Он позволил себе дважды нажать на кнопку; секунду спустя в ответ послышалось двукратное «бип». Мэтти резко повернулся.

– Просто проверил, не заснул ли он, – сказал Нил.

– Но теперь они уже в любую секунду могут появиться.

– Давай тогда сделаем последнюю проверку.

Шум движения доносился к ним сквозь строй деревьев, скрывавших их от дороги. Они слышали, как машины ускоряли ход перед выездом на двухполосное шоссе.

– Господи, надеюсь, что Андрес стоит со своим фургоном в условленном месте, – прошептал Мэттью, осматривая ружье с укороченным стволом.

– Не волнуйся, Андрес не заблудится.

Мэтти привел в готовность ружье и передал его Нилу. Оба натянуто улыбнулись, пытаясь укрепить друг в друге мужество. Нил смотрел, как Мэтти снял очки и старательно протер их концом рубашки. Все должно пройти гладко, убеждал он себя и в который раз перебрал в уме план операции, пытаясь найти в нем хоть какой-нибудь изъян. Накануне ночью он долго не мог заснуть: в мозгу вертелись и вертелись подробности предстоящего дела.

Из рации, лежавшей на земле возле заднего колеса, послышалось троекратное «бип». Оба взглянули друг на друга, не зная, радоваться или огорчаться, и оба вдруг почувствовали внутри пустоту. Нил присел на корточки и трижды нажал на кнопку, сообщая, что сигнал принят. В ответ раздалось многократное «бип».

– Тот же эскорт, что и раньше, но машин только одна, – расшифровал Мэтти неестественно ровным тоном.

Нил быстро кивнул.

– Точно. Давай скорее выводи мотоцикл на дорогу.

Мэтти сел на мотоцикл, нагнулся и проверил штуцер с краником, врезанный сверху в выхлопную трубу. От штуцера к банке с касторовым маслом, установленной перед ним на бензобаке, шла трубка, оканчивавшаяся поршнем. Подняв вверх большой палец, Мэтти показал, что все в порядке, и завел мотор.

Нил подошел к нему. Шлем он снял, чтобы слышать сигналы

рации. Волосы у него спутались и взмокли от пота, тыльной стороной ладони он вытер лоб. Усевшись сзади на сиденье, он положил ружье между собой и Мэтти. Мэтти отвернул манжет и стал смотреть на часы. Было условлено выезжать через шесть минут. Он поправил спрятанную под рубашкой тяжелую бутылку и надвинул на глаза прикрепленный к шлему цветной пластмассовый козырек. Нил услыхал «бип-бип» и похлопал его по плечу. Мотоцикл тронулся и у самого шоссе остановился. Нил убрал антенну и спрятал рацию в одну из сумок, висевших по обе стороны заднего колеса. Сжал покрепче ружье, руки и ноги у него стали как ватные.

Движение на шоссе заметно уменьшилось. Всякий раз, как появлялась машина и они видели, что это не полицейский эскорт, нервное напряжение спадало, и они облегченно переводили дух. Внезапно мимо пронесся темно-бордовый «триумф» с синими огнями. Мэтти включил мотор, и мотоцикл двинулся к дороге. Мимо проехал большой черный «даймлер», за ним еще одна машина, точная копия первой. И в ту же секунду Мэтти вырулил мотоцикл на шоссе; мимо, обгоняя их, промелькнул одинокий мотоциклист. Нил почувствовал, как Джон Престон сжался в комок, нагоняя эскорт. Теперь от его точности зависело все.

Вскоре Нил заметил первый указатель, предупреждавший о дорожных работах, и плотнее прижал к себе ружье. Вдали показалась большая стрела и пластиковые конусы, направлявшие движение вправо. Джон Престон уже обогнал заднюю полицейскую машину и пристроился в хвост к «даймлеру». Нил испугался, что, если Престон замедлит ход, полицейская машина врежется в него, и тут уж ничего не поделаешь. Мэтти прибавил скорость, и Нил крепче обхватил его. Караван машин уже шел по внутренней стороне противоположной полосы, и головной машине оставалось двести ярдов до знака, переводившего движение на другую сторону. На мгновение у Нила от страха засосало под ложечкой: а вдруг они не успеют обогнать заднюю машину до сужения дороги. Автомобили шли, чуть не задевая дверцами защитный барьер. Пролетая мимо полицейской машины, он обернулся и мельком увидел побелевшее лицо под форменным козырьком и изумленный взгляд. Впереди прямо перед «даймлером» появилось облако дыма. Нил нагнулся и дернул вверх краник штуцера.

– Давай! – закричал он, и Мэтти нажал на поршень в банке, погнавший касторовое масло в выхлопную трубу. В мгновение ока выросла дымовая завеса, и они услышали сзади пронзительный визг шин. Не успел Нил сообразить, что произошло, как Мэтти нажал на тормоза и мотоцикл резко остановился перед самим

«даймлером». Густое облако дыма, пущенное мотоциклом Джона, уже вынудило остановиться первую полицейскую машину, и сидящие в ней не могли видеть, что происходит сзади.

Нил неуклюже спустил предохранитель; человек, находившийся в «даймлере», обернулся, и Нил выстрелил в него сразу из двух стволов. Тем временем Мэтти успел выхватить из-за пазухи зажигательную бомбу, запалил шнур и швырнул ее в машину сквозь высыпавшееся стекло.

Впереди раздались выстрелы, послышался визг тормозов. Если Джон все правильно рассчитал, подумал Нил, то передняя машина уже выскочила на правую полосу, а сам он едет по левой стороне к развороту. Мэтти резко повернул руль и помчался, объезжая пылающий «даймлер». Они зигзагом проехали мимо двух конусов и нырнули в спасительное дымовое облако, оставленное мотоциклом Джона. Нил молил бога, чтобы не наскочить на какое-нибудь случайное препятствие, хотя дорожные работы, к счастью, велись лишь ярдов через триста.

Внезапно они вырвались на свет и увидели на дороге распростертое тело Джона Престона, а неподалеку от него – перевернутый мотоцикл. Переднее колесо все еще крутилось. Нил посмотрел направо и увидел во внутреннем ряду правой полосы полицейскую машину. Она шла на большой скорости параллельно с ними. Из переднего окна прямо на него был нацелен пистолет.

18

Неужели я становлюсь слишком старым для подобных игр? – подумал Сэм Шерман, пытаясь выжать из акселератора все и обогнать фургон для перевозки мебели. Он ругнул свою взятую напрокат машину, тащившуюся словно кляча. Новый поворот событий разжег его интерес, но теперь он начал сомневаться в своей способности довести дело до конца. Похоже, что он упустил уйму важных деталей. Все попытки навести необходимые справки в Лондоне ни к чему не привели, а его собственная газета до сих пор не могла выдать ему конкретной информации из Штатов.

Солнце уже опустилось за горизонт, но на ясном небе все еще полыхали отблески вечерней зари. Включив свет, Сэм взглянул на ручные часы. Его беспокоило не только то, что, несмотря на такую гонку, он все же может опоздать. Он чувствовал, что в начатом им расследовании есть чрезвычайно озадачивающие моменты. В молодости это лишь раззадорило бы его, но сейчас он не знал, сумеет ли сдюжить. При этом Шерман вовсе не стремился к спокойной жизни. Стоило ему захотеть, и он давно бы уже мог жить в доме для престарелых, где на уикенд ему выдавали бы пропуск, чтобы проведать внуков, или в День благодарения вывозили бы в инвалидной коляске в столовую отведать с помощью новых протезов традиционной индейки.

Но до этого, утешил себя Шерман, еще не дошло, раз во время последнего телефонного разговора ему удалось сохранять хладнокровие, как заправскому игроку в покер. Мастерски он это разыграл – выказал лишь формальный интерес, услышав о гибели Юджина Бэйрда. Звонил его бывший коллега из агентства Рейтер, у которого за неделю до этого он справлялся по телефону о Бэйрде и его Институте. Какое счастье, что он забыл у себя в номере сигареты и должен был вернуться: именно тогда-то и раздался звонок. А еще говорят, что курить вредно! Шерман передвинулся на сиденье, вытаскивая зажигалку.

Грэйсона, ставшего теперь обозревателем, явно разочаровала его сдержанная реакция. Казалось, он даже расстроился: выходит, нечего было беспокоиться и звонить из автомата. Как все журналисты, случайно ставшие свидетелями какого-нибудь происшествия (на сей раз по пути в Лондон из Саутгемптона, где он брал интервью), он тут же остановился, чтобы выяснить, в чем дело. «Представляешь, – Грэйсон всячески старался вызвать интерес своего друга, – полиция не только не хотела сообщать никаких подробностей, но даже не разрешила мне осмотреть место, где это произошло».

Шерман снова взглянул на часы. Итак, со времени их телефонного разговора прошло сорок три минуты, а со времени катастрофы, прикинул он, никак не меньше часа. До него вдруг дошло, что он навис над рулем и сжимает его изо всех сил, подсознательно пытаясь заставить машину двигаться быстрее. Усилием воли он принудил себя откинуться на спинку сиденья и расслабиться.

Трудно было не испытывать чувства вины за свою неискренность в разговоре с Грэйсоном, но по телефону было бы слишком сложно объяснить, почему это представляет для него такой интерес. К тому же, он смутно догадывался о возможной подоплеке событий, хотя, скорей всего, догадка эта была порождена надеждой напасть на след большой сенсации. В конце концов, он успокоил свою совесть, сказав себе, что позвонит Грэйсону утром и сообщит все, что ему удастся выяснить. О приезде Иньесты ведь не знал никто из журналистов, кроме него. Что ж, они в «Пост» неплохо работают. Не успел он подумать об этом, как увидел впереди мигающие голубые огни и с облегчением перевел дух.

Припарковавшись на обочине, он ринулся к огороженному участку посередине дороги и перелез через разграничительный барьерчик. Сюда был перетащен остов сгоревшего «даймлера», возле которого в окружении пластмассовых конусов стояли три полицейские машины. Шермана удивило, что до сих пор еще не приехала «аварийная». Да и ни одного мотоцикла тоже не было.

– Виноват, сэр, сюда не положено! – быстро подойдя к нему, сказал полицейский во флюоресцентном оранжево-белом плаще.

– Пресса, – спокойно ответил Шерман, вытаскивая свое удостоверение.

– Виноват, сэр, запрет относится ко всем без исключения.

– Я был другом доктора Бэйрда, знал его по Вашингтону. – Голос Шермана звучал твердо. – Прошу дать мне возможность переговорить с вашим начальником.

Молодой констебль пристально посмотрел на него и знаком велел подождать, но Шерман вместе с ним направился к невысокому человеку в штатском, разговаривавшему с тремя полисменами в офицерской форме возле одной из машин темно-бордового цвета. Все четверо взглянули на Шермана после того, как констебль что-то сказал им, ткнув большим пальцем себе за спину. Шерман подошел к ним. Вероятно, этот в штатском был здесь главным.

– Я уже объяснял констеблю, – сказал ему Шерман, – что я друг доктора Бэйрда и хотел бы знать, что произошло.

Полицейские обменялись взглядом со штатским и тут же

отошли в сторону. Шерман внимательно его оглядел. Темноволосый, невысокого роста – почти на голову ниже его.

– Несчастный случай, – пояснил Дандас. – «Даймлер» разбился в тот момент, когда два мотоциклиста пытались обогнать его на крутом повороте – там, где одностороннее движение переходит в двустороннее. – И офицер в штатском указал на место аварии; Шерман послушно повернул голову, делая вид, будто смотрит туда. На самом же деле его куда больше интересовало, почему у его собеседника, освещенного вращающимися голубыми огнями, такое встревоженное лицо.

– Сколько же народу погибло? – осведомился он.

Полицейский секунду помедлил, прежде чем ответить.

– Все. Три мотоциклиста и трое находившихся в машине.

Шерман присвистнул и принял подобающий случаю мрачный вид. Он не стал выражать удивления по поводу того, что заградительный барьер остался невредим или что скорость на этом участке дороги не могла быть очень большой.

– А трупы?

– Не понимаю.

– Их что, увезли в ближайшую больницу?

– М-м… не уверен. – Офицер явно нервничал. – Впрочем, это уже не по моей части.

– Как, разве вы не из автоинспекции? – удивился Шерман, отрывая взгляд от обгоревшей машины.

– Нет, мы просто первыми оказались на месте аварии – возвращались в Лондон. – Он поднял голову и внимательно посмотрел на американца. – Могу ли я поинтересоваться, сэр, как это вы так быстро обо всем узнали?

– Конечно, – ответил Шерман. – Мне позвонил один мой знакомый, по фамилии Грэйсон. Он знал, что мы с Джином были друзья.

– А, это тот журналист, который появился здесь сразу же после аварии. Боюсь, что мы не много смогли ему показать. Тут, знаете ли, образовалась форменная пробка.

– Думаю, он на вас не в обиде, – сухо отпарировал Шерман. – Да, бедняга Джин, – вздохнул он после приличествующей случаю паузы. – Что за нелепый конец – и как раз после того, как он получил новое назначение.

Полисмен в штатском пробормотал что-то вроде соболезнования, но Шерман почувствовал в его тоне явное облегчение.

– Всем нам, конечно, суждено рано или поздно перейти в мир иной, но, боже, такая потеря! – Шерман, как мог, старался продлить разговор. – Полагаю, что эти на мотоциклах были

обыкновенными хулиганами?

– Нельзя сказать с уверенностью, сэр.

Шерман медленно кивнул и потупил взгляд. А что, если попросить разрешение осмотреть «даймлер», подумал он. Нет, это может показаться подозрительным. В этот момент он увидел возле машины продолговатый кусок белого картона. Машинально нагнувшись, Шерман поднял его. И пока выпрямлялся, перевернул картонку. На него глянуло мужское лицо.

– Ваше фото? – спросил он, протягивая снимок.

– Спасибо, – поблагодарил офицер и торопливо опустил фотографию в карман.

Шерман отметил про себя его нервозность: надо держать себя в руках, решил он. Лицо на снимке было ему знакомо, и он отчаянно пытался вспомнить, где же видел его.

– Что ж, – произнес он, – тут вроде больше ничего нет интересного. Не буду вам мешать.

Офицер в штатском еще раз выразил соболезнование по поводу кончины его друга, и Шерман сокрушенно кивнул в знак признательности.

Обратно в Лондон он возвращался не спеша – не из соображений безопасности, а потому, что мозг его бешено работал. Частицы головоломки начинали постепенно складываться в единое целое, но лицо на фотографии по-прежнему оставалось белым пятном. Он действовал методом исключения, отвергая одного за другим всех, кого видел после приезда в Англию. И вдруг вспомнил – церковь! Молодой иностранец, пожиравший глазами братьев Гамильтонов, сидевших в первом ряду.

Шерман снова закурил в надежде, что это поможет обрести необходимую ясность мысли. Вероятно, решил он, Бэйрда убили по ошибке. Но с кем его спутали? С Иньестой или с Алексом Гамильтоном? Ясно, что полисмены, с которыми он только что расстался, – это не обычный полицейский наряд. Об этом говорили и их наплечные знаки. А человек, с которым Шерман беседовал, был вооружен: когда он засовывал фотографию во внутренний карман, это сразу стало заметно. Но почему у Бэйрда была такая охрана? Вопрос следовал за вопросом. И стоило Шерману найти подходящий ответ, как тут же возникало новое сомнение. Есть только один человек, к которому стоит еще раз обратиться, и надо сделать это по пути обратно в гостиницу.

Дом, где жил Брук Гамильтон, уже спал, – только из одного открытого окна в дальнем его конце доносилась музыка. Что-то

классическое. Шерман еще раз оглядел темные окна небольшого строения. Он уже отметил: машины Брука не видно. В третий раз нажав на кнопку звонка и снова услышав сквозь запертую дверь гулкое эхо, раздавшееся в пустой квартире, он пошел обратно. Его шаги отчетливо звучали в огороженном со всех сторон, мощенном булыжником дворике. А что, если попробовать позвонить к соседям? Он в нерешительности остановился и тут заметил в окне нижнего этажа сквозь щель между занавесками голубовато-серое мерцание телевизионного экрана. Вот так удача! Тут же выяснилось, что отворивший ему дверь мужчина как раз утром беседовал с Бруком Гамильтоном, когда тот загружал вещи в свой «универсал». «Он сказал мне, что уезжает в отпуск во Францию». Поблагодарив, Шерман вернулся к своей оставленной на улице машине – так что ж, ближе он теперь к разгадке тайны или дальше? В конце концов он решил, что ничего иного, кроме как насесть на другую половину семьи Гамильтонов, ему не остается.

Вернувшись в гостиницу, он взбил подушки, лег на кровать, выключил верхний свет и придвинул к себе телефон.

– Могу ли я поговорить с мистером Гамильтоном? – спросил он у слуги, снявшего трубку.

– Сожалею, сэр, но мистер Гамильтон отсутствует. Что ему передать?

– Это звонит Сэм Шерман. По очень важному делу. Я был у него на днях. Один из его близких друзей только что погиб в автомобильной катастрофе. Где мне найти мистера Гамильтона?

– Если вы имеете в виду гибель доктора Бэйрда, то ему уже сообщили о ней.

– Ну, в таком случае… – растерянно проговорил Шерман и ругнулся про себя. – что ж, передайте ему мои соболезнования. Но где я все-таки могу его разыскать?

– Мистер Гамильтон в настоящее время находится на своей вилле на юге Франции, сэр.

– Хорошо, в таком случае я позвоню ему, как только он вернется. – Шерман аккуратно положил трубку и потянулся за сигаретами.

Итак, принялся он размышлять дальше, оба брата во Франции. Quelle coincidence![26] Неожиданно все части головоломки начали складываться в единое целое. Невидящим взглядом Шерман уперся в дальнюю стену комнаты. Молодой иностранец был в числе нападавших, но он знал, как выглядит «роллс-ройс» Алекса Гамильтона, – значит, они охотились за Иньестой. Яснее становилась и роль Брука Гамильтона. Конечно, именно его им и следовало вовлечь в свой круг, но каким образом им это удалось – непонятно. Возможно, они сыграли на чем-то,

связанном с его поездкой в Анды.

В общем, имея такую информацию, уже можно танцевать дальше, и Шерман, снова придвинув к себе телефон, навел справки об авиарейсах на Марсель. Он вспомнил, что видел гамильтоновскую виллу возле Бриньоля на фотографии к статье о Гамильтоне в «Ньюсуике». Но все, что вытекало из сделанного им предположения, стало ясно ему лишь после того, как он заказал билет. Ведь это значит, что готовится новое покушение или что-то в этом роде. Между тем он, вопреки правилам, не намерен был предупреждать полицию. Он чувствовал нутром, что в данном случае этого делать не следует, а вот надо ли по этому поводу волноваться – еще неизвестно. Обдумывая дальнейший план действий, Шерман уперся взглядом в свой помятый пиджак, висевший на спинке стула. И ведь так всю жизнь. Его одежда и внешность всегда производили впечатление намеренного небрежения к себе, так как он не хотел, чтобы его принимали за стареющего коммивояжера. Ничего не поделаешь – такой уж он сноб. Быть может, подумалось ему, и либеральные взгляды его – тоже не более чем снобизм? Впрочем, он постарался убедить себя, что это не так: подобное заключение было бы слишком неутешительным. Оглядываясь на свою жизнь, он понял, сколь многое в ней объяснялось инстинктивным отвращением ко всеобщей мышиной возне, которая владела его коллегами. Как важно для честолюбца получить ключ от директорской туалетной комнаты, сманеврировать, чтобы добиться более престижного кабинета, участвовать в кулуарных заговорах… Но какое место уготовано ему – «Папы Хемингуэя»[27], как рисовалось в пылком воображении дочери? На самом-то деле он всего лишь привилегированный бунтарь, извлекающий барыши из того, что он может порицать, не опасаясь последствий своей критики. Он вспомнил Беренсона[28], описывавшего, как он в молодости бесстрашно метал стрелы своего критицизма, твердо зная, что, невзирая на все старания, ничто из сказанного им не в состоянии поколебать устои общества.

Шермана беспокоила мысль не о том, что он решил не информировать власти. Тут ему будет легко отвертеться. Главное – решить для себя, на чьей он стороне: на стороне Иньесты с его царством террора или тех, кто, пусть незаконно, готов дать ему отпор. Удобная платформа либеральной объективности, которой Шерман до сих пор придерживался, неожиданно превратилась в хрупкую дощечку. Он беспокойно поворочался на кровати, затем спустил ноги на пол и сел. После утомительной поездки плечи и шея у него одеревенели. Он прошел в ванную, включил лампу дневного света над зеркалом. Она замигала и ярко осветила его

лицо. Он слегка наклонился над раковиной. Лицо его было таким же помятым, как и одежда. Желтые от никотина зубы. Совсем как лошадь, только не ржу, подумал он с иронией. Точно так же выглядит и Грэйсон, когда смеется, – если, конечно, не забывает предварительно вытащить изо рта свою сигару.

Выдавив на щетку пасту, Шерман стал снимать со стакана бумажную обертку. Все стерилизовано во имя вашего здоровья, со вздохом подумал он. Даже поверх стульчака положена бумажная лента, на которой клиента печатным образом заверяли, что унитаз вследствие обработки девственно чист. Полная гарантия, что зад другого человека не касался его. Шерману вспомнился один отель, где он останавливался и где к стене в ванной был прикреплен баллончик с убивающим запахи аэрозолем, снабженный цепочкой, – нужно было дважды дернуть за цепочку, чтобы избавить мир от неприятных следов своего пребывания. Но все-таки почему, снова задумался он, полиция столь усердно пыталась замести следы преступления?

19

Отношения между ними сегодня, пожалуй, ничуть не лучше, чем накануне, с досадой подумал Брук. Распрощавшись с Мигелем, они обменялись всего двумя-тремя замечаниями относительно маршрута. Серый фургончик со смешными рифлеными боками, как вскоре убедился Брук, оказался легким в управлении, если смириться с тем, что скорости из него все равно не выжмешь. Из-за странной подвески и пружинящих, словно на резиновых прокладках, сидений они раскачивались и подпрыгивали всякий раз, как дорога становилась неровной. Лишь однажды ему удалось вызвать у своей спутницы улыбку, правда почти машинальную, когда он сравнил рычаг переключения скоростей с «одноруким бандитом»[29]. Может, в самом деле молчать спокойнее, решил он, вспомнив, как попадал впросак, шла ли речь о Росси или о значении слова «партнер».

Но то, что Ева, похоже, до сих пор продолжала опасаться, как бы он не накинулся на нее, раздражало Брука: неужели ей недостаточно его заверений перед тем, как они пересекли Ла-Манш, и его поведения прошлой ночью? Ведь он даже не прикоснулся к ней, когда они лежали вдвоем в постели. Боже, до чего же вся эта ситуация смахивает на фарс! Ему никогда не были по душе девицы, которые висли у него на шее, но здесь была явно другая крайность. Конечно, кое-какой соблазн он все же испытывал – в этом не было ничего удивительного. Она привлекательна, у нее красивое тело, но ведь не бросался же он на нее, в самом-то деле. Брук криво усмехнулся, подумав, что трудно почувствовать себя влюбленным, когда перед тобой раздеваются без тени кокетства. Правда, это была своеобразная провокация. Хотя она, наверное, считала, что ее поведение – ответная реакция на мужское стремление к господству.

Да, с такими, как она, он до сих пор ни разу не имел дела. Она ни капли не льстит ему – само слово «лесть» в применении к ней звучит чудовищным преувеличением. И в некотором отношении это ее качество ему даже импонирует. По крайней мере, тут уж из него не делают сказочного принца, как обычно водится у женщин. Брук всегда в подобных случаях чувствовал себя чем-то вроде мошенника и начинал страдать клаустрофобией. Тогда он тут же инстинктивно отдалялся от женщин. И тем не менее, хотя из трусости он иной раз вел себя премерзко, многие и потом продолжали сохранять на его счет иллюзии. Ах ты, одинокий волк, горько рассмеялся он про себя. Вот что их в нем притягивало. А она высмеяла его за это.

Возможно, просто разглядела, что за этим скрывается.

Ева сидела молча, разложив на коленях карту, и время от времени водила по ней пальцем, если по ходу дела возникала неясность, куда надо ехать. Порой она упрекала себя за то, что так себя с ним ведет, но стоило ей вспомнить, как он невнимателен, как много о себе мнит, и ее раскаяние улетучивалось. С другой стороны, она вынуждена была признать, что Брук вовсе не мерзавец. С женщинами он держится вполне корректно, во всяком случае не хамит. Однако же он убивал людей и даже признает, что гордился этим. Но именно потому она и должна уважать его, с явной неохотой напомнила себе Ева. Ему ведь так легко было поддаться искушению и отрицать это. Теперь ему, возможно, снова придется убивать. Придется выполнить за них грязную работу, так как у него есть соответствующая подготовка. Выходит, ненавидеть Брука по этой причине – сущее ханжество. Но она продолжала инстинктивно его бояться – даже после того, как заметила ошарашенное выражение, появившееся на его лице, когда она стала раздеваться перед ним. При воспоминании об этом Ева и сейчас съежилась от смущения, но в глубине души она удивлялась своей смелости и гордилась ею. Той ночью она вдруг подумала, что победа над ним в общем-то дешевка, но потом вспомнила, как Брук даже не счел нужным обсудить с ней предложение Росси сопровождать их. Он считает, что есть вещи, которые ее не касаются, – это-то и бесило ее. А может быть, она слишком чувствительна? Ничего не поймешь, и Ева сердито заерзала на своем сиденье.

Она чувствовала, что Брук искоса поглядывает на нее, и, застыв, смотрела прямо перед собой. Как непривычно все же он выглядит с этой своей стрижкой под бобрик и черными волосами, над которыми потрудился Мигель. Но ведь и сама она, увидев себя в зеркале после обработки, в первую минуту подумала, что это кто-то другой. Мигель подстриг ее под пажа, но, вопреки ее опасениям, это выглядело не так уж плохо. Только противно, что приходится пользоваться тушью для ресниц и бровей – слишком уж они у нее светлые. Оглядев их обоих, Мигель тогда со смешинкой в глазах заметил, что они вполне могли бы сойти за брата и сестру. В ответ они вымученно улыбнулись, словно засмущавшиеся дети.

В четыре часа утра Мигель тихо постучал в их дверь. Наверное, Брук к этому времени уже проснулся, так как он тут же откликнулся, словно только и ждал этого стука. Встав с кровати, они принялись одеваться, старательно избегая смотреть друг на друга. Все еще как следует не проснувшись, Ева, тем не менее, едва сдерживала истерический смех. Ну почему они ведут себя,

как болваны? Не ее ли это вина?

Она прошла в ванную первой – там стоял запах табака «Капорал». Должно быть, Мигель уже заходил сюда. Потом он позвал их на кухню пить кофе: он был разлит в большие чашки, и его пили, макая в жидкость куски оставшегося после ужина хлеба. Как-то странно было сидеть в такую рань за столом с крышкой из красного пластика, когда в комнате зажжен верхний свет, а за окном еще совсем темно. Веки у Евы слипались, тело было тяжелым, а ноги как ватные, но кофе с молоком все же помог. Позавтракав, Ева даже решила закурить, пока Мигель давал им адреса людей, у которых можно укрыться в случае надобности. Он знал их все наизусть и записал им с помощью простого, но весьма хитроумного шифра. Надо, посоветовал он, добраться до Перпиньяна или Тулузы, где их спрячут, пока не представится возможность переправить через Пиренеи в Испанию. В Каталонии они будут в полной безопасности – тут уж он дает гарантию. На всякий случай он записал им фамилии людей, которые могли бы быть им полезны в Италии. Если же они окажутся в краю басков, то члены группы борцов за освобождение переправят их через северную границу из Сен-Жан-де-Люса в Бильбао. Мигель говорил тихо, то и дело замолкая, чтобы выплюнуть крупицы табака, попадавшие в рот из плохо набитой сигареты.

Около шести они были готовы к отъезду. На Еву произвела большое впечатление тщательность, с какой Брук готовился к поездке. У нее самой не было опыта в подобного рода вещах, и сейчас она уже не была уверена, что стоило устраивать ему сцену по поводу предложения Марка Росси. Конечно, в принципе она права, но…

Мигель обнял их обоих на прощанье. От него пахло табаком – стариковский запах, подумала она, вспомнив при этом отца. Когда его сухая щека коснулась ее, она поразилась, как ему удается так гладко выбривать свою сморщенную кожу. Она складками висела на лице, как старый костюм на выпущенном из тюрьмы узнике.

Брука эти объятия смутили куда меньше, чем предполагала Ева. Впрочем, жест Мигеля был естественным и нисколько не мелодраматичным. Брук, она это чувствовала, отнесся к их хозяину с уважением, так что Ева могла быть спокойна. В общем, он не такой уж безнадежный, улыбнулась она про себя. И повернулась, чтобы взглянуть на него, сделав вид, будто ее заинтересовал дом, мимо которого они проезжали. А он в этот момент покусывал указательный палец. (Только бы он не грыз ногти, взмолилась она.) Пожалуй, лишь это и выдавало его волнение.

– Как, штурман, все еще движемся по курсу?

– Продолжайте ехать по шестой национальной впредь до дальнейших указаний, – отвечала она ему в тон. Перемена в ее настроении благоприятно подействовала и на него. Впервые со вчерашнего дня она, казалось, начала оттаивать.

– Не знаю как вам, а мне ужасно хочется есть, – сказал он.

– На меня сегодня не рассчитывайте. Завтрака я с собой не брала.

– Я просто подумал, что неплохо было бы перекусить в каком-нибудь придорожном ресторанчике.

Она перегнулась и, повернув к себе кисть его левой руки, посмотрела на циферблат часов.

– Спешат на пять минут, – предупредил он.

– Что, всегда?

– Старые привычки так просто не умирают.

– Чертова армия, – пробормотала она.

Он знал, что не следует принимать ее слова буквально, – она просто напомнила ему о некоем подсознательном атавизме.

– Ну так как? – опять спросил он.

– Пожалуй, еще рановато.

– Но мы же рано выехали.

– Тогда делайте остановку, когда захотите. Вы же водитель.

– Вы так думаете? – ухмыльнулся он. – То есть я хочу сказать, что нам трудновато каждый раз решать все голосованием, – ведь нас всего двое.

Она не поддалась на его подначку, а просто улыбнулась.

– Тогда надо соглашаться друг с другом.

– Целиком «за», – поддержал он. – Иначе – конец нашему чудесному партнерству.

Ее бесило его нахальство, а главное, она злилась на себя за то, что ей хочется смеяться. И потому она вложила в свой ответ весь сарказм, на какой была способна, но он показался ей самой несколько излишним.

– Не гоните коней! – предупредила она.

– Не буду, товарищ!

Ее обезоружил его тон. Он явно нащупал ее слабое место: она же весь день накануне подтрунивала над ним, намекая, что у него почти нет чувства юмора. Что ж, теперь он ей мстит.

– В общем, – прибавил Брук, спохватившись, что переборщил, – останавливаемся у первого же ресторана, который нам понравится, идет?

Они припарковали машину возле auberge[30], где размалеванный, вырезанный из фанеры официант держал в руке menu touristique[31]. Брук тут же заявил, что слишком многого от

такого рода заведения ожидать не приходится; она же сухо возразила, что гастрономические тонкости ее не интересуют. Он вдруг подумал, что она еще вздумает платить за себя, и ему стало не по себе.

Внутри в этот ранний час было пусто, и официант не знал, найдется ли для них что-нибудь на кухне. Они молча сидели, наслаждаясь прохладой и ожидая его возвращения.

– Конечно, – заметил Брук, – если вам здесь не нравится, мы можем перехватить по сандвичу в любом кафе.

– Нет, все в порядке.

Тем временем вернулся официант и перечислил им, что можно заказать. Они тут же сделали заказ, и он поставил перед ними на столик бутылку минеральной воды.

– А как насчет вина, не хотите? – спросил Брук.

– Но сейчас ведь моя очередь садиться за руль.

Он кивнул в знак согласия: от долгого вождения у него слегка ныла поясница.

– Погода и без того какая-то сонная, а вино, боюсь, совсем меня доконает.

– Да, мне это знакомо, – рассеянно проронила Ева, вспомнив, как затекла у нее рука, когда она проснулась утром, словно проспала в одном положении всю ночь. – А заснуть вам удалось? – Она сама удивилась своему вопросу. Это у нее как-то само собой вырвалось.

– Нет, но как-нибудь сдюжу, – ухмыльнулся Брук и, взяв кусок хлеба из корзинки, стоявшей посредине столика, начал есть.

Тем временем появился и официант, неся для нее салат по-ницциански, а для него quiche[32].

– Быстро приготовили, – заметил Брук, беря вилку. Quiche оказалась такой горячей, что ему пришлось тут же выплюнуть кусок на тарелку. Запив водой, он поспешно извинился перед Евой.

– Не волнуйтесь, – улыбнулась она. – Как говорил в подобных случаях доктор Джонсон: «Только дурак проглотил бы такое».

– У вас что, есть подходящие цитаты на все случаи жизни?

Она поставила стакан и взглянула на Брука.

– Как бы я хотела, чтоб это было так, – сказала она и снова принялась за еду.

Ему нравилось, как она ест: никакого жеманства. Он терпеть не мог, когда люди манерничают за едой. Впрочем, напомнил он себе, это все армейские привычки.

Покончив с едой, она посмотрела на Брука: к уголку его губ пристала хлебная крошка. Ева непроизвольно потянулась через столик и кончиком мизинца смахнула ее. Казалось, его, да и ее

тоже, поразил этот интимный жест. Особенно после той ночи, когда они лежали в одной постели – такие далекие друг другу.

– Ну как, подкрепились? – спросила она поспешно.

– Изрядно. Интересно, какие у них здесь сорта сыра. Не заказать ли?

– Идет, – сказала она. – Может, он отобьет чесночный запах. А то с чесноком в приправе они явно переборщили.

Официант убрал тарелки и поставил перед ними дощечку с сырами. Брук прошелся насчет того, что французы любят белые, как мел, сыры. Он поискал глазами какой-нибудь сорт повыдержанней и в конце концов остановил свой выбор на остро пахнущем козьем сыре. Ева внимательно смотрела на него: ему явно не шли ни эти черные волосы, ни стрижка Мигеля. Но он, казалось, не обращал на это внимания. Она вспомнила, как он мельком взглянул на себя в зеркало и тут же отвернулся. Это отсутствие интереса к своей внешности больше всего поражало ее в нем. Точно мальчишка, который по наивности не осознает своей красоты, на какой-то миг подумалось ей, и тут же на ум пришел его рассказ, как он вместе с другими сбрасывал с вертолетов пленных арабов. На ее лице опять появилось замкнутое выражение: какой он все-таки противоречивый. Брук тотчас заметил происшедшую в ней перемену и стал усиленно предлагать сыр.

– Нам не следует засиживаться, – добавил он.

– Слушаюсь, сэр, – отчеканила она и сразу пожалела об этом.

В его глазах промелькнули удивление и легкая обида. Он ничего не сказал – продолжал лишь собирать крошки. Интересно, задумалась Ева, почему все-таки она так себя ведет: то дает понять, что прошлое его прощено и забыто, а то вдруг разворачивается и наносит ему удар.

– Надо позвать официанта и рассчитаться, – заметила она с вымученной улыбкой. Он настороженно посмотрел на нее и кивнул.

Они сели в машину и подъехали к колонке неподалеку от ресторана. Пока в бак заливали бензин, Брук ради экономии времени сам протер ветровое стекло, счищая с него пятна от раздавленных мошек. Ева наблюдала за его движениями, пытаясь представить себе, что он о ней думает. Наверняка, решила она, ненавидит.

Раздался стрекот мотоциклов, и Брук, перестав протирать стекло, обернулся в сторону двух полицейских-регулировщиков в старомодных шлемах и белых офицерских портупеях, к которым пристегивается кобура. Ева проследила за ним взглядом и вся сжалась от страха: полицейские затормозили буквально в

нескольких ярдах от них. Заправщик у бензоколонки дружески помахал им и бросил что-то, чего она не смогла разобрать. Ева почувствовала, что ее бьет дрожь. Больше всего на свете она боялась не того, что ее схватят, – такая возможность все еще казалась ей абстрактной и нереальной, – а того, что могут заметить ее страх. Если уж я сейчас так боюсь, думала она с тревогой, то что же будет, когда я столкнусь с настоящей опасностью? Ева пришла в ужас при мысли, что может подвести своего спутника. Правда, этот ужас объяснялся скорее гордостью, чем любовью к ближнему. Боязнью собственной слабости, чем страхом перед силой противника.

Сев за руль, она от волнения слишком рано дернула на себя рычаг переключения скоростей – металлический скрежет заставил ее поморщиться.

– Эти фараоны здорово меня напугали, – произнес Брук, чтобы как-то начать разговор.

Ева понимала, что он почувствовал ее испуг и сейчас пытается дать ей возможность высказаться.

– И меня тоже, – улыбнулась она.

– Даже когда знаешь, что они не по твою душу, все равно боишься.

Она кивнула. Ему не пришлось особенно стараться, чтобы разговорить ее.

– Надеюсь, даже со мною в качестве водителя мы доберемся до места целыми и невредимыми, – произнесла она, решив, что пора переменить тему беседы.

– Вы к ней скоро привыкнете. Эти старые машины довольно надежны, и плохие дороги не помеха для них.

– Когда, вы думаете, мы приедем?

– Посмотрим, как пойдет дело. Никакого смысла – приезжать туда в темноту.

Брук почувствовал, что брюки снова начинают прилипать к ногам. Может, стоит все же рискнуть и провести ночь в какой-нибудь дешевой гостинице? Ему так хотелось принять в последний раз ванну: ведь предстоит жизнь без всяких удобств, да и усталость после бессонной ночи тоже не мешало бы снять. Впрочем, все упирается в один вопрос: нужно или не нужно предъявлять паспорта при заполнении карточки в гостинице. Обычно этими формальностями пренебрегают и документы требуют лишь в том случае, если приехавшие не заплатили вперед. Он искоса поглядел на Еву. Она сосредоточенно кусала нижнюю губу, как делают дети в школе, обдумывая трудную задачу. Брук обернулся, чтобы посмотреть на дорогу, и стал объяснять ей свой план.

– А где вы думаете остановиться? – спросила Ева.

– В Марселе. Нам не придется делать большой крюк, к тому же и город достаточно большой, чтобы никто не обратил там на нас особого внимания. Мы доберемся туда часам к девяти. Да и звонить в Англию в это время тоже безопаснее.

– Похоже, вы убеждены, что надо поступить именно так.

– Я просто высказал свое мнение. Мне вовсе не хочется, чтобы меня опять приняли за бульдозер.

Она тут же ответила с улыбкой:

– Что, усвоили урок или просто хотите установить мир?

– И то и другое.

– Итак, полпалатки или полкровати? – бросила она вызов, чувствуя легкое головокружение от собственной смелости.

– Но ведь мы можем снять отдельные номера, – поспешил успокоить ее Брук.

– Или один из нас останется ночевать в машине, – докончила она за него. – Но, во-первых, нам надо как следует выспаться после вчерашней бессонной ночи, когда мы оба лежали как две мумии, и после сегодняшних пятнадцати часов езды. Так что это должен быть отель. А во-вторых, мы не можем позволить себе транжирить деньги – значит, будет не две комнаты, а одна. О'кей?

– Никогда не слышал более романтичного предложения, – пошутил он и сразу же пожалел о своих словах. (Идиот! Снова напортачил. Нет чтобы сперва подумать, выругался он про себя.)

– А я и не собиралась его вам делать, – холодно бросила Ева в ответ.

– Знаю, знаю, – сказал Брук. – Я просто неудачно пошутил. Виноват.

Она скептически посмотрела на него, но ничего не сказала. Затем произнесла со вздохом:

– Будьте добры, передайте мне мои сигареты.

Он явно обрадовался, что на сей раз все сошло легко.

– А вы мне толком так ничего о себе и не рассказали, – заметил он, выждав несколько минут. – Мне-то вчера вы устроили форменный допрос…

– И сегодня ваша очередь?

– Только если вы не возражаете.

– Едва ли я могу сказать вам «нет», – съязвила она, – после всего, что вы претерпели по моей милости.

– Уверяю вас, это совсем не обязательно.

– Ну, так приступайте… или я должна начать свое жизнеописание с младенчества?

– Не знаю, как хотите… ну ладно, расскажите мне о своих родителях. Вы с ними ладите?

– Да, вполне. Но вы, наверное, хотите узнать, как они относятся к моим политическим взглядам. – Она посмотрела на него, и он утвердительно кивнул. – Я им рассказывала, но это как бы выше их разумения. Отец у меня учитель, сейчас на пенсии; всю свою жизнь он кому-то подчинялся, и, подобно китаянке, привыкшей к тому, что надо с детства бинтовать ступни ног, он привык к этим путам – снимите их с него, и ему покажется, что мир рушится. – Ева заметила, что Брук беспокойно заерзал на сиденье, и поняла, что его не удовлетворило ее вчерашнее объяснение. – Отчасти вы ведь тоже такой, да?

– Вам кажется, что мои взгляды на жизнь до сих пор определяются условиями, в которых я находился.

– Скажите, а сколько лет вы провели в обстановке строжайшей дисциплины, основанной целиком на отношениях господства и подчинения?

– Хорошо, но…

– Послушайте, Брук, – прервала она его, – вы, похоже, клюете на эту старую, как мир, выдумку, будто мы считаем, что, уничтожив государство, можно разом решить все проблемы. Ничего подобного. Сперва надо создать основы свободного общества. Люди должны сначала научиться работать и действовать сообща, а иначе будет хаос, который приведет к еще худшей диктатуре. Веками нас учили – конечно, те, кто сам находился у власти, – что подчинение властям – ко всеобщему благу, и людям, естественно, трудно переварить такой крутой поворот в миропонимании. Представьте себе, что вас вдруг выпустили из темницы, где вы просидели всю жизнь. У вас будет полная потеря ориентации, неуверенность в своих силах, которую вам успели внушить. Поэтому-то я и считаю, что священных коров лучше добивать издевкой, а не ножом. В общем, – она поглядела на него с застенчивой улыбкой, – я, кажется, несколько уклонилась от рассказа о моих родных.

– Отец у вас очень строгий?

Ева засмеялась, и он с удивлением посмотрел на нее.

– Не думайте, что мои убеждения – результат подавленных в детстве стремлений, – сказала она, тряхнув головой. – Но, пожалуй, правильно будет сказать, что по-своему он на меня влиял: самый вид его помог мне многое понять. Он, мне кажется, считает, что кокон, в котором он существует, это и есть мир, а люди – это недисциплинированные школьники, которых надлежит держать в узде.

– Но вы все равно любите его?

– Конечно. Не могу же я возненавидеть его только за то, что он смотрит на вещи не так, как я. Порой, правда, меня прямо

отчаянье берет, когда он упрется как вол – и ни с места, но это не его вина: так его воспитал собственный отец, мой дед. Судя по всему, это был настоящий тиран. К счастью, я его не застала, потому что была поздним ребенком.

– А вашему отцу нравилось учительствовать?

Она на мгновение задумалась.

– Точно не знаю. Скорей всего, ему приходилось нелегко. Вообще-то, по натуре он человек мягкий, и дети этим пользовались вовсю, как только раскусили его. Ко мне он, во всяком случае, относился хорошо и не навязывал своих взглядов. Летом мы устраивали загородные пикники – если бы вы видели, сколько мы всего запихивали в наш старенький «моррис», то наверняка решили бы, что мы отправляемся на Северный полюс. Двигались мы со скоростью не больше двадцати миль в час, прижимаясь к самой обочине: его прямо в дрожь бросало, когда сзади раздавался гудок машины. Он всегда считал, что это сигналят нам. Приехав, мы часами искали подходящее место, прежде чем разостлать коврики. Настоящий ритуал! – Она улыбнулась. – Странное ощущение вызывали у меня эти коврики. Точно сидишь на отцовском халате. А халат у него был такой мохнатый, обшитый по краям, с завитушками над обшлагами. Словом, в таком пьют какао с бисквитами.

Брук подбодрил Еву улыбкой.

– А ваша матушка?

– Она у меня всегда тише воды, ниже травы. Молчунья. По национальности датчанка. Встретились они с отцом в конце войны, когда он оказался на континенте по делам авиационного снабжения. Мама у меня старомодна до ужаса: занимается домом, держит его в образцовом порядке и никогда не критикует мужа. Словно до конца жизни будет благодарна ему за то, что он на ней женился. В общем-то, знаете ли, не очень интересная семья, – добавила она неожиданно.

Брук не знал, соглашаться с ней или нет.

– Но, уж конечно, куда более здоровая, чем наша – в лице моего, по существу, единственного оставшегося в живых родственника, – заметил он, избегая ответа.

– Это не ваша вина. Но, как сказал Мигель, виноваты не только большие злые волки. А и люди, которые позволяют им безнаказанно разбойничать.

– Вроде вашего отца?

– Да, такие, как он. Те, что думают: таков уж заведенный в мире порядок – и боятся поставить под сомнение то, чему их учили. А главное, передают свою трусливую покорность поколению, идущему вслед. Мои идеи пугают его отчасти потому,

что он наслушался «популярных» бредней, но прежде всего потому, что они ставят под сомнение тот образ жизни, который он вел и продолжает вести. Если бы он с ними согласился и принял их, подобной ноши ему бы не вынести. Мне это понятно, потому-то я и не могу его ненавидеть, как он ни упрям и ни слеп. – И она повернулась, чтобы посмотреть, как реагирует на ее слова Брук, а он смущенно улыбнулся.

Затерявшись в вечернем Марселе, они в конце концов подыскали дешевенькую гостиницу возле старого порта и припарковали неподалеку свой фургончик. Пока Ева выясняла, есть ли свободные комнаты, Брук блаженствовал в машине, вытянув ноги. У него начиналась головная боль, и глаза устали от яркого солнца, когда ему приходилось все время щуриться. Устраиваясь поудобнее, чтобы дать отдохнуть спине и шее, он подумал: не слишком ли опасно оставлять вещи в машине и не лучше ли взять все с собой. Через несколько минут вернулась Ева и позвала его; идя за ней, Брук с тревогой думал о той минуте, когда надо будет заполнять гостиничные карточки.

У хозяйки были густые каштановые волосы, явно крашенные, и большой колышущийся живот – точно под платьем у нее была скрыта грелка. До новых постояльцев ей не было ровно никакого дела, и, как Брук и надеялся, она даже не взглянула на то, что они написали. Интересно, подумал он, уж не купила ли она эту гостиницу на деньги, полученные за прежнюю работу весьма определенного свойства, и не сдаются ли здесь комнаты на полчаса. Гостиница с ее убогой респектабельностью смахивала как раз на подобного рода заведения.

По дороге, пока они несли свои чемоданы наверх, Ева обернулась к нему с улыбкой, и он догадался, что у нее в голове бродят те же мысли.

– Я почти ожидала увидеть зеркало на потолке, – заметила она, бросая свои вещи на кровать.

В комнате было темно и душно.

Брук подошел к окну и приоткрыл его. Потом снял защелку со ставней и распахнул их. В комнате сразу стало шумно.

– Ну и устал же я, – проговорил он, бросившись на кровать. Пружины жалобно заскрипели. – В таком месте им бы следовало хорошенько их смазывать, – добавил Брук, ухмыльнувшись.

– Возможно, мы несправедливы к хозяйке, – возразила Ева. – А вдруг она из столпов местного общества. Впрочем, я думаю, что многие хозяйки заведений становятся таковыми.

Брук рывком поднялся с кровати и подошел к маленькой раковине с висевшим над ней треснутым зеркалом, чтобы помыться, но, когда он отвернул оба крана, оказалось, что воды

нет. Ева рассмеялась, а он с напускной грубостью прорычал:

– Дьявол, если еще и душ не работает!..

– Да, особенно после всех наших странствий.

– Пойду разведаю.

Когда он вернулся, она вопросительно взглянула на него.

– Ну как, слышали грохот? Такое было впечатление, что здание вот-вот рухнет.

– Но душ-то все-таки работает?

– Да, если вас устраивает еле теплая вода, – ответил он. На какое-то мгновение им овладело дикое желание предложить ей пойти в душ вдвоем. Но он тут же прогнал мысль прочь, представив себе реакцию Евы.

– Идите первым, – предложила она, – только постарайтесь не замочить волосы.

Бруку хотелось дурачиться, и, с трудом удержавшись от искушения отдать ей честь, он вытащил из саквояжа полотенце.

– Не беспокойтесь. Я мигом.

– Знаю, – сказала она. – Наверняка опять проголодались.

Прежде чем снять часы, он внимательно посмотрел на циферблат.

– Да. После ужина нам ведь еще предстоит звонить по телефону, – мягко напомнил он ей.

Ева отвернулась. От тревожного предчувствия она вся съежилась, противно заныло под ложечкой. Подумать только, ей почти удалось забыть, зачем они сюда приехали, – ей даже начало казаться, что они и в самом деле в отпуске. Сейчас она презирала себя за такой эскапизм. Здесь, вдали от Англии, она не могла представить себе, что делают там их товарищи. Покушение, должно быть, уже произошло. Она потянулась через кровать за часами Брука. Результат они узнают только через два часа. Когда они будут выходить из гостиницы, надо не забыть справиться у хозяйки, можно ли позвонить в Англию в одиннадцать.

Вернувшись, Брук почувствовал перемену в ее настроении. Ему хотелось обнять ее за плечи, но он подавил в себе это желание, решив, что его жест может быть неверно воспринят. Он беспомощно стоял и наблюдал, как она, задвинув дорожную сумку под кровать, для чего-то тщательно складывает свое полотенце.

– Это в конце коридора с левой стороны.

Ответом ему была рассеянная улыбка.

Когда она вышла, Брук досуха вытерся полотенцем. Конечно, думал он при этом, это же ее друзья и она не может не испытывать чувства вины, зная, что они в опасности. Возможно, как раз в самый критический момент, когда они кружили по

городу, она вообще забыла обо всем. Он взглянул на саквояж с «люгером», который им дал Мигель, и понял, что для него самого все это пока что было игрой.

Гостиница находилась в нескольких минутах ходьбы от старого порта, и ресторан они подыскали без труда, остановив свой выбор на таком, где, как в шутку заметил Брук, «будет рыба без аккордеонов». Ева согласилась, продолжая по-прежнему думать о чем-то своем. Чем больше он пытался ее развеселить, тем в большее уныние она впадала – никак не могла подладиться под шутливый тон, хотя и была благодарна ему за старания.

Теперь, когда Брук стал лучше понимать Еву, он уже не огорчался из-за ее реакции, как было раньше, а учитывал ее настроение. Настороженным взглядом следил он за тем, как она безостановочно вертит в руке бокал. Она даже ни разу не посмотрела в зал, где сидели другие посетители.

– Мой вам совет – выпейте немного, – сказал он, когда официант поставил между ними графин с вином.

– Извините, – ответила она, мотнув головой, словно пытаясь стряхнуть с себя плохое настроение.

– Ничего, все о'кей. Я понимаю.

Брук смотрел, как Ева потягивает вино из бокала. Затем сам отпил половину.

– Надо попросить еще и воды, – предложил он. – А то одним вином жажду не утолишь.

Мало-помалу, к его облегчению, они стали обмениваться впечатлениями по поводу посетителей, сидевших за ближайшими столиками. Ева заметила, что девушка за соседним столиком то и дело поглядывает на Брука, и не без иронии улыбнулась про себя.

– Хотите, угадаю, о чем вы думаете? – спросил Брук и рассмеялся, видя, что она хочет уклониться от ответа. – Неужели у вас такие дурные мысли?

– Не валяйте дурака, – раздраженно отрезала Ева.

– А что такое? Неужели у вас не бывает дурных мыслей?

– Если уж вы вправду хотите знать, то я думала о шраме на лбу Мигеля – как он приобрел его.

– Виноват. – Брук покорно склонил голову. Ева не знала, следует ли чувствовать себя виноватой: она же заставила его поверить явной лжи. – Думаю, это от осколка гранаты. – добавил Брук.

– А… – И она опустила глаза, не зная, что говорить дальше.

Ее выручил приход официанта; они оба слегка отодвинулись от стола, чтобы дать ему возможность расставить тарелки. Ева

начала размышлять над переменой, происшедшей в отношении к ней Брука, – теперь он даже позволяет себе подшучивать над ней. Похоже, что он освоился со своей ролью, несмотря на ее вспышки. Интересно, а как он ведет себя с другими женщинами?

– Очень вкусно! – Брук указал вилкой на ее салат из помидоров. Ева начала есть и не смогла с ним не согласиться. Помидоры были желтые, какие выращивают в Средиземноморье; вулканическая почва придает им особый вкус. Она ела с аппетитом – удивительно, до чего же она проголодалась. Брук наблюдал за ней с явным одобрением. Ему не нравилось, если девушка чересчур ограничивает себя в еде, заботясь о талии, хотя он ловил себя на мысли, что худенькие ему более симпатичны.

– О чем вы думаете? – в свою очередь спросила Ева, заметив, что он не спускает с нее глаз.

– А что мне дадут, если я признаюсь?

– Ничего.

– Ну и ну, – сказал Брук, потянувшись за бокалом. – Если вы так уверены, что мои мысли ничего не стоят…

– Не в этом дело. – Ева улыбнулась. – Просто мыслями не следует торговать.

– О! – простонал он. – Можно мне отойти от политики и вернуться к салату?

– Бедняжка, – заметила Ева с притворным состраданием. – Я вас очень журю?.. Нет, не возражайте. Я знаю, что вы скажете.

– Что же именно? – лукаво осведомился он.

– «Ничего. Не умру…» – передразнивая его, сказала Ева.

– Возможно, – вынужден был признать Брук. – Впрочем, не понимаю, почему вас это так радует.

– А вам иногда не хочется свернуть мне шею?

– Ну, таких кровожадных помыслов у меня нет, – отвечал он, и улыбка медленно расползлась по его лицу. – Просто отшлепал бы как следует.

– И тогда прости-прощай наше чудесное партнерство.

– Это что, угроза или обещание? – осведомился он.

– Во всяком случае, я не намерена подсказывать вам, как от меня избавиться, – это уж ваша проблема.

Он поднял глаза и посмотрел на нее.

– В число моих проблем вы не входите.

Ее смутило не столько содержание этих слов, сколько их тон: они прозвучали чуть ли не как признание в любви. Это в его стиле, подумала Ева: выражать свои чувства как бы между прочим. Но едва ли она могла винить его за это. После ее попыток отвадить его, конечно же, он может вести себя только так.

– У меня прямо камень с души свалился. – Ева нервно рассмеялась. – Теперь я поняла, что я для вас не бесполезный балласт, мешающий вам выполнять задание.

Он покачал головой.

– А я-то думал, что это я мешаю, ставя точки над всеми «t».

– Вы хотите сказать над «i»?

На какую-то долю секунды Брук был озадачен, затем, поняв, что перепутал буквы алфавита, улыбнулся ей.

– Но вы же меня поняли?

– Да, – сказала Ева.

И оба отвели друг от друга глаза.

Прежняя скованность вернулась к ней, когда они медленно направились к гостинице. Ночь была теплой и ясной; после тщетной попытки заинтересовать свою спутницу звездами Брук тоже замолчал. Он старался идти с ней в ногу, чтобы шаги звучали в унисон, и эта нарочитость угнетала ее. Словно бой барабана перед казнью, подумала она, и тут же разозлилась на себя за такое мелодраматичное сравнение. Боялась ли она за себя или за других – Ева и сама этого не знала.

– Хозяйка не очень-то обрадовалась, что мы заказали разговор по телефону на такой поздний час, – заметила она, чтобы хоть как-то нарушить молчание. Втайне она надеялась, что Брук, быть может, возьмет ее под руку после всего, что он ей говорил.

– Эти сумасшедшие англичане, – немного подумав, прежде чем выбрать нужный тон для ответа, сказал он. – День-деньской жарятся на солнце, а по ночам звонят.

– Как бы нам это лучше сделать?

– Вы поговорите, а я тем временем буду в номере ловить последние известия.

Ева согласилась. Для этой цели он и взял с собой транзистор.

Остановившись у конторки, они посмотрели друг на друга. Брук взглянул на часы, висевшие над доской с ключами, и заметил, что надо позвать хозяйку. Ева кивнула и нехотя направилась в заднюю комнату, где хозяйка сидела перед телевизором. Она что-то буркнула, когда Ева напомнила ей о заказе. Выражение лица у нее было такое, точно ее, по меньшей мере, вытащили посреди ночи из постели. Встав за конторку, она передвинула вазу с пластмассовыми тюльпанами.

– Soixante francs les trois minutes[33], – сказала она, угрожающе глядя на Еву и как бы предупреждая малейшую попытку вступить в спор из-за цены. Ева была взбешена, но ей ничего не оставалось,

как согласиться; она написала на отрывном листке рекламного блокнота фирмы, торгующей аперитивами, номер телефона, и хозяйка стала искать код. Ева с растущим нетерпением наблюдала, как, медленно проверяя каждую цифру, хозяйка набирала номер. И представляла себе Нила, который, ссутулясь, ждет в телефонной будке, нажав на рычаг пальцем и делая вид, будто разговаривает.

Как только хозяйка кончила набирать, Ева выхватила у нее трубку. Нил должен ответить после пятого гудка. Она поглядела на часы, чтобы убедиться, что звонит точно в срок, и начала считать гудки. «Если что, на шестой раз вешай», – сказал ей Нил, но Ева, чувствуя, как в ней нарастает отчаяние, продолжала ждать.

– Мне нужно снова набрать номер, – обратилась она к хозяйке. – Это очень срочно: только что должны были прооперировать отца.

Хозяйка в ответ пожала плечами и с видом крайнего недовольства снова набрала номер. И снова телефон молчал.

– Je ne comprends pas[34], – для отвода глаз сказала Ева хозяйке, и та, явно взбешенная потерей прибыли, бормоча что-то себе под нос, прошаркала обратно к телевизору.

Поднимаясь по лестнице, Ева пыталась сообразить, что же могло там произойти, но голова была как ватная; внезапно она вспомнила про последние известия и бросилась в номер. Брук сидел на краю кровати: на стуле перед ним стоял выключенный транзистор.

– Вы что, не слушали?

Он кивнул.

– Плохи дела…

– А именно? – спросила она, холодея от тревожного предчувствия.

– Они убили не того…

– Не может быть!

– Говорите потише, – попросил ее Брук деликатно, но твердо. Она присела возле него на кровать. Он обхватил ее за плечи, но к себе не привлек.

– Похоже, что их всех тоже убили, – произнося эти слова, он почувствовал, как она вся напряглась.

– Что в точности передали по радио? – тихо спросила Ева.

– Несчастный случай, в котором пострадали «даймлер» и два мотоцикла. Погибли трое сидевших в машине… и все мотоциклисты.

Ева почувствовала, что силы покинули ее, и она прислонилась к Бруку. Он ожидал рыданий, но слышалось только

ее прерывистое дыхание.

– А кто был в машине? Они не сказали?

– Доктор Юджин Бэйрд. Американец… друг моего брата.

– Но как же их всех могло убить? – спросила она, качая головой.

– Я тоже многого не понимаю. Возможно, взорвался бензобак, а может, была засада… не знаю.

Он почти надеялся, что она разрыдается. Выплакалась бы – и все. А не была ли она влюблена в Джона Престона? – вдруг подумалось ему.

Между тем Ева отодвинулась от него и медленно встала. Казалось, все ее движения были нарочито замедлены.

– Итак, остаемся только мы двое, – произнесла она, глядя в стену перед собой.

– Да, но мы не знаем об Андресе.

Она рассеянно кивнула. Потом, к немалому его удивлению, стала доставать мешочек с туалетными принадлежностями. Казалось, она изо всех сил старалась не думать о том, что только что узнала, а действовать по раз и навсегда заведенному распорядку. Она вышла из комнаты, даже не взглянув на Брука. А он продолжал сидеть на кровати, тупо уставясь в пол. Из душевой в дальнем конце коридора до него донеслось гудение водопроводных труб.

Когда Ева вернулась, Брук, пригнувшись, заряжал «люгер» Мигеля. Остановившись в дверях, она наблюдала за тем, как он, держа патроны на ладони левой руки, вставляет их один за другим и подталкивает большим пальцем правой. Его ритмичные движения и невозмутимое лицо лучше любых слов объяснили ей, что их ждет. Похоже было, что профессионализм Брука одержал верх над эмоциями. Так вот, значит, чему учат в армии – чтобы люди могли не думать и не испытывать страха. Ей стало жутко, когда она обнаружила это в человеке, которого начала понимать.

Ей о многом хотелось расспросить его – что же все-таки, по его мнению, произошло, ибо она до сих пор отказывалась поверить, что остальных членов их группы уже нет в живых. Этих троих, которых она видела полными сил. Наверное, нелепо так говорить, но как вообще можно представить себе кого-то мертвым? Нет, это слишком сложно осознать, почти так же сложно, как представить умершим себя. Она вспомнила. Она вспомнила, как анестезиолог делает укол перед операцией и возникает чувство, будто тебя засасывает в черный тоннель. Стремясь избавиться от грозящих стать навязчивыми болезненных ассоциаций, она начала раздеваться. И неожиданно хрипло засмеялась.

– Интересно, если ты стала брюнеткой, можно купить такую же краску и для волос на теле?

Услышав ее срывающийся голос, Брук поднял на нее взгляд. Он опустился на колени, чтобы спрятать пистолет, и сейчас обернулся к ней – глаза у него были грустные.

– Не старайтесь что-то из себя разыгрывать, – произнес он тихо.

Ева хотела было возразить ему в сердцах, но передумала и только кивнула.

– Ложитесь в постель, – добавил он. – А я пойду приму душ. – В дверях он улыбнулся, чтобы подбодрить ее.

Ева выключила лампу и, улегшись на дальнем краю кровати, стала смотреть в окно. В комнате достаточно светло от уличных фонарей, решила Ева, так что Бруку не придется зажигать свет. Она сбросила с себя одеяло и накрылась одним пододеяльником, так как было еще тепло. Снизу доносились какие-то пьяные крики и обрывки песен – Ева не особенно прислушивалась к звукам улицы. Затем в коридоре скрипнула половица, и в номер вошел Брук. Она почувствовала, как он помедлил, прежде чем тихо затворить дверь.

– Я не сплю, – произнесла Ева, не поворачивая головы.

Он не откликнулся. Она услышала, как он прошел в дальний угол комнаты, где стоял его саквояж. Зашелестела одежда, и вскоре под его тяжестью прогнулась кровать.

– Хоть не скрипит на этот раз, – заметил он, скользнув под одеяло.

Брук лежал на спине и думал о том, что хорошо было бы придвинуться к Еве, но он не знал, как она это воспримет. Он начал уже понимать, что нуждается в ней, и почему-то это не казалось ему удивительным. Повинуясь внезапному импульсу, он повернулся к ней и поцеловал в открытое плечо.

– Спите спокойно, – промолвил он, отворачиваясь к стене.

– Какого черта вам это вдруг взбрело в голову? – спросила Ева после долгой паузы.

– Не знаю. Просто мне так захотелось.

Она перекатилась через кровать и посмотрела на него с интересом.

– И все?

Он рывком приблизился к ней и поднял руку, чтобы Ева могла положить голову ему на грудь. Она лежала не шевелясь, и Брук погладил ее по спине.

– Никто никогда не воспринимает меня всерьез, – пошутил он, чтобы скрыть смущение.

Неожиданно для себя Ева увидела в этой шутке большую

долю истины. Она вспомнила, как Андрес сказал, что Брук «до смешного красив», – даже возможно, что в то время, как мужчины ошибочно считают его героем-любовником, женщины приписывают ему такие качества, которыми он вовсе не обладает. Ирония судьбы! Ева чуть не рассмеялась вслух, почувствовав безмерное облегчение, и всю ее настороженность как рукой сняло – так исчезает тревожный сон, стоит нам проснуться. Вот уж ни разу не приходило ей в голову, что она может испытывать к нему жалость и эту странную, удивительную привязанность.

Брук смотрел в потолок, наблюдая за скользившими по нему желтыми отражениями автомобильных фар. Волосы Евы щекотали ему щеку, и он слегка передвинул голову. Они дышат почти в унисон, отметил он про себя. В ушах его все еще звучал ее мягкий упрек, и он не мог понять, что за ним стояло: хотелось ли ей близости или просто утешения. Его тело уже начинало реагировать на прикосновение ее кожи и груди. Он слегка отодвинулся, и она тут же почувствовала его нерешительность.

Теперь Ева жалела о своем порыве: она сама не знала, чего хочет, и вместе с тем боялась оказаться несправедливой к Бруку. Как в шахматах, мелькнуло у нее в голове: приходится думать о последствиях каждого хода. Когда она в Лондоне думала о том, что может возникнуть такая ситуация, все ее существо восставало. Ее коробило при мысли, что ради общего дела надо ложиться в постель и ублажать неизвестно кого. Ей даже пришло тогда в голову, что это может положительно повлиять на меткость снайпера. Теперь же она вынуждена была признаться себе, что жизнь подшутила над ней.

Ее влекло к нему, и она презирала себя за это, вспоминая о тех троих, что погибли всего несколько часов тому назад, и особенно о Джоне. Ева не была связана с ними никакими обязательствами, кроме уз дружбы, но, как ни странно, именно их гибель делала сейчас Брука таким желанным. По крайней мере, этого никогда не случилось бы при их жизни, подумалось ей. Она столь упорно все это время держала его на расстоянии, что понимала: теперь инициатива должна исходить от нее. Иначе это можно назвать трусостью. Она медленно заскользила рукой по его телу, чувствуя, как оно напрягается. Брук попробовал отвернуться, но Ева негромко приказала:

– Лежите смирно.

– Вы что, испытываете мое самообладание? – спросил он не очень твердо.

– А вы считаете, что это одно из испытаний на выносливость, какие применяют в армии?

Вместо ответа рука Брука обхватила сзади ее голову, и ее

лицо приблизилось к его губам. Через мгновение она сумела оторваться от них и шепнула, что ему незачем действовать столь грубо. Он лизнул ей ухо, и она улыбнулась, почувствовав, что ему в рот попал волос. Впервые, ощущая приятное возбуждение, она могла контролировать свои чувства.

Она решила научить этого увальня искусству любви. Ничего подобного никогда бы не случилось, виной всему – его растерянность и смущение. И, как она и надеялась, вскоре ее страсть распалила его – так она еще ни с кем себя не вела.

– Тише, тише, – шептала она, обнимая его. Мускулы его были напряжены так, что казалось, вот-вот разорвутся…

Когда дыхание их стало немного успокаиваться, он оторвал лицо от подушки и потряс головой. Ева засмеялась.

– Ну как, не умер? – спросила она, улыбаясь.

Он кивнул и тоже улыбнулся. В темноте она не могла толком разглядеть его лицо, но все же уловила на нем выражение удивления и счастья; подсознательное чувство вины за свой эгоизм наконец покинуло ее.

– А что, ведь это могло бы стать началом прекрасного партнерства, – проговорил он.

Слова эти разозлили ее, хотя она и не понимала – почему. Просто они были сейчас лишними, и у нее возникло ощущение, что он словно бы предал ее.

– Незачем было это говорить.

– Знаю, – ответил он, не поняв, что она имеет в виду. Ева приподняла руку, и он положил голову ей на плечо.

– Нам надо бы хоть немного выспаться, – пробормотал Брук, рассеянно поглаживая ее. И почувствовал, что она кивнула.

– Как ты думаешь, почему они сообщили, что произошел несчастный случай? – спросила Ева, возвращаясь к реальности.

– Не знаю, – проговорил Брук, поворачиваясь. – Лучше постарайся сейчас, хоть это и трудно, забыть обо всем этом. – И он поцеловал ее в уголок рта, устраиваясь подле нее удобнее.

– Но про нас-то им ничего не известно? – не унималась Ева, ища у него поддержки. – У них же не может быть никакой зацепки.

– Насколько я могу судить, никакой, – успокоил ее Брук.

20

Выходя из служебного лифта около восьми, Сайкс услышал, как в его пустом кабинете без умолку звонит телефон. Сайкс слегка кивнул, здороваясь со спускавшейся по лестнице уборщицей, и открыл дверь, ведущую в коридор своего отдела. Хотя выражение его лица этого и не выдавало, но он был в плохом настроении. В спешке побрился, и теперь на шее образовалось раздражение, а во время завтрака в вареное яйцо попала скорлупа. Он даже не смог спокойно обдумать события предыдущего вечера: все утро жена твердила ему о каких-то лампах, которые, уверяла она, прекрасно подойдут к их ночным столикам. Сайкс почувствовал себя лучше, лишь когда очутился за рабочим столом, где все было на своих местах. Он не мог сосредоточиться, если на столе навалены папки или бумаги разбросаны в беспорядке.

Открыв окно и позволив себе на мгновенье отвлечься, он сунул руку в карман брюк, где у него лежали ключи. Досье на Дельгадо находилось в верхнем ящике серого шкафчика картотеки. Накануне они были всецело заняты Форбсом, но Дельгадо, как ни странно, оставался для них загадкой. Люди из Спецслужбы сумели схватить его, когда он вчера вечером зашел в заведение Белла. Совершенно ясно, что он попался только потому, что хотел разузнать про остальных, сообщил Сайксу по телефону старший офицер.

Положив досье на стол, Сайкс сверил свои часы с висевшими на стене электрическими. На половину десятого у него назначена встреча с заместителем комиссара полиции, с которым он связался после звонка старшего офицера. Устроившись поудобнее, Сайкс начал освежать свою память. Итак, во время гражданской войны в Испании отец Дельгадо сражался в Барселоне. (Сайкс смущенно поерзал, снова ругнув себя за то, что не подумал о возможных связях с испанскими террористами, пока об этом не упомянул Бек.) После поражения республиканцев в 1939 году он перешел через Пиренеи и был интернирован французами, а затем, подобно многим другим испанским изгнанникам, перебрался в Южную Америку. Там у него родился сын. В Англии он появился только после переворота генерала Иньесты, когда его отец стал одним из тысяч desaparecidos[35], как новый режим называл тех, о чьей судьбе якобы не было сведений. В досье была также информация о полученном молодым Дельгадо образовании и местах работы в Южной Америке, но почти ничего стоящего со времени его прибытия в Европу. Должно быть, здесь

он просто ждал благоприятного случая, заключил Сайкс.

Он откинулся на спинку кресла и забарабанил пальцами по подлокотнику. В известном смысле жаль, что Дельгадо оказался без оружия. Тогда с ним можно было бы разом покончить, если, конечно, где-то поблизости не затаились другие члены той же группы. Оставались, правда, еще те двое журналистов, но Сайкс не думал, чтобы они представляли серьезную проблему. По телефону он велел старшему офицеру поместить Дельгадо в одно из их убежищ для разоблаченных доносчиков, нигде не регистрируя факт его задержания. К счастью, при аресте не было никаких свидетелей.

Мысль о том, чтобы передать Дельгадо в руки Бригады по расследованию и обеспечению безопасности, возникла у него еще во время телефонного разговора, но он об этом даже не упомянул. Надо еще подумать и снова просмотреть досье. Конечно, им необходима запасная версия, и тут можно сказать, что он принял предложение о немедленном выезде из страны, а они пообещали не возбуждать против него судебного преследования. Если же люди из Бригады схватят Дельгадо, как только он окажется за пределами Англии, это уже не его, Сайкса, дело. Ему эта идея более или менее понравилась. Во всяком случае, она позволяла не разглашать подробностей происшедшего и избежать щекотливой ситуации, связанной с пребыванием Иньесты в стране. В общем, напомнил он себе, сейчас не время церемониться – это ведь не просто террористы.

Оставалось, впрочем, решить вопрос о Дандасе. В последние дни он тщательно наблюдал за ним, и тот начал внушать ему беспокойство. Дело в том, что Дандас, по-видимому, не соглашался с тем, что закон для них – всего лишь первая линия обороны. Сайкс, естественно, был единственным, кто понимал, что этим нельзя злоупотреблять, не то под сомнение может быть поставлена сама беспристрастность закона. И все же, по его мнению, у Дандаса слишком уж упрощенный и узколобый взгляд на вещи. Хотя серьезных стычек между ними не было и Дандас не выказывал явного неповиновения, Сайкс все же чувствовал, по его манере держаться, что Дандас уже не отличается стопроцентной лояльностью. Правда, виной тут могла быть непомерная нагрузка, но, как бы то ни было, назрела необходимость перебросить его на другую, менее секретную работу.

Сайкс снова взглянул на часы и снял очки. Для верности, решил он, придется, пожалуй, не все говорить Дандасу о решении насчет Дельгадо. Сайкс повернулся в кресле, поднялся и запер картотеку, прежде чем пойти в туалет вымыть руки. Выйдя на лестничную площадку, он услышал щебет секретарш,

поднимавшихся в это время на свои этажи. Предстоял обычный утренний ритуал проверки того, как подкрашено лицо и уложены волосы, после чего последует первая чашка чаю. Сайкс уже ставил перед руководством вопрос о возможной утечке информации из-за соседства его отдела с административным, где работает непомерно много штатских. Он был убежден, что существующая процедура проверки крайне поверхностна. Заместитель комиссара полиции склонялся к его точке зрения, и это не могло не льстить ему.

Когда Сайкс вернулся в отдел с приятным ощущением хорошо вымытых рук, то увидел за стеклянной перегородкой Дандаса. Тот разговаривал по телефону, уперев в бумагу карандаш. Сайкс поманил его, и Дандас в ответ поднял руку, давая понять, что сейчас зайдет.

– Ну, Брайан, – промолвил Сайкс, когда его подчиненный сел, – группа охраны дипломатов сработала превосходно, и вы тоже.

– Спасибо, сэр, – готовой формулой ответил Дандас.

Ему была явно не по душе эта велеречивость, особенно если учесть, что именно Сайксу принадлежала идея использовать Бэйрда в качестве подсадной утки. А выслушав сожаление по поводу того, что не представляется-де возможным официально признать их заслуги, он еле удержался, чтобы не сказать: «Да, но в результате погибло шесть человек!» Затем Сайкс перешел к вопросу о Дельгадо: как только будет получено согласие комиссара полиции, его немедленно вышлют из страны. Дандас удивленно кивнул, но тут же припомнил, что шеф всегда гордился своим чувством реального. Конечно, держать Дельгадо в застенке несколько затруднительно, но, с другой стороны, как иначе заставишь его молчать?

– А журналисты, сэр?

– В ходе предстоящей беседы я намерен обсудить и эту проблему, но, откровенно говоря, не думаю, чтобы у нас были с ними особые хлопоты. Я хочу сказать, даже если они что-то и подозревают, то у них нет никаких фактов, чтобы создать свою версию. – Сайкс помолчал, взял очки и проверил, чисто ли протерты стекла. – Речь в данном случае идет ведь не только о том, чтобы не вмешивать в это дело правительство, Брайан, – заключил он, – но и о том, чтобы без нужды не пугать общественность.

Дандас кивнул, стараясь выражением лица не выдать своих истинных чувств. Пусть граждане спокойно спят в своих постельках, цинично подумал он. Вот оно, кредо Сайкса (параграф три, пункт четыре): «Поддержание доверия

общественности к нашей способности охранять институты власти». Но что они станут делать с двумя журналистами, особенно с американцем? С соотечественником долго возиться не придется – достаточно будет пригрозить ему официальным уведомлением о запрете публиковать материал. На Флит-стрит эти уведомления, к которым теперь, со времени изменения законодательств, стали все чаще прибегать, уже успели окрестить «гильотинами». Наконец, можно всегда припугнуть: если пресса не будет играть по правилам, правительство снимет всю государственную рекламу. А ни одна газета не пойдет на то, чтобы попасть в черный список.

– Знаете, сэр, мне только что звонили по телефону. Какой-то странный звонок, – произнес Дандас, выслушав Сайкса.

– Да? А в чем дело?

– По вашему указанию мы раздали вчера фото этих людей службам безопасности. – Сайкс нетерпеливо кивнул. – Так вот, секретарша из Пятого отдела говорит, что как-то утром на прошлой неделе видела этого Дельгадо. Она запомнила его потому, что он вылезал из машины, за рулем которой сидел ее знакомый. Она еще подумала, что это слишком уж неподходящая пара.

– Кто же был за рулем?

– Бывший армейский офицер по имени Брук Гамильтон. Собственно, поэтому-то она с ним и знакома. У нее отец бригадный генерал или что-то в этом роде. – Дандас удивленно поглядел на Сайкса. Такого выражения на лице шефа он еще ни разу не видал. – В чем дело, сэр?

Сайкс сделал ему знак сидеть тихо. Дандас неожиданно вспомнил о человеке, посетившем Иньесту. Похоже, решил он, его уикенд с Брендой – дохлый номер. Пожарную кнопку вот-вот нажмут, и тогда…

– Когда эта девушка видела наше фото? – осведомился Сайкс.

– Вчера днем. Притом совершенно случайно: дело в том, что она…

– А почему мы узнаем об этом только сегодня утром?

– Ну, она говорит, что пыталась…

– Хорошо, хорошо. Сейчас это уже не имеет значения. – Сайкс с минуту глядел на свой стол, затем поднял голову. – Итак, вы получите всю необходимую помощь. Берите любого из наших людей, чем бы он сейчас ни занимался. Ваше задание будет самым важным, пока я не отменю приказа. Начните с выяснения следующих моментов…

Дандас вынул из внутреннего кармана шариковую ручку и, положив блокнот на край стола, приготовился записывать.

– Во-первых, уточните местопребывание Брука Гамильтона. Вероятнее всего, вы обнаружите, что он уехал из страны. Собственно, это почти стопроцентно. – Дандас поднял голову и вопросительно посмотрел на шефа. – Скорей всего, отправился во Францию, но может, и в Испанию. Проверьте аэропорты – и Дувр в первую очередь. Затем испробуйте другие каналы.

– Но если он поехал поездом?..

– Знаю… – оборвал его Сайкс. – Все детали касательно машины, паспорта, оружия и прочего. Да, выясните, один ли он, а если нет, то кто с ним. Соберите максимум информации. – Сайкс остановился, давая Дандасу время записать его слова. – Наконец, мне нужна свежая его фотография. Я должен иметь ее не позже двенадцати. Если потребуется, взломайте дверь квартиры.

Дандас слишком хорошо знал своего шефа, чтобы понимать: любые «ахи» и «охи» или сетования на трудности ни к чему не приведут.

– Но если он был в армии, – заметил Дандас, – то мы могли бы сделать снимок с его удостоверения личности.

– Я уже предусмотрел такой вариант и сам буду звонить в министерство обороны, чтобы затребовать его личное дело. А вы пока занимайтесь своим.

– Но какое он имеет отношение ко всей этой истории? – спросил Дандас.

– Хотел бы я знать! Ясно одно – это не случайное совпадение. Итак, за работу. Через полчаса я жду от вас первое сообщение. Запомните: первое по очередности – выяснить, во Франции ли он. Второе – свежее фото.

Дандас кивнул и быстро вышел из кабинета. За время своей службы он убедился, что срочность задания надо не только осознавать, но и показывать, что ты ее осознаешь.

Сайкс, не дожидаясь его ухода, тут же потянулся к телефону и набрал номер военной разведки. Он знал, что через нее сумеет получить нужную информацию куда быстрее, чем по обычным каналам. Следующим был звонок к заместителю комиссара полиции – тот еще не появился, и секретарша сказала, что не ждет его раньше девяти тридцати. Сайкс про себя выругался. Черт, может быть, стоит немедля предупредить Бека? – подумал он, но решил все же не делать этого. Пока не получена точная информация, никаких действий предпринимать все равно нельзя. Кроме того, надо сперва убедиться, что Брук Гамильтон действительно выехал из страны. Он позвонил секретарше, попросив зарезервировать для него одно место на дневной рейс до Марселя. Если возникнут трудности, пусть она ему сообщит, и он тут же свяжется с полицейским отделением в аэропорту

Хитроу.

Сочтя, что все возможные меры приняты, Сайкс позволил себе расслабиться и выглянуть в окно. Он постарался точно припомнить, что именно ответила ему секретарша Алекса Гамильтона. И зачем только он тогда оборвал ее, подумал он, но тут же понял, что она вряд ли могла сказать ему что-то еще. Во всяком случае, ему было ясно, что младшему брату удалось через нее выяснить время вылета самолета с Иньестой на борту. Именно эта утечка информации и встревожила заместителя комиссара.

На мгновение Сайкс задумался, что же все-таки движет Бруком Гамильтоном. Впрочем, выяснение мотивов представляет чисто академический интерес. Сайкс повернулся к столу и набрал номер Нэлли из Спецслужбы – ему хотелось знать, приглашен ли тот на встречу в полиции, тогда можно будет там решить дальнейшую судьбу Дельгадо.

Поднимаясь в лифте за две-три минуты до назначенного срока, Сайкс постарался представить себе последствия нового поворота событий. Без сомнения, дело грозит дойти до самых верхов, а политики имеют обыкновение пугаться собственной тени. За фасадом благопристойности начнутся бесконечные пререкания и перекладывание вины друг на друга. Но в результате, утешил он себя, по крайней мере укрепится позиция тех, кто настаивает на полной компьютеризации паспортной системы. Двери между тем со вздохом открылись, и он вышел в коридор.

– Шеф только что приехал, – улыбнулась ему секретарша, оторвавшись от машинки, когда он вошел в приемную.

Сайкс поблагодарил ее кивком головы и постучал в полуоткрытую дверь.

– Проходите, Деннис, выбирайте себе место, – приветствовал его заместитель комиссара полиции, высокий человек с густыми бровями (похоже, что он специально зачесывает их наверх, чтобы выглядеть как китайский дракон). – Хотите кофе или еще чего-нибудь?

– Спасибо, ничего, сэр, – отвечал Сайкс. – Надеюсь, вы не будете возражать, что я пригласил также Бена Нэлли, чтобы нам можно было полностью определиться. Боюсь, что за это время произошли весьма важные события, сэр.

– О черт! – простонал заместитель комиссара. – А я-то думал, все прояснилось.

Сайкс с сожалением покачал головой и посмотрел на часы.

– Заходите, Бен, заходите, – позвал шеф. Сайкс повернулся в своем кресле и кивнул в знак приветствия. – Ситуация, похоже,

создалась критическая, так что пусть Деннис сразу переходит к делу.

Сайкс прочистил горло и вкратце изложил суть событий. Ему хотелось решить проблему с Дельгадо прежде, чем приступать к обсуждению последних новостей.

– А что там с этими журналистами? – спросил заместитель комиссара, когда они обо всем договорились.

Сайкс высказал свою точку зрения. Если в качестве последнего средства давления придется издать запрет на публикацию материала, – что ж, надо его издать, а для прикрытия выдать версию о попытке похищения Алекса Гамильтона.

– Это сойдет, – согласился Бен Нэлли. – И звучит вполне реально.

– Остается рассмотреть еще и политический аспект.

– Что вы имеете в виду, Деннис? – спросил заместитель комиссара. – Называть ли их «гангстерами» или «террористами»?

– Вот именно, сэр, – ответил Сайкс. – В случае нужды я бы предложил охарактеризовать их, как некую группу красных экстремистов. Обычная вещь – отсутствие четкой идеологической платформы, ставка на бессмысленную жестокость. Это вполне оправдало бы наш отказ от публичных заявлений, пока ведутся розыски остальных членов группы.

Заместитель комиссара в задумчивости кивнул и повернулся к Нэлли:

– А что думаете по этому вопросу вы, Бен?

– Согласен целиком и полностью, сэр.

– Хорошо. В таком случае идем дальше, Деннис!

– Дело в том, – начал тот, – что открылось новое обстоятельство, и весьма тревожное. У Гамильтона есть младший брат, Брук, бывший армейский капитан. Так вот, у меня есть все основания полагать, что он не только снюхался с этой бандой, которая убила Бэйрда, но и находится в настоящее время во Франции с целью убить генерала Иньесту.

– Господи! – воскликнул заместитель комиссара. – Он что, спятил?

– За каким чертом такому человеку, как он, связываться с этими длинноволосыми? – в свою очередь изумился Нэлли.

– Должен сказать вам, что не имею ни малейшего представления о мотивах, которыми руководствуется Брук, – спокойно ответил Сайкс, – но зато у нас есть все доказательства того, что присоединиться к ним его побудил Дельгадо. – И Сайкс повернулся к заместителю комиссара. – Похоже, сэр, что именно ему удалось выяснить, когда улетал во Францию самолет с Иньестой на борту, – таким образом он помог этим типам

организовать засаду.

Сайкс заметил, как шеф озадаченно покачал головой.

– И как это вы его зацепили? – удивился Нэлли.

– Нам крупно повезло. Секретарше из Пятого отдела – она знала Брука еще по армии – случайно попалась на глаза фотография Дельгадо из тех, что мы рассылали. И тут она вспомнила, что видела их вместе на прошлой неделе.

– А где он сейчас?

– Возможно, уже на пути к вилле брата, где после операции отдыхает генерал Иньеста. Так что на сей раз нам, похоже, придется иметь дело с настоящим профессионалом.

– А лягушатников вы уже уведомили? – поинтересовался Нэлли.

Сайкс оставил его вопрос без внимания и снова повернулся к заместителю комиссара.

– Продолжайте, Деннис, – сказал тот. – Мне бы хотелось услышать ваш анализ ситуации и что вы рекомендуете. – В голосе его прозвучала сухая нотка: он явно не одобрял манеры Сайкса не отвечать на вопросы.

– Я надеюсь получить в течение получаса данные, которые подтвердят, что надо придерживаться именно такого сценария. Комиссару Беку я позвоню тотчас же, а затем вылечу в Марсель со всеми данными и фотографиями. У генерала Иньесты трое телохранителей, и Бек предупредит их, чтобы они были начеку. Однако данная ситуация затруднительна не только для нашего, но и для французского правительства, поэтому я предложил бы, сэр, чтобы наш министр внутренних дел поставил в известность Форин офис.

– Я об этом позабочусь.

Сайкс кивнул, затем продолжал:

– Понятно, что от самих французов зависит, какую игру они поведут и какими средствами, но я бы предложил, так как это чрезвычайно важно, чтобы наши официальные версии были скоординированы.

– Но неужели вы сможете держать это дело под колпаком?

– Думаю, что да. Версия с похищением все еще работает… Завистливый младший брат?..

В комнате наступило молчание; заместитель комиссара полиции чесал затылок, а Нэлли внимательно разглядывал пятнышко на своем галстуке. Оба, казалось, не имели ни малейшего желания высказываться.

– А что, французское правительство не может просто попросить этого Иньесту уехать?

– Видите ли, сэр, – начал Сайкс, заерзав на стуле, – они,

конечно, могут так поступить, хотя он и прибыл туда на отдых после операции, пусть не серьезной. Но все равно он не сумеет уехать оттуда раньше, чем завтра; к тому же, он ведь может и отказаться, потребовав, чтобы они обеспечили ему надежную охрану. Французам ведь ресурсы его страны необходимы не меньше, чем нам.

– Хотя это и не ваша сфера, Бен, но что вы об этом думаете?

– Не вижу никакой альтернативы тому, что тут было предложено, сэр. Я думаю, французское правительство, учитывая их политические проблемы, будет не слишком красиво выглядеть, если хоть что-то из всего этого выплывет.

– Ну, – с облегчением вздохнул заместитель комиссара, – решение, слава богу, будем принимать не мы. Но наши рекомендации я составлю в том духе, как вы предлагаете, Деннис. Комиссар, как известно, выступает сегодня в Эдинбурге, так что министру внутренних дел буду звонить я.

21

Франсуа Беку было уже за пятьдесят. Невысокий, с мощной шеей и решительной походкой, он выглядел крепышом и походил на бойкого автоматчика; его заместитель, Кристиан Морган, называл про себя Бека антропоидом. Седые волосы Бека были подстрижены en brosse[36], как у римлянина, а лицом он напоминал типичного немца; загрубевшая же кожа указывала на то, что он провел немало лет в странах с жарким климатом. Бек никогда всерьез не заботился о своем костюме, хотя и выработал в себе привычку к аккуратности. И потому тщательная забота его подчиненного о своем внешнем виде была выше его разумения и казалась нелепой тратой времени и денег.

Еще в войну Бек стал безоговорочным голлистом[37], но уход французов из Алжира сильно поколебал его преданность генералу. Англичанам он не доверял, немцев одновременно и любил, и ненавидел, американцев считал наивными и самонадеянными. В жизни ему мало что доставляло удовольствие – ну разве что собственный пессимизм. Дочь его жила с gauchiste[38] – Бек был уверен: назло ему, – а жена пускала по ветру его жалованье. Он проклял тот день, когда она втравила его в покупку квартиры в одном из новых «de grand standing»[39] районов.

А все из-за того, что ей хочется подняться по социальной лестнице, все из-за ее претензий – проклятия всех женщин, по мнению Бека. В своем неукротимом невежестве жена готова всех уверять, что ее супруг единолично обеспечивает безопасность целой страны. И чтобы не попасть в неловкое положение, он попросту решил не знакомить ее со своими сотрудниками. Правда, уменьшить ее притязания, которые она черпала из «Жур де Франс» и других журналов, ему так и не удалось. И все же с одним из его коллег, Кристианом Морганом, она познакомилась. Тот как-то подвез Бека домой, и Бек вынужден был пригласить его в гости.

Жена тут же прилипла к Моргану. Она решила, что он наверняка de tres bonne famille[40], и фамилию его произносила с теми же английскими модуляциями, с какими произносил ее сам Морган, называясь приятелям по телефону. С этой нарочитой манерностью, свойственной обитателям Нейи и шестнадцатого arrondissement[41]. Стоило Беку вспомнить эту сцену, как его передергивало. До чего же старательно она изображала из себя образованную даму, у которой так много общего с этим утонченным молодым человеком. Бек – внешне само безразличие

– в глубине души бесился и ненавидел жену за то, что она выставляла себя на посмешище. Он был уверен: Морган позабавился этим представлением, и потом всякий раз, когда тот справлялся у Бека о его жене, Беку за безупречной вежливостью чудилась скрытая насмешка.

И хотя ему было обидно, винить своего заместителя он не мог, Бек считал его человеком ветреным и поверхностным, но отдавал должное его уму. Он не раз задавался вопросом, отчего Морган пошел работать в полицию. К работе он не проявлял особого рвения – казалось, он выбрал эту профессию от полного безразличия ко всему на свете. И Бек решил, что Моргана, который гордился тем, что ни разу в жизни не голосовал, служебные обязанности забавляют, как некая интеллектуальная игра. В бурные шестидесятые, когда французы решили потягаться с Америкой, переняв у этой мерзкой, с их точки зрения, страны методы ее работы, даже Морган с его способностями не рискнул сунуться в промышленность. И хотя в мае 1968 года Морган был еще студентом, к событиям тех дней он относился с некоторым презрением.

В свое время его приятели так и не сумели в нем разобраться, и теперь им оставалось одно – получать удовольствие от его изящной иронии. Морган не испытывал недостатка в светских развлечениях – его считали экстравагантным, и он без труда добивался успеха у женщин, но ни одной из них так и не удавалось вплоть до окончания affaire[42] по-настоящему раскусить его. Бек прозвал его холеным пуделем, хотя Морган вовсе не был похож на пуделя, – просто Бека бесил его небрежно-легкомысленный вид. Правда, в работе Морган был безупречен и к тому же от души радовался, когда начальник присваивал себе его заслуги. Но как бы ни думал Бек о Моргане, с ним надо было ладить – ведь в этой тесной «конторе» столы их стояли впритык. Отчаявшись получить уголок посвободнее, Бек в конце концов притерпелся и к вороху бумаг на столе, и к непрерывным телефонным звонкам.

– Поедете туда? – спросил Морган в этой своей нарочитой манере, которая так бесила Бека. Никогда не обратится к начальнику как положено. В лучшем случае – ироническое «шеф».

– Нет, – не глядя, буркнул Бек. – Пока не появится реальной опасности, это ни к чему. Ребят Анжье и трех телохранителей вполне достаточно. – Он посмотрел на Моргана. – А почему вы об этом спрашиваете?

– Le brave[43] Сайкс до сих пор не звонил.

– Ну и что? Еще рано – всего четверть одиннадцатого, и потом, он не звонит каждый день.

– Первая страница, – произнес Морган, протягивая Беку «Интернэшнл геральд трибюн». – Просто я подумал: ведь этот доктор Бэйрд, которого вчера убили, как-то связан с небезызвестным мистером Гамильтоном. Эта маленькая «катастрофа» очень подозрительна. Свободный путь, и все трое мотоциклистов убиты. Странновато, а?

Бек прочел заметку и пристально посмотрел на своего заместителя. До чего же это в его стиле – читать подобного рода газеты, подумал Бек.

– Может, и так. – И он пошарил под бумагами, где лежали сигареты. – Но при чем тут Бэйрд? Сайкс же говорил, они охотятся за Иньестой.

– Штатские тоже ошибаются, – с усмешкой отозвался Морган.

– Surtout les anars[44], – проворчал Бек.

– Не всегда. Вот бы узнать подробности нападения.

– Спрошу… если Сайкс позвонит, – бросил Бек. – Но нас должно беспокоить одно: знает ли кто-нибудь, что он во Франции.

– Если знают, веселого мало. – Морган сразу подумал о своих планах на уикенд: могут сорваться.

Бек не ответил – последнее замечание Моргана ему не понравилось. Слишком часто его заместитель пускается в обсуждение всяких предполагаемых ситуаций – пустая трата времени. На столе Бека зазвонил телефон, и, стараясь не глядеть на Моргана, он взял трубку. Услышав голос Сайкса, Бек неприязненно поморщился. И жестом показал Моргану на отводную трубку. Морган, самодовольно улыбаясь, поднял ее.

Как только Сайкс, запинаясь, завершил привычное вступление, Бек спросил его о смерти Бэйрда. И сделал вид, что не заметил, как Морган зааплодировал ему.

– Хм, да вы прекрасно информированы, комиссар, – сказал Сайкс, приходя в себя от неожиданности.

– Немного сообразительности, только и всего, – невозмутимо ответил Бек.

Беку было неприятно чувствовать себя обязанным Моргану, но зато какое удовольствие слышать, до чего всполошился Сайкс. Он принялся рассказывать подробности, и Бек взглянул на Моргана, проверяя, записывает ли тот все, что надо. Но стоило Беку узнать о том, как повернулись события, и настроение его резко переменилось. А когда он услышал, что террорист два дня назад пересек Ла-Манш, это привело его в полное смятение.

– Молчу, молчу, – сказал Морган, поймав взгляд Бека, когда они положили трубки.

– Так! – вздохнул Бек. – Сразу двинем туда, а разрешение

получим потом. Свяжись с Анжье и предупреди его, только никаких записок – передай все сам. Потом устрой самолет до Мариньяна. Мы должны быть там к четырнадцати тридцати. Гамильтону я позвоню сам.

– И вы скажете ему, что это его брат?

Бек отрицательно покачал головой и принялся разыскивать блокнот. Объяснения он оставит на долю Сайкса.

Потом Бек позвонил в министерство внутренних дел. И, к своему ужасу, узнал, что Ке-д'Орсе даже не предупредило их о приезде Иньесты; первые минуты разговора Беку пришлось потратить на утешение их бюрократических душ. Затем он попросил выслать с Корсики оперативный отряд Иностранного легиона. Просьбу сочли обидной и велели сначала получить разрешение от корсиканской полиции по борьбе с беспорядками. Бек потребовал соединить его с министром, но ему ответили, что министр занят. Еле сдерживаясь, Бек выдавил из себя: «Au revoir, monsieur»[45], швырнул трубку и выругался.

– А когда теперь смеркается? – неожиданно спросил он.

Морган удивленно взглянул на него и тут же потянулся к календарю. Мысли Бека потекли вспять: он пытался вычислить, когда еще было не поздно решить вопрос о специалистах. Он встал и повернулся к карте, висевшей на стене за его столом. Зазвонил телефон, и Бек велел Моргану взять трубку.

– Шеф, министр внутренних дел, – насмешливо и бесцеремонно бросил Морган.

Бек стремительно повернулся и вцепился в трубку.

– Le commissaire Beck a l'appareil, monsieur le ministre.[46] – Услышав, что только что звонил британский министр внутренних дел, Бек готов был обнять Сайкса. Бека спросили, что ему потребуется для работы. Подавив искушение отомстить нерадивому чиновнику, Бек коротко обрисовал положение дел и объяснил, почему настаивает на оперативном отряде. Министр заверил Бека, что к середине дня ребята из оперативного отряда в гражданской одежде будут к его услугам на Гиерских островах. Этой историей надо заниматься и днем и ночью, на всех уровнях. Бек согласился, удержавшись от замечания, что похитители редко действуют в одиночку. На эту операцию он возлагал большие надежды. Избегая откровенно скептического взгляда Моргана, он попрощался и положил трубку.

22

Позавтракать они остановились в кафе в Роквере и сели за столик на улице, чтобы не терять из виду свой серый фургончик. Ева подставила лицо солнцу и вздохнула.

– Хочешь загореть?

– Нет. – Она улыбнулась, не открывая глаз. – Просто люблю тепло. Я ведь не загораю – покрываюсь сначала красными пятнами, а потом, если повезет, болезненной желтизной. И тогда все меня спрашивают, не заболела ли я желтухой.

– Как аппетитно звучит. – И он повернулся, разыскивая взглядом официанта.

Когда сегодня утром она одевалась, он заметил у нее на теле синяки. Он стал извиняться, но она сказала, что ничего страшного – просто у нее очень нежная кожа.

– А ты хотел бы, чтобы я походила на стройную златокудрую богиню? – с иронической усмешкой спросила она. – С ровным бронзовым загаром по всему телу.

– Да нет, меня вполне устраивает бледнолицая крашеная брюнетка.

– А что тебе еще остается говорить?

Он хотел ответить, но прикусил язык: возражение, которое пришло ему на ум, она наверняка не так истолкует. Женщины ужасно обидчивы. Подошел официант, Брук повернулся к нему.

– Croissants?[47] – спросил он.

Она кивнула.

– Две, пожалуйста, и обещаю не смеяться над вашим французским.

– Благодарю, – сухо сказал он и посмотрел на официанта. До чего неприятно повторять уже сказанное. А парень, казалось, и не пытался его понять.

– Я даже не улыбнулась, – заметила она в ответ на его предупреждающий взгляд. И снова подставила лицо солнцу. – Боже, до чего груба была эта женщина.

– Какая? А, хозяйка гостиницы. Разве она что-нибудь сказала?

– Нет, но таким взглядом можно и убить. – вздохнула Ева. – Пожалуй, мне впервые захотелось, чтобы рядом со мной была моя бабуля.

– Почему?

– Ну, бабуля считала, что ее миссия на земле – ставить на место наглых продавщиц. Вы бы слышали, как она отчитывает тех, кто много себе позволяет.

– И все равно, – сухо отозвался Брук, – я не уверен, что так бы

уж хотел иметь ее рядом.

– А какой она была бы дуэньей… – заметила Ева, приоткрывая глаза.

Ссутулясь над столом, Брук принялся теребить пепельницу. С прошлого вечера он восхищался Евой все больше и больше, и вовсе не из-за того, что между ними произошло. Он был потрясен ее самообладанием. Пожалуй, она держится даже лучше, чем он. Никому и в голову не придет, что трех ее друзей только что убили или что она напугана. Правда, иногда ее смех нервно обрывался и в глазах вспыхивала тревога, но все равно представление получалось дай бог. Следующий акт им предстояло сыграть обоим, и оттого, что надо было играть вместе, им было не по себе.

Официант принес кофе и croissants, Брук убрал локти со стола и отодвинулся. Когда официант отошел, Ева улыбнулась Бруку и, наклонившись, сжала на мгновенье его руку. Она что, успокаивает меня? – с усмешкой и удивлением подумал Брук и понял, что, должно быть, вид у него очень грустный. Из радиоприемника – того, что находился в кафе, – доносилась песня, которую Брук слышал еще в Англии. Одна из тех навязчивых мелодий, что передают все лето напролет. И то, что предстояло им совершить, вдруг снова показалось ему нереальным. Страстно захотелось все бросить и устроить себе и Еве настоящий отдых – к черту эту неразрешимую головоломку. Надо сбежать, исчезнуть – беззаботные любовники, и больше ничего! Но Брук понимал, что это невозможно.

Он теперь неплохо знал Еву и был уверен: то, что произошло между ними ночью, не было корыстной игрой. И все же, как она отнесется к нему, если он передумает, пусть даже из страха за нее, а не только за себя. Но такова уж ирония судьбы – ему и в голову это не пришло бы, будь он один, без нее. Одинокий волк мчится к цели без раздумий – вот так-то.

– Опять вы посерьезнели, – мягко упрекнула его Ева.

Он улыбнулся. А, черт с ним, подумал он, и стал ей рассказывать, о чем он только что размышлял. Брук сбивчиво объяснял, а Ева слушала и вдруг прервала его.

– Не надо искушать ни меня, ни себя, – спокойно сказала она. – Я польщена… нет, простите, эти слова, пожалуй, отдают мерзким самодовольством. Я очень тронута, хотя, может быть, это и звучит немного сентиментально. Но вы ведь знаете не хуже меня, что мы просто не сможем смотреть в глаза друг другу.

– Не волнуйтесь, – заверил он ее. – Я сам это понял. А рассказал вам все только потому, что хотел быть искренним.

– Пожалуй, бывают случаи, когда искренность некстати.

– А вы жестче, чем я думал.

Она, не глядя на него, пожала плечами.

– Не знаю, что и ответить на это. С одной стороны, думаю, вы правы, но с другой… – Ева сделала неопределенный жест. – Послушайте, Брук. – Она взглянула на него. – Если бы вас так же напугали, как меня… нет, это безнадежно объяснять тому, кто…

– Да перестаньте вы считать, что у меня железные нервы. Вы думаете, я тоже до смерти не боюсь?

– Нет, – твердо ответила Ева. – Во всяком случае, не так, как я. И все же спасибо, что попытались меня понять. И не будем больше об этом толковать, – добавила она, заметив, что Брук огорченно покачал головой.

– Что ж, наверное, вы правы, – согласился Брук, и Ева примирительно улыбнулась. – Пейте, кофе же стынет.

Теперь говорить стало совсем уж трудно. И они доедали завтрак молча. Брук следил, как она вскрывает новую пачку сигарет. Она выронила пачку, и он тут же отвел взгляд, чтобы Ева не заметила, что он видел, как у нее дрожат руки. Брук попытался думать о чем-либо другом, но мысли его снова и снова возвращались к планам, роившимся в его голове прошлой ночью. Идеи одна бесполезнее другой, нелепые фантазии – все это никуда не годится. Ева спросила, хорошо ли он спал, и он тут же соврал ей, беспечно рассмеявшись и глядя куда-то в сторону.

Ночью он то и дело просыпался – иногда от жара, исходившего от ее тела, а чаще от стремления удержать в памяти какие-то блестящие тактические ходы, мелькавшие до этого в полусне. Но ни одного стоящего. Вот, казалось, его осенило и он ухватил самую суть проблемы, но стоило только поглубже вникнуть, и вся ничтожность замысла была как на ладони. Он помнил, что лежал рядом с Евой, не шевелясь, боясь разбудить ее, и слушал, как часы пробили три. Не сработало даже его испытанное средство самоусыпления: либо ты отплываешь от утеса, либо не спеша едешь на лошади вдоль берега моря. А когда Ева стала тихонько его расталкивать, Бруку показалось, будто он только что заснул, и ему не сразу удалось справиться с изнеможением и тяжестью в голове.

Брук с удивлением почувствовал, как жаркая волна прошла по всему его телу. Наверное, это от кофе, про себя пошутил он. И вдруг подумал, что уже давно не был близок с женщиной.

Ева взглянула на него с насмешливым любопытством, и Брук понял, что не очень-то умеет скрывать свои мысли.

– Кто сядет за руль? – поспешно спросил он.

– Я, если ты не против.

Он подтолкнул к ней ключи через столик.

– Ну что, отрываем задницы? – неуклюже подражая американскому акценту, пошутил он.

– Ты хорошо знаешь местность? – спросила Ева.

– Я был здесь давно. Лет семь назад, наверное. Алекс купил эту виллу и сразу пригласил меня.

– Хотел произвести впечатление на родственников?

– Да, каких высот, мол, он достиг. Думаю, что-то в этом роде. Помню, мне тогда показалось все это довольно вульгарным. Слишком много мрамора – какой-то импортированный Голливуд. Обилие белого, чтобы оттенить «загар» гостей. – Брук передернул плечами и поднялся. Ева тоже встала, затем нагнулась, чтобы взять со столика свою пачку сигарет.

– Он пользуется этим домом как убежищем, где можно укрыться, – спросила она, пока они шли к машине, – или чтобы принимать важных гостей?

– Думаю, глава государства вполне подходит под такое определение.

Ева окинула его быстрым взглядом. У нее возникло впечатление, что за этой холодной небрежностью таится усталость, а возможно, и предчувствие поражения. А Брук разглядывал мужчину в белом комбинезоне и клетчатой кепке с красным помпоном, который только что вылез из такого же фургончика, как у них. Ева молча села за руль. Ее беспокоило – а вдруг он всерьез предлагал ей сбежать с ним. Может, он влюбился, подумала она, но тут же отбросила эту мысль. А вдруг он будет продолжать их отношения только из боязни, как бы она плохо не подумала о нем. Все равно сама идея нелепа. Ведь со времени их знакомства прошло всего два дня.

Ева склонилась над рулем, ожидая, когда он закроет дверцу и можно будет включить мотор. Временами она думала, что понимает Брука, но были минуты, когда она начинала сомневаться, а позволяет ли он кому-нибудь проникнуть в его истинные мысли и чувства. Это, конечно, свойственная англичанам сдержанность или скорее эмоциональная броня, – правда, за границей он, казалось, чувствовал себя куда счастливее. Подобно многим духовным эмигрантам, он не мог до конца избавиться от того, что сформировало его. И не мог удовольствоваться путешествиями или depaysement[48], чем тешили себя многие люди его породы. Наверно, подумала Ева, Брук чувствует себя во всех смыслах человеком обделенным, и тем не менее странно, что он такой ранимый.

Она посмотрела на него и положила руку ему на колено. Брук на мгновенье опешил, а она рассмеялась.

– Штурмана отвлекать нельзя?

– Отчего же. – Брук улыбнулся. – Просто я витал невесть где.

– Как жаль.

– Вовсе нет. Я мысленно вернулся в номер одной захудалой марсельской гостиницы.

– А я не вспоминаю. – Ева улыбнулась, но сказала она это вполне серьезно.

– А я и не прошу. Не волнуйся, это лишь бесплодные фантазии. Мужчина обязан выполнять то, что положено.

– Не надо так говорить, – сердито сказала Ева. – Даже в шутку.

– Прости. Я не думал, что это вызовет у тебя такое раздражение.

Ева кивнула, и Брук снова заметил, как она покусывает нижнюю губу.

– Ты уж лучше сразу скажи, что еще действует тебе на нервы.

– Ты правда хочешь знать?

– Господи, что же я такое натворил? Ладно, стреляй.

– Твоя манера грызть ногти… и еще этот армейский жаргон.

Брук откликнулся не сразу. Интересно, что задело его больше, подумала Ева. И тут она увидела, как он незаметно подобрал пальцы.

– Я послежу за собой, – выдавил он. – А ты усмехайся, но терпи, если я вдруг начну применять военные термины. Боюсь, что в этих краях лексикон мой будет весьма ограничен.

– Принято, – отозвалась Ева. – Я умолкаю.

Она почувствовала, что он расслабился, а через некоторое время протянул левую руку и стал поглаживать ее по голове.

– Не хочу отвлекать водителя.

– И все же отвлекаешь, но ладно уж, я не против.

В руке его чувствовалась сила, и это успокаивало. Накануне ночью ей приснилось, что люди Иньесты явились за ней, когда она пыталась зарядить пистолет и обнаружила, что патроны у нее не те. Утром она то и дело вспоминала об этом, и всякий раз ее пробирала дрожь. Прямо перед ними из-за поворота выскочила машина. Еве пришлось резко затормозить. Брук тотчас убрал с ее головы руку.

– А ты не хочешь мне отомстить? – спросила Ева.

– Каким образом?

– Перечислить мои скверные привычки.

– Ах, это. Да я как-то не замечал, чтобы ты ковыряла в носу или стряхивала пепел в чашку с кофе. Так что ты, наверное, совершенство.

– Да пошел ты! – тихо рассмеялась Ева.

– А ты изменилась, – улыбнулся ей Брук.

– В чем это?

– Не представляю себе, чтобы девушка, с которой я познакомился в Лондоне, так выражалась.

– Я, пожалуй, тоже.

– Мое разлагающее влияние? – поддразнивая, спросил он.

Она покачала головой, а потом, помолчав, добавила, что он тоже изменился.

– Знаю, – сказал он просто и улыбнулся.

– Не бросай на меня таких «многозначительных» взглядов.

– Что за страшное слово… Это так по-американски.

Ева расхохоталась.

– Провинциализм тебе не к лицу, любовь моя.

Он нагнулся и поцеловал ее в шею.

– Обожаю, когда ты попадаешься на удочку. Это отчасти искупает мои промахи, когда я сам на нее попадался.

– Но и рыбак из тебя тоже никудышный.

– Ну, после такого замечания мне остается только обидеться и надуться. – Брук опустил взгляд на карту, лежавшую у него на коленях, затем снова посмотрел на Еву.

– Мы уже почти приехали? – спросила она. Настроение у нее сразу изменилось.

– Километра через два должен быть поворот налево.

По тому, как Брук подался вперед, Ева поняла, что он внимательно изучает местность. В нем снова проснулся профессионал. Ева почувствовала облегчение, правда, теперь их обмен шуточками показался ей ребячеством – и притом неуместным. Ей стало стыдно и за свой смех, и за то, что она была в те минуты счастлива. Словно она предавала тех троих, погибших. И еще ей показалось, что их гибель каким-то образом положительно влияет на нее. Она уже больше не колебалась. А ведь непонятно, почему так, думала Ева: Иньеста же не убивал их и гибель этих троих не может оправдать казнь Иньесты. Это было бы наивно и нечестно; ведь все они знали, на что идут. Но зато желание мстить вытесняло леденящий страх перед тем, что им предстояло свершить, укрепляло ее решимость, хотя Ева и сознавала всю непоследовательность своих рассуждений. Ей вспомнилось: еще Мигель говорил о том, что движет этими людьми.

– Теперь будем поосторожнее. – Брук, не переставая, следил за дорогой. – Там впереди деревня, и в ней могут быть полицейские в штатском.

– Что? Ты думаешь, их уже предупредили? – испуганно спросила Ева.

– Нет, обычная мера предосторожности.

Ева кивнула и крепче сжала руль.

– По крайней мере, наш фургончик не бросается в глаза, как говорил Росси.

– Правильно, но на моей машине мы все равно бы сюда не поехали. В крайнем случае, пришлось бы взять напрокат. А теперь давай потише. Не хватает еще, чтобы нас задержали за превышение скорости.

Ева понятия не имела, с какой скоростью она едет, и стала понемногу сбавлять газ.

– Вилла далеко от деревни?

– Слева в горах. По-моему, километрах в четырех.

Время от времени Ева оглядывала окрестности – сухая, каменистая местность с редкими низкорослыми дубами и средиземноморскими соснами. Проехали мимо разрушенного каменного дома – обнаженные балки его напоминали грудную клетку скелета. На склоне холма, внизу, виднелась дикая оливковая роща. Потом показалась ферма, которую, должно быть, превратили в загородный дом: слишком уж новенькая на вид – свежевыкрашенные ставни, аккуратная терракотовая черепица. Герань в цветочных горшках; увитая виноградом терраса.

– Местечко становится модным, – заметил Брук.

– И воду подвели – для бассейнов, наверное.

Брук, не ответив на замечание Евы, сделал предупреждающий жест, указав на дорожную надпись с названием деревни. По обе стороны пыльной дороги замелькали выгоревшие на солнце приземистые домишки.

– Сейчас должен быть поворот.

Ева кивнула и включила стрелку поворота. Показалось кафе со столиками на улице – за одним из них перед кружкой пива сидел одинокий посетитель.

– Совсем никого, – сказал Брук и тут увидел, как мужчина поднял голову и бросил взгляд на синий «пежо», стоявший в тени. – Не оборачивайся.

– Полиция? – Ева вдруг почувствовала, что у нее пересохло в горле.

– Возможно, – отозвался Брук. – Посмотри в зеркальце.

Она подняла глаза, но сквозь заднее окошко почти ничего не было видно.

Как только серый фургончик исчез из виду, Пьер Анжье встал из-за столика и направился к «пежо». Положив руку на крышу, он наклонился и заглянул в машину. Там сидел парень и делал какие-то пометки в блокноте, рядом с ним на сиденье лежал

бинокль.

– Номер записал, конечно? – спросил Анжье.

Помощник утвердительно кивнул.

– Семьдесят пять, парижский. Сейчас проверим. – Он потянулся к микрофону, прикрепленному под приборной панелью.

Анжье был уверен, что все подробности об английской машине, переданные Морганом, никому не нужны. Только сумасшедший станет привлекать к себе таким образом внимание.

– Но в сообщении нет ни слова про девушку, если это, конечно, тот малый, – заметил сидевший за рулем, убирая микрофон.

– Ну и что? – Анжье пожал плечами. Взглянул на часы. Ответят им минут через десять.

– А если это все-таки он? – настаивал тот, что был за рулем. Ему уже наскучило сидеть на одном месте.

– Подождем босса. Все равно не станут же они подходить к вилле днем.

– А может, они не знают о телохранителях?

– Тогда их ждет сюрприз, – бросил Анжье.

Водитель зевнул и опустился поглубже на сиденье, но так, чтобы все-таки следить за дорогой. Его мучила отрыжка, наверное потому, что он без конца жевал резинку.

– Первый раз вижу банду похитителей из двух человек, – сказал он.

– Возможно, остальные где-то поблизости, – раздраженно бросил Анжье и отвернулся. Ему и самому пришло это в голову, когда Морган передавал по телефону указания. И не только одно это казалось необъяснимым, но Анжье знал, что по роду службы сомневаться в приказах ему не положено, если, конечно, он хочет заработать пенсию. И, пнув по дороге камень, Анжье побрел назад к своему столику. Солнце припекало затылок. Анжье снял солнцезащитные очки, в которых походил на преуспевающего мафиозо. Заслышав приближающийся автомобиль, Анжье насторожился, но машина не свернула вслед за серым фургончиком, а поехала дальше. Водитель в «пежо», видно, тоже это отметил, и голова его снова исчезла. Еще немного посидим в этой дыре, подумал Анжье, и совсем озвереем. Он взял со стола марсельскую газету, в который раз тупо уставился на первую страницу и тут же швырнул ее на столик.

Через пять минут из машины раздался призывный свист. Анжье не предполагал, что они управятся так быстро.

– Что они сказали? – Вытряхнув сигарету из полупустой пачки, он привычным жестом сунул ее в рот.

– Послали обработать на ЭВМ.

Анжье кивнул. С помощью правительственной компьютерной службы в Нанте можно было получить все данные о ком угодно – все, начиная с номера на шасси автомобиля и кончая записями о лечении у зубного врача, но службой этой разрешалось пользоваться только под строгим контролем. Правда, когда полиция не могла обойтись своими средствами, кое-что ей милостиво дозволялось.

– Имя владельца машины известно? – Незакуренная сигарета Анжье мелко задрожала.

– Нет пока.

– Так, передай им: как только что-нибудь выяснят, пусть сразу сообщат Моргану.

И Анжье направился в кафе, чтобы заказать еще пива. Дойдя до стойки, он повернулся и прислонился к ней спиной. В кафе было темно и прохладно, а там, снаружи, в лучах солнца золотилась дорога.

– С переменой погоды. – Хозяйка кафе подтолкнула бутылку к Анжье. Хозяйка была женщина крупная, из подмышек у нее торчали пучки черных волос. Анжье потянулся за кружкой.

– А какой прогноз? – спросил он, кивнув на транзистор, стоявший возле раковины и настроенный на Монте-Карло.

– Вечером будет гроза. Потому и духота такая.

Анжье что-то пробормотал, соглашаясь с нею. Небо на юге уже затягивало, воздух тяжелел.

– Вход должен быть слева, – сказал Брук; они ехали вверх, к вершине холма, и мотор натужно ревел. – Не сбавляй скорости.

– Быстрее не получается. – Ева нервно улыбнулась. Внутри у нее была какая-то странная пустота.

Брук вытер лоб тыльной стороной ладони. И вдруг вспомнил сержанта на учениях в Сандхерсте[49], который язвительно говорил будущим офицерам, что офицеры не потеют – они покрываются испариной. Слабо улыбнувшись при этом воспоминании, Брук снова попытался сосредоточиться на том, что его окружало. Стволы сосен показались ему толще, чем в прошлый его приезд, – он заметил это, пока разглядывал обрыв за домом.

Вилла предстала перед ними, лишь когда они повернули еще раз, и железные ворота оказались слева. За оградой Брук увидел мужчину, который поливал белые олеандры в кадках.

– Ты его знаешь? – спросила Ева.

– Садовника?

– Вполне возможно, что это – один из тяжеловесов.

– Может быть.

С дороги дом не был виден: вдоль всей ограды стояли сосны, почва под ними оползла и обнажила корни.

Ева искоса наблюдала за Бруком.

– Едем дальше?

– Прямо, а там переваливаем через вершину холма, – откликнулся Брук и снова принялся изучать и запоминать все вокруг.

– Ну как идет тактическая подготовка?

– Отлично. А кто теперь пользуется армейским жаргоном? – Они уже были на гребне холма, и Брук велел Еве ехать потише.

– Слева есть дорога, – заметила Ева.

– Слишком близко. Спрячем машину подальше. – Брук заглянул в бензобак, проверяя, хорошо ли его залили на последней стоянке.

Еще полкилометра по пересеченной местности, и они увидели проселок, ответвляющийся вправо, – он шел зигзагами вдоль русла высохшего ручья к разрушенному дому. И хотя сосны здесь были низкорослые, зато все пространство между ними заполнял густой хвойный кустарник. Брук вылез из машины, чтобы показать Еве дорогу. Наконец фургончик удалось поставить, как хотелось Бруку, под прикрытием сосен. Брук срезал ветку побольше и отправился к дороге заметать следы фургончика. Он уже возвращался назад, когда Ева принялась выгружать вещи.

– С чего начнем? – спросила она. – Замаскируем машину?

– Да, я займусь этим, а ты поищи укромное место метрах в двухстах отсюда в сторону виллы. Чтобы мы могли следить оттуда за дорогой.

Срезать с сосен ветки и всадить их в почву, устроив укрытие для машины, оказалось гораздо труднее, чем он думал. Слава богу, у фургончика нет хромированных частей, успокаивал он себя, прикрывая тряпкой ветровое стекло, чтобы оно не отражало солнечных лучей. Через какое-то время он удостоверился, что фургончик почти незаметен ни с дороги, ни с проселка. Брук посмотрел в ту сторону, куда ушла Ева, и увидел, как сорока стремглав полетела вниз, в долину. Над морем у горизонта собирались тучи. Сквозь высокий кустарник, то появляясь, то исчезая, к нему шла Ева.

– Нашла подходящее место? – спросил он: она приближалась к нему, устало свесив руки. Ева кивнула и опустилась на землю. Вокруг усыпляюще стрекотали цикады.

– Дай сигарету.

– Курить теперь надо осторожно.

– Из-за огня?

– Нет, из-за окурков. Не думаю, чтобы здесь продавали такие сигареты.

Ева насмешливо посмотрела на Брука.

– Ну и педант же вы, милый мой профессионал.

– А мы не можем позволить себе быть любителями, когда… Впрочем, неважно, – бросил он, подавляя раздражение.

– Знаю, – сказала Ева, со вздохом поднимаясь с земли. – Непозволительная роскошь. Давай перенесем все туда, и я тихонько выкурю сигаретку.

Брук хотел притянуть Еву к себе. Но вместо этого наклонился и поднял пластмассовую канистру с водой.

– Думаешь, управимся за один раз? – спросила Ева.

– Да.

– А потом, как в добротном боевике, заметем следы?

Брук не ответил, только крякнул, вскидывая на плечо тяжесть. И Еве стало неловко за насмешку. Она знала: он прав, и все же что-то заставляло ее подсмеиваться над его предосторожностями. И тут она поняла: ей не хотелось оказаться у него в подчинении. Но разве можно избежать традиционных женских обязанностей: кормить голодного, ухаживать за раненым. И не так уж она этому противилась – у нее действительно не было военного опыта Брука, но ее возмущало то, что он воспринял ее новую роль, как нечто само собой разумеющееся и не понимал, почему она так себя ведет.

Когда все вещи были вынесены и тщательно спрятаны, Брук и Ева нерешительно взглянули друг на друга. Брук видел, как тяжело она дышит – от жары и от усталости. И тут же отвел взгляд – он понял, что невольно разглядывает под синей трикотажной кофточкой с короткими рукавами очертания ее груди.

– У тебя обгорят руки, – сказал он, боясь выдать себя. – Надень лучше рубашку с длинными рукавами.

– Для маскировки, чтоб не бросалась в глаза белая кожа?

– И для этого тоже.

Ева примостилась в тени, стащила с себя кофточку. Потянулась было за полотняной сумкой и вдруг передумала.

– Немного остыну, – сказала она, мельком взглянув на Брука. – Хочешь пить?

Он кивнул. Ева наклонилась, чтобы открыть бутылку, и Брук увидел, как на спине у нее блеснули капельки пота. Ева пила с жадностью; потом протянула бутылку Бруку и улеглась на землю.

– Ты любишь запах раскаленной земли и нагретых сосен? –

примирительно спросила Ева.

– Люблю, – неуверенно, между глотками, ответил Брук.

Вдруг она приподнялась – к спине ее прилипли сосновые иглы.

– Что ты надумала? – спросил он.

– А ты разве не голоден?

Брук взглянул на часы и понял, что пора было уже проголодаться.

– Голоден, – не слишком уверенно произнес он и передал Еве свой охотничий нож, чтобы она нарезала baguette.

Брук был весь во власти напряженного нетерпения – и не из страха. Его мучило желание поскорее покончить со всем этим, чтоб они снова могли стать самими собой. Хотя навряд ли получится, думал он. Разве можно убить человека хладнокровно, да еще ничуть после этого не измениться? Все было бы тогда слишком просто. А то ведь душа жертвы воздействует на тебя как зараза, как вирус. Смерть оставляет свой след в солдатских душах; нередко за их шуточками прячется суеверный страх – крест за спиною дьявола.

Ева догадывалась, чем заняты мысли Брука, но не знала, как утешить его. На ум не приходило ничего, кроме избитых фраз. Передавая ему сделанный второпях бутерброд, она улыбнулась, но даже улыбка, казалось, была какой-то искусственной, и она презирала себя за это. Но чувство вины перед Бруком тут же сменилось обидой на него.

– О чем ты думаешь? – спросила Ева – молчание становилось невыносимым.

– Да так, прикидывал, когда пойти на разведку.

– Прихватишь с собой винтовку?

– Нет, винтовку я возьму только вечером; если нас сейчас обнаружат, а мы будем не вооружены, они ничего не смогут доказать. Винтовку я хочу спрятать где-нибудь поблизости.

Ева с минуту задумчиво смотрела на него, а потом снова легла навзничь на землю.

Брук с горечью подумал, что этот новый акт пьесы опять отдалил их. Оба они сейчас воздвигают преграду, хотя, быть может, и к обоюдной пользе. Ева изображает из себя девицу на пляже, чей дружок намерен покинуть ее ненадолго, чтобы получить деньги по чеку. Еще два дня назад он одобрял это притворство, но теперь уже сомневался, нужно ли оно. И однако же, ему по-прежнему хотелось спрятать под камнем винтовку и уехать куда глаза глядят. Стоит ему дотронуться до Евы, и соблазн станет неодолимым. Возникнет дилемма – оставаться ли в безопасном убежище или обнаружить себя.

Припев той песенки, что он утром слышал в кафе, навязчиво звучал в мозгу, словно заезженная пластинка. Мотив ее, ассонансный и немелодичный, тем не менее переворачивал все внутри. Он рождал надежду и отчаяние, разочарование и злость на обстоятельства, из-за которых приходится подавлять в себе влечение. Брука вдруг охватила лютая ярость – до чего ему опротивели все эти искусственные ограничения и препятствия.

Ему так хотелось помечтать о будущем, однако это было бессмысленно, пока он не убьет Иньесту. Сознание, что иначе не обрести свободы, душило его. Ведь и потом их еще ждут ловушки, полицейские заслоны на дорогах, вертолеты; их будут преследовать, словно диких зверей, растерзавших своего дрессировщика. А звери, точно в кошмарном сне, будут нестись, пытаясь избежать силков, расставленных неумолимой машиной. Брук слишком хорошо знал, как прекрасно она налажена.

– А ты не намерен отдохнуть? – спросила Ева.

Брук посмотрел на нее и улыбнулся. Ева лежала полураздетая на бесцветной высохшей земле и казалась такой беззащитной.

– Ну как, остыла? – поигрывая прутиком, спросил он.

– Более или менее. Почему ты все-таки не последуешь моему примеру?

– Искушение велико, – сказал он, – но, пожалуй, я пойду прямо сейчас.

– Почему?

– Сейчас ведь время сиесты.

Интересно, подумала Ева, неужели он и вправду уходит из-за сиесты – нет, холодный расчет, бесспорно, берет в нем верх. Наверно, его поведение утром объяснялось тем, что ему просто захотелось разрядки. Беспощадная жесткость, видимо, сочетается в нем с сентиментальностью. Ева молча наблюдала, как Брук повесил на шею бинокль и спрятал его под рубашку.

– А мне что делать в твое отсутствие? – ровным тоном спросила она.

Брук взглянул на нее, затем склонился над сумкой и принялся что-то в ней искать.

– Понаблюдай за дорогой и отмечай все, что на ней произойдет.

Ева кивнула, хотя заподозрила, что просит он ее об этом лишь для того, чтоб она не чувствовала себя бесполезной. Брук передал ей подзорную трубу в пластмассовом футляре.

– Тебя интересует что-то конкретное?

– Да, медленно идущие машины с двумя пассажирами. Но будь осторожна и не направляй трубу на солнце, чтобы не было бликов. Прикрывай стекло рукой.

– Хорошо, – нехотя согласилась Ева. – И надолго ты уходишь?

– Часа на два. – Брук сложил крупномасштабную карту. Потом наклонился, поцеловал Еву в лоб и ушел. Это разозлило ее еще больше. Этакий покровительственный жест – не волнуйся, мол, детка. Как только Брук скрылся из виду, Ева в сердцах закурила. Странно, как быстро раздражение почти целиком вытеснило страх. Но Ева тут же поняла, что страх накатывает волнами – совсем как боль, когда отходит наркоз.

23

Только по французскому репродуктору можно услышать такой милый голос, разрешающий курить. Сэму Шерману как-то говорили, что подобный эффект достигается особого рода модулированием, но он не знал, верить этому или нет. Во всяком случае, ему куда приятнее было слушать девочку из «Эр Франс», говорившую по-английски, чем вымученный французский, на каком изъяснялись стюардессы британских авиакомпаний. Он посмотрел в окно – тени облаков скользили там, далеко внизу, по то и дело менявшемуся пейзажу.

Хоть бы принесли чего-нибудь выпить, подумал Шерман и тут же вспомнил, что не узнал, будут ли кормить во время полета. Он повернулся к проходу, чтобы перехватить кого-нибудь из экипажа. Старательно причесанная брюнетка успокоила его, заверив, что кормить будут, и он благодарно ей улыбнулся. Да, женственности ей не хватает, подумал Шерман, но хорошо, что хоть лицо у нее собственное. Он терпеть не мог эту американскую манеру – переделывать себе нос, чтобы кончик смотрел вверх и ноздри были постоянно раздуты.

Шерман развернул «Геральд трибюн» и тупо уставился в газету, как вдруг внимание его привлек бледный мужчина в очках, тяжело поднявшийся с кресла в двух рядах впереди него. Шерман оглядел его, когда он проходил мимо, направляясь в хвост самолета. Это безусловно был тот же человек, что сидел в машине в аэропорту Хитроу. За рулем у него был офицер в штатском, который мешал Шерману накануне. Шерман тогда вздохнул с облегчением, увидев, как он отправился в Лондон, а он, видимо, поехал за последними инструкциями. Шерман пришел в такое возбуждение, обнаружив подтверждение своих подозрений, что даже забыл позвонить Грэйсону. Он пытался дозвониться ему перед отъездом из гостиницы, но того не оказалось в номере.

Полицейский вернулся на свое место, и Шерману вдруг захотелось подсунуть ему газету с сообщением о смерти Бэйрда. Он усмехнулся, тайно радуясь своей осведомленности, и принялся обдумывать, что делать дальше. Полицейского, конечно, встретят французские коллеги. И сразу же увезут его, а он, Шерман, в это время будет проходить таможню и разыскивать заказанную им машину. Правда, это не так уж важно, успокоил он себя: ведь они наверняка поедут на виллу Гамильтона. А ему, за неимением нот, придется играть по слуху.

Деннис Сайкс отрицательно мотнул головой, когда стюардесса спросила, не хочет ли он чего-нибудь выпить. Ему не терпелось узнать, засекли того парня или еще нет. Бек правильно считал, что не надо наводнять местность своими людьми, но Сайкса волновало, как же он тогда справится со своей задачей. Самое главное, сделать все аккуратно, изящно, без грубых швов. До сих пор им здорово везло, и он надеялся, что и впредь удастся держать под контролем средства массовой информации.

Стюардесса принесла на вместительном подносе обед, и Сайкс заставил себя пожевать, хотя от волнения есть совсем не хотелось. От того, как пройдет эта операция, зависело будущее его отдела. До сих пор Сайкса почти не в чем было упрекнуть, но, случись под конец хоть малейшая ошибка, отвечать будет он один. Слишком многие были недовольны полученной им недавно властью.

Сайкс презирал полицейских, искавших популярности. И вообще его не интересовали знаменитости, о которых писали газеты, – это были либо люди самовлюбленные, либо будущие сочинители мемуаров. Сайкс же стремился выдвинуться лишь для того, чтобы насадить повсюду свои идеи и методы. Он не приписывал их только себе – все его единомышленники стремились к одному: предотвратить малейшую угрозу существованию своего общества.

Когда им, наконец, велели пристегнуть ремни и потушить сигареты – самолет шел на посадку в аэропорту Марсель-Мариньян, – Сайкс вздохнул с облегчением. Он поднял белую пластмассовую шторку, чтобы лучше видеть расстилавшийся внизу ландшафт. Насколько он помнил, Мариньян находится не на побережье, но, когда самолет стал снижаться, внизу мелькнуло Средиземное море. Самолет приближался к земле, и руки Сайкса крепко вцепились в подлокотники; он весь сжался, когда колеса коснулись взлетно-посадочной полосы. Он никогда не любил летать.

Пока они подруливали к зданию аэропорта, Сайкс вытащил из-под ног солидный портфель и стал высматривать за окном полицейскую машину. Он прошаркал за другими пассажирами к передней двери – ее уже открыли – и коротко кивнул в ответ на прощальную улыбку стюардессы. Это всегда немного его раздражало. На верхней ступеньке он чуть-чуть задержался и огляделся. Ветер крепчал, над морем громоздились облака. Сайкс оглянулся на здание аэропорта и увидел, как «пежо»-универсал остановился у входа в помещение, где проверяют паспорта. Сайкс направился к машине; из нее вышли двое.

– Комиссар Бек? – осведомился Сайкс.

Они обменялись рукопожатием, и Бек представил ему своего рослого помощника – парень держался так, словно позировал для рекламы «Одежда для отдыха». Сайкса поразила разница между ними. Более несхожих людей трудно было вообразить, и в то же время, подумал Сайкс, возможно, это вполне удачное сочетание. Морган, несмотря на всю свою развинченность, показался ему парнем с головой, Бек же произвел впечатление этакого твердолобого служаки старой выучки. Он служил когда-то в колониальной пехоте, как говорили Сайксу.

– Вы привезли фотографии? – спросил Бек, не утруждая себя общепринятыми любезностями и не спрашивая, хорошо ли Сайкс долетел.

Сайкс сказал, что фотографии при нем, и они с Беком втиснулись на заднее сиденье, а Морган скользнул за руль. Шоферу-полицейскому велено было своим ходом возвращаться в Марсель.

– Вот беда: до сих пор не знаем, связан он с ними или сам по себе, – чтобы как-то начать беседу, сказал Сайкс.

– Их двое, – заметил Бек.

Сайкс резко повернул к нему голову.

– Откуда вы знаете? Его уже засекли?

– С ним девица. Кто она, как вы думаете?

– Понятия не имею, – задумчиво покачав головой, протянул Сайкс. – Могу связаться с Лондоном, и они еще раз проверят его связи.

– Сейчас это неважно. Часа три с половиной назад они проехали в сером «ситроене» через деревню. Наверняка это они: «ситроен»-универсал принадлежит известному анархисту Росси. У моих людей не было возможности опознать их. Но номера всех проезжавших машин были посланы на проверку.

Сайкс принялся покусывать губу. Вид у него был озабоченный.

– А в чем дело? – не выдержал Бек.

– Ну, – Сайкс вздохнул, – вы же знаете, мы с вами должны придерживаться версии о попытке похищения. Оба наших правительства настаивают на этом. – Он умолк, и Бек кивнул. – Но если в эту историю вовлечен еще кто-то из ваших соотечественников, это может сильно усложнить дело. Не помешать, конечно, но сильно усложнить.

– Не обязательно. В общем, у меня есть предложение, – бросил через плечо Морган.

Как бегло он говорит по-английски, удивился Сайкс.

– Ну давай, – буркнул Бек.

– Во-первых, Росси, да и другие тоже, до покушения не станут трезвонить о том, что произошло. Так вот, надо схватить прямо сейчас Росси и его дружков и обвинить их в соучастии в «похищении». Скорей всего, об Иньесте они только слышали от кого-то из тех, кто погиб, или от одного из этих двоих, которых мы преследуем.

– Ну и что? – нетерпеливо перебил Бек.

– А мы могли бы убедить их, что покушение готовилось на мсье Алекса Гамильтона, история же с Иньестой всего лишь уловка, чтобы заполучить их помощь.

– Их на это не купишь, – усмехнулся Бек.

– Но ведь убит Бэйрд, а он был коллегой Гамильтона. И о том, что он был связан с Иньестой, данных нет. Так, по крайней мере, мы заморочим им голову. И потом, тот, кого мы преследуем, не из их компании. Он брат будущей «жертвы», так что можно представить это, как семейную драму.

– Возможно, прицел и слишком дальний, комиссар, – серьезно начал Сайкс, – но попробовать стоит. Их может сбить с толку то, что в Англии был убит совсем не тот человек.

Бек снова что-то буркнул и сказал, что надо сначала все обдумать. По его мнению, политические гангстеры ни за что не поверят никаким дурным слухам о ком-то из своих. И еще: как долго можно держать их под арестом по обвинению в соучастии? Единственное доказательство – это «ситроен»-универсал, но можно, конечно, поискать и другие.

Бек предложил Сайксу сигарету, но тот отказался: противно будет пахнуть в машине. Тогда Морган предложил ему американскую – возможно, Сайкс не любит терпкий табак. Сам он не выносил сигарет Бека – крепкие, как сигары, кончик крошится, поэтому приходится то и дело облизывать губы. Сайкс вежливо пояснил, что вообще не курит. Морган понимающе кивнул, а про себя подумал – до чего же холодная рыба, этот Сайкс, да притом еще это белесое лицо и очки в металлической оправе. Скорее всего, он – полная противоположность Бека; почти наверняка заядлый администратор или, как называл таких Морган, любитель masturbation bureaucratique[50]. Из тех, что без конца зудят о необходимости оптимальных картотек и не жалеют ни сил, ни времени на откапыванье всякого дерьма.

А вот собственного шефа Морган едва ли назвал бы занудой; скорее, его заносит в другую сторону – и все потому, что он не склонен раздумывать и все проблемы норовит решить с налету. Торопыга – не дожует еще обед, а уже закуривает и несется назад в кабинет выпить кофе – так якобы быстрее. И все же Морган знал, что, несмотря на свою неуемность, Бек, если надо,

превратится в черепаху. Он отчаянно надеялся до ухода в отставку получить повышение и страшно боялся неожиданного удара в спину, боялся, как бы из него не сделали козла отпущения. Морган презирал своего шефа и получал от этого удовольствие. Он знал, что может не стараться придерживать язык и не скрывать своего пренебрежения. Слишком уж нуждался в нем Бек.

Слегка повернув голову, Морган спросил, как произошло нападение на Бэйрда. Сайкс рассказал; неплохо придумано, решил Морган, – особенно дымовая завеса. Жаль, что они сами все испортили. Не надо было им ехать в том же направлении, надо было резко повернуть назад. А так – все задумано блестяще. Именно такие истории притягивали Моргана, из-за них-то он и пошел работать в полицию. Обидно, что случались они так редко. А ежедневная работа была до предела банальной, впрочем, изредка все же возникали ситуации вроде сегодняшней, ради этого стоило терпеть даже таких недоумков, как Бек и ему подобные. Сайкс, возможно, и умен, но уж больно Морган презирал эту мещанскую вышколенность. Настоящий светский хлыщ, а точнее – скопец, с улыбкой поправился Морган. И все же интересно, каков он в деле.

– И что же вы собираетесь с ним делать? – спросил наконец Сайкс. Ему хотелось сначала выудить у Бека информацию.

– Мы сейчас едем в Йер, в аэропорт. Там нас ждут ребята из оперативного отряда Иностранного легиона, которых втихую перебросили туда с Корсики.

Сайкс кивнул. Он читал хвалебный отзыв об этом отряде. Среди особых частей западного мира он уступал только западногерманской ГСГ-9[51], британской САС[52] и американским «черным беретам». Все эти организации были связаны между собой, обменивались опытом тренировки и работы – Сайкс даже присутствовал на конференции, посвященной этим проблемам.

– Может, покажется странным, что мы вызвали их с Корсики, когда рядом в Обанье стоят отборные части, но это совсем особый отряд.

– Сколько в нем человек? – спросил Сайкс.

– Двадцать. В том числе десять снайперов, – нехотя сообщил Бек. – У них с собой будет прибор ночного видения, но боюсь, сегодня к ночи хлынет дождь. – Он указал на облака. – Это может серьезно им помешать.

– Вы, очевидно, до тонкостей разработали всю операцию, комиссар? – заметил Сайкс.

Бек с чувством оскорбленного достоинства взглянул на него. Ему совсем не улыбалось, чтобы английский коллега совал нос в

его дела.

– Разумеется. Местную полицию во все это посвящать не будем, сообщим префекту, когда операция будет закончена.

– У нас наготове и вертолет, – вставил Морган. – Но я не думаю, чтобы он понадобился.

– Скорей всего, нет, – отозвался Сайкс. – Хотя, если начнем их преследовать…

– Никуда не денутся, – холодно бросил Бек и стал смотреть в окно.

Морган приподнял бровь, глядя на пустынную дорогу. Да, каким бы ни был Бек, одно ясно: он человек беспощадный. Когда-то он был «джунглепроходцем» в Индокитае, из тех, кто посылал пленных собирать хворост и тут же расстреливал за попытку к бегству. Морган наклонился и нажал на кнопку перчаточного отделения. Достал из него револьвер – он был в кобуре – и передал его Сайксу.

– Мы решили: навряд ли вы полетите с оружием, – улыбнулся Морган.

Сайкс не сразу взял револьвер. Огнестрельного оружия он побаивался и терпеть не мог ежегодных переквалификаций. Впрочем, в данном случае без оружия не обойтись. Он неприязненно посмотрел на револьвер, наклонился вбок и пристегнул кобуру к ремню. Хорошо, что я не люблю тесной одежды, подумал Сайкс. Правда, эти двое были одеты более удачно для предстоящей операции, и Сайкс представил себе, как нелепо он будет выглядеть, когда, пыхтя, станет карабкаться по холмам в своем «чиновничьем» костюме.

Морган вел машину быстро, и они прибыли в Йер как раз к четырем часам. Двое парней Бека ждали их возле барака с неприметным грузовиком и безликого вида фургоном. Один из парней подбежал к Беку и доложил, что спортивная команда в бараке ждет указаний, а снаряжение уже погружено. Бек спросил, приехал ли Анжье, и выругался, узнав, что тот еще в пути.

Слегка подпрыгивая, Бек двинулся к бараку. Сайкс заметил, как ухмыльнулся Морган. Ему не понравилась эта вольность, но он не подал и виду. Когда Сайкс вслед за Беком вошел в барак, он понял, почему эту группу назвали «спортивной командой». В прокуренной комнате воцарилась тишина, парни в черных тренировочных костюмах уставились на вновь прибывших.

Сайкс внимательно оглядел их. Крепкие ребята, как он и ожидал, и все наголо стриженные – впечатление было сильное. О том, что это солдаты, можно было догадаться не только по стрижке, но и по светлой полоске на лбу – там, где он был закрыт от солнца беретом. Один из парней расстегнул молнию на куртке

до самого пупка, и Сайкс увидел, что изнанка у костюма маскировочная. Он мысленно отметил эту деталь.

На дальней стене висела крупномасштабная карта местности вокруг Бриньоля. Стоявший у карты здоровяк обменялся рукопожатием с Беком. Толстогубый, с маленькими глазками, он производил впечатление человека туповатого и жестокого. Щеки и подбородок его отливали синевой, хотя и были гладко выбриты, а высоко на груди, в отверстии расстегнутой куртки, виднелись спутанные волосы.

– Капитан Марчетти, – шепнул на ухо Сайксу Морган. – А рядом – его лейтенант. Не знаю, как его зовут.

Сайкс понимающе наклонил голову. Он вдруг понял, почему к этой операции привлекли Иностранный легион: ведь, насколько ему известно, в этих частях французской армии нет новобранцев. А с такой задачей могут справиться только регулярные части. Бек заговорил с командиром, и вокруг снова поднялся возбужденный гомон, но его тут же резко оборвал кто-то из людей постарше.

– Наверное, их аджюдан-шеф[53], – шепнул Морган. – У вас в армии это, по-моему, старшина. – И, извинившись, он направился к Беку, поманившему его.

Сайкс видел, как Морган поспешно направился к двери и выскользнул во двор. Очевидно, пошел выяснять, что случилось с Анжье. Начинать операцию без него нельзя – ведь он специально изучал местность вокруг виллы. Морган уже открывал дверцу «пежо», чтобы связаться с Анжье по радио, как вдруг почти такая же машина подъехала и затормозила в клубах пыли.

– Vite, on t'attend[54], – крикнул Морган.

Анжье что-то пробурчал в свое оправдание и, на ходу снимая темные очки, побежал в барак. Бек знаком указал ему на специально приготовленную черную доску. Капитан крикнул, требуя тишины, а Анжье за его спиной уже вычерчивал план местности, держа в левой руке листок, в который он то и дело заглядывал.

Но когда Бек принялся объяснять солдатам, кого им придется брать, послышался разочарованный ропот. Словно их обманули, почти оскорбили – неужели надо было вызывать их ради какого-то парня и девчонки. Бек, не слишком церемонясь, заявил, что эти двое далеко не простачки и могут потягаться с любым из них. Потом вручил фотографии аджюдан-шефу, чтобы тот пустил их по рукам.

Один из солдат, сидевший сзади, заметил, что они сделают с девчонкой, – раздался грубый хохот. Ну и головорезы, подумал Сайкс и стал припоминать, что сказал Железный Герцог[55] о своих солдатах, которые наводили на него страх не меньший, чем

враги. И все же Сайкс был доволен тем, как Бек осуществлял эту операцию. Ребята из Легиона понятия не имели, за кем они охотятся, – скорее всего, это их попросту не интересовало, что, пожалуй, и к лучшему. Кроме нескольких важных персон в Париже, Сайкс по пальцам мог пересчитать тех, кто знал истинную суть дела.

24

Крадучись, словно леопард, Брук медленно продвигался по лесу, отбрасывая со своего пути малейшую сухую веточку. Он продирался сквозь кустарник, который тянулся почти до самой кромки обрыва позади виллы. Впереди виднелась одинокая сосна, служившая Бруку ориентиром. Он почувствовал усталость – уже несколько лет ему не приходилось давать такую нагрузку мышцам, и пот катился с него градом, щипал глаза. Брук остановился, чтобы отдышаться и прислушаться, но последнее никак не удавалось: сильно стучало в висках. Тогда он лег на бок, подтянул к груди колени и принялся растирать икры.

Как только дыхание выровнялось, Брук снова пустился в путь. Он не хотел подходить к самому краю обрыва, чтобы случайно не вызвать осыпи. Сосна – корни ее, наверное, распластались в верхнем слое почвы – почти висела над обрывом. Южный ветер шевелил хвою, сосна покачивалась и скрипела. Гроза будет очень кстати, подумал Брук.

Он медленно продвигался вперед, вдали показалась красная черепичная крыша, и он принялся внимательно изучать сад, выискивая хоть какие-нибудь признаки жизни. Дом был большой, построенный в виде буквы «L», с многочисленными пристройками и добавлениями. С тыла два одноэтажных крыла, оканчивавшихся крытой колоннадой, тянулись к нему по обеим сторонам удлиненного бассейна. Аркады вполне в мавританском стиле, подумал Брук. Однако сияющая лазурь водной глади наводила, скорее, на мысль об Испании или Калифорнии.

Возле трамплина стояли столики и стулья. Большой желтый тент над ними был свернут. Интересно, узнает ли он Иньесту, подумал Брук и стал припоминать официальные портреты генерала, которые он видел в разных учреждениях. Это была всегда одна и та же физиономия с усами и чуть надменно вздернутым подбородком. Всегда в военной форме и генеральской фуражке с золотым кантом – блеклые, неестественные тона придавали портретам сходство с фоторекламой, какую вывешивают возле кинотеатров.

Из темного проема двери на выложенную плитами дорожку возле бассейна вышел мужчина. Брук инстинктивно замер. Потом медленно достал из-под рубашки бинокль, взглянул на небо. Подождав, пока очередная туча заслонит солнце, посмотрел в бинокль. Парень лет тридцати, смуглокожий, с выцветшими русыми волосами, не был ему знаком. По тому, как он не раздумывая опустился на стул и закинул ноги на легкий

деревянный столик, было ясно, что это не слуга. Брук пригляделся и увидел на коленях у парня какой-то темный предмет. Значит, телохранитель, решил Брук.

Присутствие этого человека у пустого бассейна создавало впечатление, что на вилле никого нет. Иньеста, очевидно, отдыхает в своей комнате, подумал Брук. Насколько он помнит, апартаменты для почетных гостей расположены в задней части дома, в правом крыле, окна комнат выходят на бассейн. Теперь понятно, почему телохранитель уселся именно здесь. А комнаты Алекса на первом этаже в главной части дома, если он, конечно, все не поменял.

Телохранитель повернул голову и окликнул кого-то в доме. Брук направил бинокль на полураскрытые стеклянные двери. Он помнил, что за ними – холл. На пороге появился худой темноволосый мужчина в белых брюках и желтой спортивной рубашке. На боку у него небрежно, дулом вниз, болтался автомат. Господи, тяжело вздохнул Брук, что еще у них там в запасе? Может, за углом стоит крупнокалиберный миномет? – невесело пошутил про себя он. И увеличил резкость, чтобы разглядеть тип автомата. Наверное, датский «мадсен», подумал он, – самый распространенный у южноамериканских вояк. Глаза Брука устали от напряжения, он снял очки и поморгал. Затем перевел взгляд на зеленые иглы сосны. Глаза отдыхают, когда глядишь на зеленое – это первое, что он узнал на стрельбищах.

Несмотря на расстояние, до него долетали голоса телохранителей, беседовавших у бассейна, но слов различить он не мог. Брук снова навел на них бинокль и вдруг с ужасом заметил, что светловолосый кивает в его сторону. Второй повернулся и тоже посмотрел в сторону Брука, и тут же оба снова о чем-то заговорили. Брук облегченно вздохнул. Наверное, обсуждают, где может спрятаться снайпер. Парень с автоматом направился к дому. Возле двери он остановился, обернулся, крикнул что-то и помахал рукой. Брук быстро направил бинокль на светловолосого – интересно, как он ответит. Светловолосый смотрел на вершину холма. Господи! – с ужасом вдруг понял Брук. Там же, значит, третий! Брук напряженно прислушался, но услышал лишь биение собственного сердца. Не могли они не занять этот командный пост. Жаль, что он явился безоружным. Такое ощущение, словно он голый.

Брук снова поглядел на светловолосого, пытаясь определить, куда он все-таки смотрит, и понял, что третий телохранитель где-то недалеко. Брук пополз назад, останавливаясь и прислушиваясь. Потом перекатился на бок, под маленькую сосенку. Он так тяжело дышал, что ему никак не удавалось услышать, где же этот третий.

Совсем рядом обломилась ветка и зашуршала под ногами листва. Опасность надвигалась, и все чувства Брука обострились. Сверчки, казалось, застрекотали громче, и сильнее запахла теплая земля. Брук медленно потянулся к заднему карману брюк, нащупал охотничий нож.

Из-за шума деревьев трудно было точно определить, в каком направлении движется этот третий, но он был где-то сзади справа. От порыва ветра, который с каждой минутой крепчал, зловеще заскрипела сосна. Брук, держа в правой руке нож, лег ничком, чтобы немного передохнуть. Он уже хотел было приподняться и приготовиться к прыжку, но звук шагов послышался почти над самой его головой.

Брук осторожно повернул голову, посмотрел влево и увидел пыльные теннисные туфли, а над ними – серые брюки. Одна из брючин зацепилась за ветку, и Брук увидел тощую лодыжку: парень был без носков. Две ноги без туловища, рассекавшие подлесок, – так, наверное, рыба видит человека, бредущего по мелководью. Ноги на мгновенье замерли, потом повернули в сторону Брука. Брук крепче сжал рукоять ножа и сильнее вдавился локтями и коленями в землю. Ноги устремились к обрыву. Брук услышал, как парень окликнул светловолосого телохранителя, все еще сидевшего у бассейна, и подумал, что он, наверное, остановился возле той одинокой сосны. Брук не мог разобрать слов, но услышал что-то похожее на acqui[56]. Только бы он здесь не обосновался, взмолился про себя Брук. До него донеслись неясные звуки: какой-то шелест, скрежет. Запахло горелой серой – должно быть, парень присел отдохнуть и чиркнул спичкой. Затем потянуло дымком сигареты.

Выждав минут десять, пока телохранитель поднялся и снова тронулся в путь, Брук решил переместиться – надо было узнать, что там происходит. Он двигался медленно и осторожно, словно альпинист по отвесной скале. Каждый камень, каждую сухую ветку приходилось тихонько убирать с пути. За несколько минут Брук прополз всего три фута.

Теперь он видел парня в профиль – тот, словно локатор, не переставая вертел головой. Его коротко остриженные черные волосы были зализаны назад, как принято у испанцев. Глубоко посаженные глазки, острый нос – вылитая хищная птица. Волосатые руки слегка упирались в бедра; на коленях у парня лежал автомат. Могу поспорить, с оптическим прицелом, подумал Брук. На талии у парня, на плетеном ремне цвета хаки, в парусиновом чехле болтался пистолет.

Отлично выбранная позиция, с горечью отметил Брук. Втроем – вместе с теми двумя у бассейна – они походили на шахматные

фигуры, ловко расставленные для обороны на доске. Ждать, по-видимому, придется долго, подумал Брук; единственное, что остается, это снова залечь под куст и набраться терпения. Бесшумно скрывшись в прежнем убежище, Брук посмотрел на часы. Без четверти пять. Спешить было некуда, и все же вернуться он хотел до темноты. Внезапно он вспомнил, что обещал Еве управиться часа за два. Она, наверное, уже волнуется! Брук решил потихоньку, медленно, возвращаться, но тут же передумал: слишком опасно. Должны же парня когда-то сменить.

* * *

Инструктаж закончился, и барак превратился в раздевалку – ребята из Легиона сняли и вывернули тренировочные костюмы маскировочной стороной наружу. Пока Сайкс любовался искусной татуировкой на спине у одного из легионеров, Морган сообщил ему, что, сев в машины, все они загримируют лица и руки маскировочным кремом.

Солдат построили, и лейтенант повел свою шестерку к фургону, остальные полезли в кузов серого грузовика. Морган с улыбкой наблюдал, как бежит к машине капитан Марчетти – согнувшись, подпрыгивая и чуть не лягая себя пятками в зад. Этот агрессивный pas gymnastique des paras[57] был таким нарочитым, полным самолюбования. В армии лучший способ затеять драку в баре – обвинить в женоподобии десантников. И все это усугубляет эротическая смесь запахов пота, кожи и машинного масла, думал Морган, слушая ругань аджюдан-шефа. Весь его словарный запас, казалось, сводился к естественным отправлениям организма.

Из грузовика донесся марш легионеров, но тут же оборвался, заглушенный потоком угроз и брани. Песня эта показалась Моргану вполне современной, хотя традиции легионеров восходили к старинным боевым кличам и гимнам смерти, восхвалявшим умение убивать и принять смерть. Чуть ли не религиозный оргазм, с неприязнью подумал Морган. Легион был для них не только родиной, как пелось в этой песне, но и символом веры. Морган уже из «пежо» окликнул Сайкса.

– Едем прямиком на виллу, – сказал он, когда англичанин в своем плохо сшитом костюме поспешно подошел к машине. От жары лицо Сайкса покрылось пятнами, на лбу блестели бусинки пота. Точно коммивояжер, у которого в автомобиле кончился бензин, подумал Морган, усаживаясь за руль.

– А комиссар Бек? – спросил Сайкс.

– Он с нами. – Морган посмотрел на часы и легонько постучал по циферблату. – При таких тучках скоро совсем стемнеет.

– А сколько нам ехать?

– Километров шестьдесят, но по этой дороге быстро нельзя, и, потом, с нами грузовик.

– Между прочим, Анжье опознал нашу дичь по фотографии? – спросил вдруг Сайкс.

Морган перестал барабанить по рулю и покачал головой.

– Он не мог как следует его разглядеть. – В зеркальце Морган увидел подбегающего к машине Бека и включил зажигание.

– Allons-y![58] – крикнул Бек, и не успел он захлопнуть дверцу, как машина тронулась.

Одной рукой Морган вел машину, а другой вытаскивал сигарету из пачки, лежавшей на приборной панели. Он размышлял о том, до чего, наверное, тесно и неудобно легионерам в грузовиках без сидений. Должно быть, сейчас заряжают и проверяют свои винтовки с удлиненными стволами. Правда, у этих винтовок, говорят, не ахти какая меткость. Просто очередные фокусы, подумал Морган, включая «дворники»: на стекло уже упали первые тяжелые капли дождя.

– Merde[59], – выругался Бек, глядя на угольно-черные тучи.

– И насколько это снизит эффективность прибора ночного видения? – спросил Сайкс.

– Снизит значительно, если верить капитану, – буркнул Бек с таким видом, словно погода в Европе испортилась исключительно по вине Англии.

– Думаю, можно обойтись и без него, – вставил Морган, не поддаваясь настроению шефа. – Окружим дом плотным кольцом обороны, пока дождь не кончится, и…

– Задача остается прежней, – оборвал Моргана Бек. – Мы здесь не для того, чтобы отпугнуть их, а чтобы взять.

Морган умолк. У Бека, похоже, взыграла кровь, подумал он. Увидел эту команду и вспомнил свои былые «подвиги». Раза два Бек рассказывал Моргану свои индокитайские похождения, и тот с отвращением представлял себе, что бы еще Бек мог порассказать, окажись перед ним благодарный слушатель, – если такое вообще возможно. Морган называл это синдромом «Откройте только рот, а уж я расскажу вам такое…». И почему эти военные такие нудоты?

– Сбавь-ка скорость, – приказал Бек, – нельзя отрываться от остальных. – Морган снял ногу с педали и посмотрел в зеркальце. – Остановись на обочине, подождем их, – немного погодя добавил Бек.

Оба полицейских на заднем сиденье обернулись и стали смотреть в окно. Но ничего не было ни видно, ни слышно – только дождь барабанил по крыше машины да равномерно шуршали «дворники» по стеклу.

– Кажется, это Анжье, – сказал Морган, когда на дороге показался синий «пежо», ослепивший их подфарниками.

– Putain![60] – пробормотал Бек. – Что с ними стряслось?

Морган опустил стекло, и Анжье, подъехав сбоку, прокричал, что у грузовика лопнула шина. Бек разразился проклятиями, и потому все, сказанное далее Анжье, они уже не расслышали. Морган крикнул, чтобы он повторил, и повернулся к нему ухом. Анжье снова стал объяснять, что надо сменить колесо и на это уйдет четверть часа.

– А они в это время промокнут! – оборвал его Бек.

– Oui, chef[61], – тоном бесконечно усталого человека произнес Морган, – но они уже загримированы маскировочным кремом и…

Бек резко оборвал его и, опустив со своей стороны стекло, крикнул Анжье: пусть Марчетти делает все, что считает нужным, но солдат никто не должен видеть. Остальные машины поедут дальше. Анжье махнул рукой – мол, понятно – и резко развернулся: из-под колес фонтаном взметнулись брызги. Сайкс за все время не проронил ни слова. Он знал: любое его замечание сочтут за критику.

25

Наползавшие тучи приблизили сумерки, они нависли над округой свинцовой тяжестью, и все стало серым, иным, чем утром. Человек, сидевший прислонясь к дереву, часто поглядывал на небо. Потом он поднялся на ноги и, держа автомат наперевес, стал удаляться от обрыва. Брук Гамильтон внимательно следил за его действиями, моля бога, чтобы он либо продолжил обход, либо вернулся в дом. Скоро совсем стемнеет, и ему придется долго искать дорогу к тому месту, где он оставил Еву. Она, наверное, сходит с ума от беспокойства, подумал Брук. Как бы ему хотелось быть сейчас одному, чтобы ни о ком больше не думать.

Человек сделал несколько шагов и остановился. Брук услышал, как он топчется на месте, как будто выбирает, откуда лучше наблюдать. Да иди же ты, дьявол тебя забери, иди, мысленно торопил его Брук. Чего он выжидает? Интересно, сменит его кто-нибудь из тех двоих или он останется караулить до самой ночи? Брук стал подумывать, не убрать ли его.

Теперь ему представлялось наивным решение не убивать никого, кроме генерала Иньесты. Этот головорез наверняка из БРОБ, и, по-видимому, ему не раз приходилось истязать таких, как Эрнесто, так что слез над его трупом можно не проливать. Брук вспомнил одного убитого им партизана-араба. Он стрелял в араба с близкого расстояния и поэтому хорошо запомнил, так его это потрясло. Остальные убитые казались ему чем-то вроде движущихся мишеней в аттракционе. Тот же звуковой эффект и все прочее. Ему вспомнилось, как Ева отнеслась к его рассказу об этом в ту первую их ночь. Это было моральное неприятие убийства, отвращение человека, который никогда лицом к лицу не сталкивался с актом насилия; но, пожалуй, теперь это уже не имело значения. Утративший невинность либо пресыщается, либо входит во вкус.

Странные все-таки у них убеждения. Он вспомнил, как наутро, сидя за столом в кухне, они обсуждали способы бегства; он тогда весело заметил, что всегда можно угнать самолет. И хотя все поняли, что он пошутил, Ева буквально вцепилась ему в горло: угон самолета противоречит их принципам!.. Мигель улыбнулся ее горячности, хотя и был явно на ее стороне. Господи, какая же она обидчивая, подумал Брук с некоторым раздражением. Ему вспомнился еще один случай, когда Ева метала громы и молнии против воинской присяги, освобождающей солдат от личной ответственности; они, анархисты, заявила Ева, никогда не снимают с себя личной

ответственности.

В темноте чиркнула спичка, и Брук вернулся к действительности. «Убирайся отсюда, тварь, или я убью тебя», – мысленно пригрозил он охраннику. Слуха его коснулся натужный звук мотора – где-то недалеко машина брала подъем, потом скрежет переключения скоростей – шофер резко перешел на самую малую скорость. Брук чуть приподнялся на локтях. Глядя туда, откуда доносились звуки, он увидел в развилке сосны голову человека, закрывавшую поле зрения. Шум мотора стих, охранник слегка передвинулся и переложил автомат под левую руку. Брук неожиданно понял, что тот расстегивает молнию. Расстояние между ними было футов пять, не больше. Он неслышно поднялся и, пригнувшись, двинулся в обход сосны, отделявшей его от жертвы. Человек смотрел в землю, и был отчетливо слышен звук льющейся жидкости. Нанести удар в спину ножом с широким лезвием – рискованно. Брук перехватил нож так, чтобы лезвие смотрело внутрь.

Охранник только начал застегивать молнию, когда Брук сзади левой рукой запрокинул ему голову и зажал рот. Мгновение спустя широкое лезвие перерезало трахею. Человек забился, как смертельно раненная птица, автомат упал на землю. Послышался тихий пульсирующий звук, точно где-то вдалеке, с перерывами, чихал мотор, и тело убитого обмякло в руках Брука. Он медленно опустил его на землю и увидел, что с этим странным звуком выскакивают из раны, лопаясь, пузырьки крови. Бруку стало нехорошо, к горлу подступила тошнота, коленки подкашивались. Какой страшный способ убить человека, подумал он и стал судорожно вытирать испачканные кровью руки о сосновую хвою.

Когда дурнота стала проходить, навалился страх. Руки у него дрожали, и, чем больше он старался справиться с дрожью, тем сильнее она становилась. Он заставил себя опуститься на колени возле убитого и отодвинул в сторону автомат. Надо немедленно замести все следы. Внезапно ему пришло в голову, что его, пожалуй, могут издали принять за охранника – ведь волосы-то у него перекрашены. Брюки у них приблизительно одинаковые, так что надо только переменить рубашку. Он глянул на липкую неподвижную массу, и его опять затошнило. Он стиснул зубы и, поискав у себя платок, перевязал им горло трупа, чтобы кровь больше не пачкала рубашку. Сквозь белую ткань тотчас проступило красное пятно, точно это был не платок, а промокательная бумага.

Спортивная рубаха была сшита в обтяжку; Брук нагнулся, чтобы отстегнуть кобуру, и почувствовал, как давит под мышками. Пистолет оказался девятимиллиметровым «старом».

Брук вынул обойму – все пули были на месте. Затолкнув ее ударом ладони обратно, Брук сунул пистолет в кобуру. На голову и плечи упали первые капли дождя, и он инстинктивно взглянул вверх. Будет проливной дождь, решил он, увидев клубящиеся, низкие тучи. Спеша спрятать труп, Брук непрестанно облизывал губы, шевелил ими, но они все равно были как деревянные.

Ева уснула через час после ухода Брука. Проснулась она словно от толчка: ну как же она могла задремать – ведь он велел следить за дорогой. Небо заволокли тучи, и ее пробрала дрожь, хотя особенно холодно не было. Ева поискала в большой брезентовой сумке свои часы, у которых оборвался ремешок, и, увидев, который час, приложила циферблат к уху. Его нет уже четыре часа, подумала она в панике. Наверное, что-то его задержало. Ведь если бы стреляли, она наверняка бы проснулась. Как же это она могла заснуть, в смятении спрашивала она себя, – хотя едва ли это могло что-либо изменить. Последнее, что она помнит: красная пелена перед зажмуренными глазами, когда она легла лицом к солнцу. Ей надоело созерцать пустынные окрестности, и она на миг расслабилась.

Ева приподнялась, встала на колени и вперила взгляд вдаль – туда, за дорогу. Ему же не надо было далеко идти, подумала она. Трудно сказать, за кого она больше боится: за себя или за него. Даже когда она приставила к глазам маленькую подзорную трубу, вымерший ландшафт не ожил. Ева почувствовала левой щекой дыханье ветерка и посмотрела вниз, в долину. Две вороны неуклюже вспорхнули с одиноко стоявшей сосны и полетели прочь, описывая круги и распластав, подобно коршунам, крылья.

Звук мотора насторожил ее, отвлек от беспорядочно блуждавших мыслей. Ева поспешно растянула подзорную трубу и козырьком ладони прикрыла дальний ее конец, хотя солнце уже село. На гребне холма появился «пежо», и, увидев в нем двух человек, Ева насторожилась. Машина не умчалась прочь, как можно было ожидать: сидевшие в ней люди явно осматривали окрестности. Да, он был прав, подумала Ева, вспомнив, что сказал ей Брук перед уходом. Ей опять стало стыдно, что она заснула, пока он был где-то там, в опасности. Охрана наверняка патрулирует здесь все время, упрекала она себя.

Ее стала колотить дрожь – вот бы сейчас закурить. Шорох сосновых ветвей от налетавшего ветра лишь усугублял ее нервозность. Зашлепали первые капли дождя. Ева посмотрела на небо и вдруг вспомнила про пистолет, который Брук спрятал неподалеку. Дождь мог служить ей оправданием. Необходимо

было почувствовать в руках его надежную тяжесть, хотя она в жизни не сделала ни одного выстрела.

Вернувшись ползком с «люгером» в руке, она положила его на колени и съежилась, прикрывая его. Брук показывал ей, как разбирать и собирать пистолет, но сейчас лучше не экспериментировать. Она чуть оттянула назад спусковой крючок, увидела блестящий кружок пули и проверила предохранитель. Дождь пошел сильнее. Она вынула из сумки синий непромокаемый плащ и натянула капюшон на голову. Пистолет легко уместился в кармашке на молнии, который она повесила на грудь. Странно было чувствовать на груди его тяжесть. Как будто ребенок, подвешенный спереди на ремнях, подумала она и поспешно отогнала сравнение.

Хорошо бы чем-то занять себя. Она перебрала все их вещи и получше спрятала, часть снаряжения укрыла дерном. Покушение намечено на самое начало ночи, чтобы они могли успеть скрыться до рассвета. Она снова взглянула на тяжелую тучу. Было уже почти совсем темно, и окрестности утратили краски – остались лишь разные оттенки серого.

Возвращаться обратно уже нет времени, решил Брук. Необходимое оружие у него при себе. Если его и заметили издали, то могли принять за охранника. Как бы то ни было, сумерки сгущались быстро, и после долгих часов неподвижности он вдруг почувствовал настоятельное желание поскорее со всем покончить. Повернувшись спиной к обрыву, он двинулся вперед, затем пошел параллельно ему, оставляя дорогу сзади. Придется сделать крюк, чтобы выйти к дому справа.

Холмы, деревья маячили холодными силуэтами в серых сумерках, но сейчас Брук думал лишь о том, чтобы не ускорять шаг. Запыхавшийся человек не может метко стрелять. Остановился он только раз, когда ему показалось, что порыв ветра донес откуда-то с южной стороны шум мотора. Он напряженно вслушался – нет, все тихо, только где-то вдалеке залаяла собака. Одежда его уже промокла насквозь, он то и дело вытирал лоб, отбрасывая назад мокрые пряди волос. Больше всего он беспокоился за оптический прицел на автомате, но прикрыть его было нечем.

Он вприпрыжку спустился вниз по склону – бинокль под рубашкой бил его по груди. Пересохшую землю совсем развезло. Подошвы скользили, и он дважды чуть не упал навзничь. Его отделяла от дома небольшая рощица, – по его расчетам, он находился сейчас у самого подножия холма. Он двинулся дальше,

выискивая взглядом ряд кипарисов, обозначавших внешнюю границу парка. Видеть ему мешала не столько темнота, сколько пелена дождя, превращавшая пейзаж в сплошное серое пятно. Он выругался про себя, хотя и понимал, что дождь ему на руку.

* * *

Бека так встревожила быстро густевшая тьма, что он велел Моргану ехать напрямик, не думая о фургоне, который шел за ними. Он перегнулся через переднее сиденье, и Морган передал ему телефонную трубку: надо было напомнить, что вторая машина Анжье должна ждать у дома. Услыхав, что они только что выехали на дорогу посмотреть, нет ли чего подозрительного, Бек пришел в ярость. Если бы не он сам ввел строжайшие правила пользования радиосвязью, он бы сообщил им по эфиру, что он делает с идиотами, нарушающими приказ.

«Дворники» едва-едва справлялись с потоками дождя, стекавшими по ветровому стеклу. Морган прибавил скорость – пришлось выбросить из головы все посторонние мысли и сосредоточить внимание на дороге. А думал он об одной хорошенькой девчонке, с которой собирался провести уикенд. Она была гораздо моложе его обычных любовниц – такая прохладная упругая кожа бывает только у восемнадцатилетних. И еще он думал, что время никого не щадит: и этой коже с годами суждено стать дряблой и морщинистой; при этой мысли он почему-то почувствовал себя совсем старым. Ничего не поделаешь, такова участь всех, и, примирившись с этой мыслью, Морган сел поудобнее.

– Сколько еще ехать? – кашлянув, спросил Сайкс.

– Не так уж далеко, – ответил Морган. – Мы в пяти километрах от Бриньоля.

Бек вдруг вспомнил, что не сказал Алексу Гамильтону о том, что его брат замешан в подготовке к покушению.

– Вы когда-нибудь встречались с мсье Гамильтоном? – спросил он Сайкса.

– Да, один раз. А что?

– Он еще не знает, что его брат готовит покушение на генерала. – Помолчав немного, Бек передернул плечами и продолжал: – Сегодня утром было довольно сложно объяснять все это по телефону.

– Понимаю, – сказал Сайкс: эта обязанность, по-видимому, возлагалась на него. – Вы хотите, чтобы я сообщил ему об этом?

– Если угодно, – ответил Бек.

Почему, интересно, Бек не сказал Алексу Гамильтону насчет брата, подумал Сайкс. Испугался? Нет, он несправедлив к Беку, упрекнул себя Сайкс. А вот как Гамильтон отнесется к этому известию? Скорее всего, будет потрясен. Могут пострадать его деловые контакты с Иньестой. Сайкс с удивлением отметил, что эта мысль доставляет ему какое-то нездоровое удовольствие.

– Почти приехали, – через несколько минут объявил Морган.

Сайкс вытер локтем запотевшее стекло и посмотрел на пробегавшие мимо дома. У кафе машина притормозила и повернула налево; в стоявшем у тротуара «рено» Сайкс заметил седого мужчину и успел перехватить его взгляд. Скорей всего, один из людей Бека. Морган снова прибавил скорость, мягко передвинув рычаг; чем круче становился подъем, тем сильнее нога его давила на педаль газа.

Подъехали к воротам; они были закрыты, и Бек громко выругался. Морган поспешно выскочил из машины и побежал к воротам. Они оказались на замке. Он нагнулся над мембраной внутренней сигнализации и нажал звонок.

– Скажи, что мы оставим ворота открытыми для остальных, – крикнул из машины Бек.

Сайкс нетерпеливо заерзал на сиденье. Скрип «дворников» по стеклу действовал на нервы, нестерпимо хотелось облегчиться.

Как только сработал сигнал и ворота автоматически отворились, Морган на полной скорости повел машину к дому. В ярком свете установленных в парке прожекторов блестели отвесно падавшие струи дождя; казалось, во всех комнатах длинного белого дома горел свет. «Пежо» затормозил на гравийной дорожке у самых ступенек, и трое приехавших поспешно выскочили из машины. У двери их встретил светловолосый парень с автоматом. Он ответил Беку по-французски, и все с облегчением вздохнули, узнав, что пока ничего не произошло. Сайкс сообразил, что, по-видимому, это и есть тот телохранитель-ливанец, о котором ему говорил Дандас.

– И никто не заметил ничего подозрительного? – спросил Бек, пока они шли по отделанному мрамором холлу. Моргану дом показался слишком пышным и безвкусным, а картины малоизвестных импрессионистов – просто неуместными.

– Нет, ничего, – ответил Жак, провожая их по ответвлявшемуся влево коридору. – Ждем, когда вернется Ривера.

Этот чуть ли не сонный покой после головокружительной гонки вдруг породил в душе Сайкса сомнение: а вдруг вся эта грандиозная операция затеяна зря. В конце концов, могли же предшествующие события быть лишь цепью случайных

совпадений? Перспектива объяснения с Алексом Гамильтоном, который еще не знал самого главного, усиливала его беспокойство. Но ведь если предположить… – лихорадочно думал он. Они вынуждены были связать узелки воедино: встреча Брука с Дельгадо, появление на сцене фургончика… Сайкса охватил страх: как, в сущности, мало у них доказательств. Если он ошибся, над ним же будет потешаться все Управление. Операция в международном масштабе, задействованы министры, вызван отряд Иностранного легиона. Ему никогда не смыть этого пятна. Попасть в смешную ситуацию для человека на его посту страшнее, чем допустить ошибку.

– Он вас ждет здесь. – Жак указал на полуотворенную дверь и повернул назад.

Бека разозлило такое явное неуважение, и он раздраженно махнул Сайксу, чтобы тот шел первый.

– Входите, господа, – сказал Алекс Гамильтон. Стоя спиной к камину, он жестом указал всем на кресла. Комната называлась библиотекой – ее белые стены забраны книжными полками, – но все вокруг было кричаще яркое и раздражало глаз: столы белые, мебель обита бирюзовой тканью, а ковер и шторы – ядовито-желтые. Деньги и хороший вкус редко ходят рука об руку, подумал Морган, усаживаясь в кресло. Прикинул, сколько декоратор заработал на интерьере. Все это казалось еще более неправдоподобным, если вспомнить, что в парке под проливным дождем патрулируют переодетые легионеры.

Алекс Гамильтон успел утром немного загореть, но не выглядел от этого более здоровым; на нем была шелковая коричневая рубашка, явно предназначенная для стройного, гибкого жителя Латинской Америки.

– Очень вам признателен за принятые меры предосторожности, – начал Гамильтон, и Сайкс сразу насторожился, выискивая в его словах скрытую иронию. – А скажите, пожалуйста, вам удалось установить личности… заговорщиков?

Бек выжидающе посмотрел на Сайкса; тот, откашлявшись, произнес:

– Мы предполагаем, что это члены той же группы, которая по ошибке убила доктора Бэйрда.

– Но мне говорили… – изумленно взглянул на него Гамильтон.

– К сожалению, это не был несчастный случай. Мистера Бэйрда убили террористы, которые думали, что напали на генерала Иньесту. Естественно, мы приняли меры, чтобы факты не выплыли наружу: это могло бы иметь неприятный

политический резонанс. – Он помолчал, взглянул на Бека, ожидая поддержки, но тот сидел в своем кресле, устремив взгляд на ботинки Алекса Гамильтона. – Сопоставив сведения, которыми мы располагаем, можно заключить, что двое из той группы прибыли во Францию, чтобы повторить попытку убить генерала, если первая провалится.

– Но каким образом они узнали, что он едет сюда?

– К сожалению, один из них – ваш брат, – тихо проговорил Сайкс.

– Мой брат! – возмутился Гамильтон и недоверчиво рассмеялся. – Ну, знаете ли…

– Из того, что нам удалось выяснить, – продолжал Сайкс, – можно предположить, что эта группа втянула его в свою деятельность и он каким-то образом выудил эти сведения из вашей секретарши. Так или иначе, он здесь с какой-то девчонкой, личность которой пока не установлена. Сегодня утром эту пару видели в фургончике неподалеку отсюда.

Алекс Гамильтон опять хрипло рассмеялся, явно афишируя свое недоверие.

– Простите меня, – сказал он, энергично покачав головой. – Вы жестоко заблуждаетесь. Это чистейшей воды абсурд.

– Не будет человека счастливее меня, если вы окажетесь правы, – солгал Сайкс. – Возможно, что-то с вашим братом произошло во время его экспедиции в Южную Америку, в результате чего им удалось его завербовать. Так или иначе, но боюсь, что полученная им подготовка идеальна для таких целей.

Гамильтон повернулся и взял сигарету из ящичка на каминной доске позади него.

– Итак, господа, – резко произнес он, – что вы намерены теперь предпринять?

26

Окна комнаты Иньесты, выходящие в сад, были плотно закрыты ставнями. Напасть можно было либо изнутри, находясь в самом доме, либо со стороны плавательного бассейна. Но эту часть парка заливал яркий свет, чего Брук никак не ожидал. Что-то новое. Насколько он помнил, на окнах, выходящих на бассейн, не было ставен и дверь тут была стеклянная. Аркада с колоннами может, конечно, служить кое-каким укрытием, но вся площадка перед домом буквально залита светом. Кроме того, его могут заметить сбоку из холла.

Услышав звук подъехавшей к дому машины, Брук заколебался: подождать немного и понаблюдать из укрытия или двигаться дальше? Рано или поздно, но придется сделать рывок вперед. Он осторожно опустил автомат на землю, под куст, – в этом оружии он больше не нуждался. Раз, два – рывок, мысленно произнес он и ринулся по мокрой траве к одинокому кусту в середине газона. Следи за дыханием, напомнил он себе, скорчившись в тени куста и учащенно дыша. Взглянул вверх – черным-черно, особенно по сравнению с маревом огня, – и приготовился к следующей перебежке до правой аркады. На белой стене плясали ярко-голубые отсветы – отражение подводных ламп, горящих в бассейне, поверхность которого неослабно молотили струи дождя. Брук расстегнул клапан на брезентовой кобуре, и рука его нащупала холодный металл пистолета. Сжав рукоятку, он бросился вперед сквозь завесу дождя и, добежав до ближайшей стены, вжался в нее. Затем, вытянув шею, заглянул в холл – там было пусто – и двинулся дальше, стараясь держаться в тени аркады. Он шел пригнувшись, сжимая в правой руке пистолет. Большой палец его лежал на предохранителе. На секунду Брук остановился, прислушался и осторожно двинулся дальше. Набухшие от воды туфли чуть слышно чавкали, хотя он и старался ступать осторожно, – впрочем, шум дождя скрадывал все звуки. Он откинул со лба мокрые пряди волос, чтобы с них не стекало в глаза.

Слава богу, ставен на окнах не было: из комнаты в конце аркады падал на землю ярко-желтый свет. Пора, решил Брук и скользнул в спасительную тень колонны. Быстро огляделся кругом и замер, услышав в комнате голос. Было бы слишком большим везением, если бы Иньеста оказался один, сказал себе Брук и приготовился сделать последний шаг. Интересно, где второй телохранитель? Но ждать его появления было опасно. И тут Брук понял, что ему придется все-таки вступить в полосу

света, падающего из окна, – иначе не прицелишься. С противоположной стороны дома послышался шорох тормозящих шин.

Шагнув из тени, Брук спохватился, а вдруг стекло пуленепробиваемое, но теперь уже поздно. Расставив ноги и чуть согнув колени, он тщательно прицелился. Иньеста сидел в плетеном кресле в дальнем углу комнаты, на коленях у него стоял поднос с ужином. Поднеся ко рту вилку, он вдруг заметил в окне человеческую фигуру. Глаза у него полезли из орбит, рот раскрылся еще шире.

Сжимая в вытянутых руках пистолет, Брук сделал два выстрела подряд. Стекло разбилось, Иньеста упал с кресла на пол, поднос и тарелки разлетелись в разные стороны. Откуда-то слева выскочил темноволосый телохранитель, держа наготове автомат. Брук выстрелил еще раз и попал ему в грудь. Когда замерло эхо выстрелов и перестали сыпаться осколки стекла, на секунду стало совсем тихо. Слышался только шум дождя. Вперив взгляд в точку прицела, Брук чувствовал, что он не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. В этот момент из дома донеслись крики и топот бегущих ног.

Брук повернулся и бросился бежать по выложенному кирпичом полу аркады, петляя из стороны в сторону. Мысль о том, что спина не защищена, гнала его вперед – казалось, вот-вот между лопаток вопьется пуля. Где-то сзади раздался выстрел, пуля, дав рикошет, просвистела мимо. Ноги у Брука стали как ватные, точно не принадлежали ему, но, сколь ни удивительно, все-таки уносили его прочь.

Бек первым выбежал в холл. И сразу же выстрелил в фигуру, мелькавшую между колонн. Промахнулся, выругался и круто повернулся – в холл вбегали выскочившие из фургона легионеры.

– Mitraillettes, suivez-le![62] – крикнул он, схватив лейтенанта за плечо. – Остальных везите наверх и расставьте над обрывом.

Четыре легионера, вооруженные автоматами, бросились под дождь в залитый светом парк.

– A gauche! A gauche![63] – крикнул им вслед Бек, когда они добежали до бассейна. Потом повернулся и бросил Моргану: – Включи приемник и узнай, скоро ли прибудет грузовик.

– Иньеста только ранен в плечо, – сказал Морган, пропуская мимо ушей приказ. – Нужен врач, он уже едет сюда со второй группой.

Его поразило, что Бек никак не отреагировал на это известие. Из сада донеслись две автоматные очереди: оба круто

повернулись и посмотрели в ту сторону, но легионеры уже скрылись из виду.

– Телохранитель убит, – продолжал Морган, – но генерал ранен нетяжело.

– Да включи же радио! – рявкнул Бек.

Морган побежал к машине, качая головой. Босс сходит с ума, подумал он. Такое напряжение не для него.

Сайкс стоял у двери в кабинет и смотрел на светловолосого ливанца, который склонился над стонущим генералом. Убитый телохранитель лежал рядом в неестественной позе, на груди у него темнело пятно. На желтой спортивной рубашке вокруг маленького отверстия, словно прожженного сигаретой, было на удивление мало крови. Рот открыт, остекленевший взгляд устремлен в пространство – Сайкс содрогнулся и отвел глаза. Интересно, подумал он, где был в это время Жак.

– Подъедут с минуты на минуту, – крикнул Морган Беку с порога.

Бек снова выругался, хотя и не ожидал, что грузовик прибудет так скоро. Ругаться в ответ на любое известие уже вошло у него в привычку.

– Карта у тебя есть? – спросил он, немного подумав.

Морган подавил вздох и побежал за картой.

Сайкс смотрел, как оба француза склонились над крупномасштабной картой, которую Бек расстелил на стеклянном столике в холле. Краем глаза он заметил Алекса Гамильтона. Тот был бледен и явно потрясен происшедшим – позабытый всеми, выбитый из колеи, не хозяин в собственном доме. Сайкс, не чувствуя к нему никакого сострадания, отвернулся.

– Прекрасно, – буркнул Бек и умолк.

– По-видимому, он попытается вернуться туда, где осталась его спутница, – сказал Морган.

– Очень ценное соображение, учитывая, что мы не знаем, где она находится.

– Разумеется, – ответил Морган, ничуть не задетый сарказмом своего шефа. – Но их видели, когда они ехали в фургончике по дороге, которая идет в гору, а вторая машина Анжье их не засекла. Значит, фургончик спрятан где-то на этом отрезке дороги. – И Морган пальцем провел по карте.

– Qu'est-ce que tu veux dire?[64] – рявкнул Бек. Его раздражал Сайкс, который как бы свысока наблюдал за происходящим: не станет он ради этого англичанина утруждать себя и говорить по-английски.

– Мы должны поставить себя на их место, – продолжал Морган, переходя на английский и бросив заговорщический

взгляд на Сайкса. – Они не решатся двинуться на большое расстояние через горы пешком…

– Поэтому сядут в свой «ситроен» и будут удирать от нас с полным комфортом, – проговорил Бек, презрительно поведя рукой.

Морган плавным жестом откинул назад длинные волосы.

– Regardez![65] Ну куда они могут пойти пешком? Обратно в деревню? Или через эти горы? Мы не в силах прочесать весь этот район, а на дороге можем выставить кордон и ждать.

– Attendre![66] – выкрикнул Бек. – Да он может до рассвета знаешь куда уйти?!

– Или тут залечь, – предположил Морган. – Подлесок очень густой: чтобы обыскать каждый метр, нам понадобится два батальона. Он наверняка вернется к этой девчонке. Я полагаю, она прячется где-то к востоку от дороги. Анжье сказал, что с той стороны укрыться легче.

Бек что-то буркнул и вперился в карту. По-видимому, выбора у них и правда нет. Сосредоточенное молчание нарушил дробный топот сапог. Все трое обернулись, со стороны бассейна в холл вбежал один из легионеров. Он промок до нитки, вода так и лила с него на мраморный пол.

– Eh bien?[67] – обратился к нему Бек.

– On l'a perdu.[68] – Легионер едва переводил дух, слова вылетали короткими выдохами: его послали доложить, что беглец ушел.

Сайкс не мог уследить за этим потоком французских слов.

– Спросите его, в каком направлении он ушел? – сказал он Беку.

– Они не уверены, но, скорее всего, на северо-запад, – перевел Бек Сайксу, едва цедя слова.

– Он, видно, пойдет в обход вершины, шеф, – вставил спокойно Морган.

Бек, не обратив внимания на его слова, смотрел на легионера – от его мокрой одежды, согретой человеческим теплом, шел пар. Он держал автомат не по уставу, словно не знал, надо ли ему стоять по стойке «смирно». После нескольких секунд тупого молчания легионер выдавил из себя, что, возможно, все-таки им удалось ранить беглеца.

– Так. – Бек ткнул Моргана в грудь указательным пальцем. – Включи радио и прикажи им двигаться прямо по склону горы вверх. Пусть каждые сто метров оставляют группу поиска. А лейтенант пусть будет там, где он есть. Ясно?

В течение нескольких минут после того, как пуля раздробила Бруку локоть, ему было так больно, что его затошнило и казалось, сейчас вырвет. Он спрятался в густом сосняке за полосой деревьев и слышал, как совсем рядом, осторожно ступая, прошли люди. Когда тошнота прекратилась, он стиснул зубы и начал медленно поднимать повисшую руку другой рукой. Опять замутило от боли – видно обломки кости зацепились друг за друга. Он осторожно вставил руку в прорезь, которую сделал в рубашке, – боль была такая, что он едва не потерял сознание. Но скоро рука онемела, в ней только что-то тупо пульсировало. Животу сбоку стало горячо от крови, и он принялся молить бога, чтобы не открылось сильное кровотечение. У него же нет никакой возможности наложить жгут. Хорошо хоть удалось зафиксировать руку, пусть даже таким примитивным способом.

Услышав шорох приближающихся шагов, Брук затаил дыхание. Просто счастье, что льет такой дождь. Но голова его, как видно, отказывалась работать: он не мог сообразить, что делать дальше. Когда пуля ударила в локоть, пистолет выпал из руки, а защищаться ножом он сейчас не смог бы. Да и какой от этого толк… Но кто же все-таки его преследователи? В темноте определить это было трудно.

Поблизости кто-то заговорил – он напряг слух. Гортанные звуки – похоже, французский, но слов не разобрать. Кто-то ответил, и по донесшемуся шуму Брук понял, что говоривший покидает группу и возвращается к дому. Остальные, по-видимому, двинулись дальше вверх по горе.

В голове стучала мысль: если он доберется до Евы, все будет хорошо. Он с трудом поднялся с размокшей земли. На фоне неба маячили три черные фигуры. Они двинулись по склону вверх. А я буду идти следом, рассмеялся он про себя, сам не понимая, почему это показалось ему так смешно. Он поднял лицо навстречу дождю – холодные струи принесли облегчение – и стал ловить их ртом, чтобы хоть немного утолить жажду, но голова закружилась, и он чуть не упал. Держись, приказал он себе, держись.

* * *

Бек, нахохлившись, стоял во тьме у дороги и шепотом разговаривал с капитаном Марчетти. Какое счастье, что ему удалось оставить Сайкса в доме.

Услышав, что три других легионера вернулись, Марчетти

пожелал знать, можно ли считать противником всякого, кто появится с запада. Он был взбешен оттого, что Бек так бестолково проинструктировал поисковую партию. Ведь в темноте легионеры могли принять своего за врага. Бесславное будет возвращение, если они перестреляют друг друга. Препротивная операция вообще. Риск большой, в случае успеха – никаких лавров: двадцать его лучших ребят против одного террориста и девчонки. Ловить их – дело полиции, это оскорбление – бросать оперативный отряд Иностранного легиона против такой мелюзги. Вообще, вся операция ведется из рук вон плохо, и только Бек во всем этом виноват. Почему он не послал своих людей охранять дом до их приезда? Хитроумная засада – дело прекрасное, никто не спорит, но ведь служил же этот болван в армии и должен знать, что место предполагаемого покушения необходимо заранее досконально изучить. Нельзя вводить в действие войска в последнюю минуту, даже самые отборные, когда не все ясно и тебя могут ждать любые неожиданности.

Бек промок насквозь, по лицу текли струйки воды, но он позабыл про дождь. Молчание Сайкса бесило его: он подозревал, что Сайкс втайне посмеивается над его неудачами. Разве он виноват, что из-за дождя так рано стемнело, что у грузовика спустил баллон, что телохранители Иньесты проявили непростительную беспечность. Бек знал, какими непреклонными могут быть его шефы. Все решал успех дела. А им только бы выйти сухими из воды; он так и видел, как они спешат почтительно напомнить monsieur le ministre[69], что ответственность за выполнение операции целиком и полностью была возложена на комиссара Бека, вопреки их совету. И Бек отлично понимал, что козлом отпущения в этой истории сделают его. А этого он больше всего боялся.

Марчетти прервал его мысли, раздраженно спросив, неужели его людям придется мокнуть под дождем всю ночь. Бек ответил в сердцах – все может быть. И хотел было добавить, что не пришлось бы, будь его легионеры более меткими стрелками, но, вспомнив собственный неудачный выстрел, прикусил язык. Если дождь поутихнет, с помощью прибора ночного видения, может быть, все-таки удастся обнаружить беглеца.

От отчаяния Ева сжалась в комок. Она услышала стрельбу сразу после того, как стемнело. Но потом все стихло – только по дороге медленно прополз грузовик. У нее стучали зубы, она крепче сжимала их, но тогда начинала трястись голова. Несколько раз в течение ночи она забывалась сном, а когда

просыпалась, тело у нее было как деревянное, и она чувствовала себя глубоко несчастной. И дело было не только в том, что надо ждать Брука, несмотря ни на что, – она не могла заставить себя собраться с мыслями и решить, что же все-таки делать дальше.

Достала часы, положила на ладонь и никак не могла разглядеть стрелки – так дрожала рука; только потом сообразила, что часы лежат циферблатом вниз.

– Без десяти четыре, – прошептала она едва слышно и посмотрела на небо: не прояснилось ли.

Пока она спала, дождь кончился, и теперь в тучах стали видны просветы. Над горами по ту сторону долины слегка забрезжило.

Где-то пониже ее убежища что-то тихо прошуршало. Ева замерла, вся обратившись в слух – только сердце бешено колотилось. Опять прошуршало. Как будто рядом притаился какой-то зверь. Ева медленно расстегнула молнию висевшего на груди кармашка и сунула туда руку. Она уже несколько раз на протяжении ночи, услышав подозрительный шорох, вынимала «люгер». Сейчас трудно было понять, что это шуршит. Как будто кто-то тянул по земле что-то тяжелое и время от времени останавливался передохнуть. Затеплилась надежда и тут же погасла – шорох доносился не с той стороны.

Соблюдая предельную осторожность, Ева медленно поползла на звук. В темноте она не заметила куста, и хвоя больно уколола ей глаз. Стиснув зубы, она часто заморгала – по щекам покатились слезы. И опять поползла, неуклюже держа пистолет на весу. Шорох прекратился. Конечно, это Брук, в отчаянии убеждала себя Ева. И неожиданно прошептала его имя.

– Здесь, – откликнулся он и подумал, до чего же глупо это у него получилось: точно в классе на перекличке. Он услышал, как Ева стала пробираться к нему.

– Они прямо над нами, на дороге, – предупредил он ее, когда она подползла совсем близко.

– Кто «они»?

– Наверное, солдаты.

– Ты ранен?

– Раздробило руку… но я в него попал. Слушай, нам надо отойти подальше и спрятаться. Который теперь час?

Она ответила и помогла ему доползти до того места, где было спрятано снаряжение.

– А их много? – спросила она.

– Не знаю. Бог ты мой, как же мне повезло… Я вовремя заметил одного, нашел просвет на дороге между ним и вторым солдатом и проскочил. Тогда очень сильно лило.

– Значит, все это время ты кружил здесь, ища меня?

– Да, наверное.

Ева решила сделать ему перевязь поудобнее, и он в темноте направлял ее руку. Потом она подала ему фляжку с водой. Он жадно стал пить, хотя от ледяной воды заломило зубы. И поглядел на восток, туда, где стал слабо вырисовываться горизонт.

– Поползли, – прошептал он. – Спрячемся на той стороне долины.

– А ты в порядке?

– Ничего. Не умру… – Он попытался улыбнуться, но она не видела его улыбки.

– А как снаряжение?

– Возьми немного еды, остальное спрячь получше.

27

Морган задремал на стуле у входной двери, и Бек грубо встряхнул его. Морган очнулся и несколько секунд ошалело озирался кругом, пока не пришел в себя. Светало. Было холодно, и Моргана пробрал озноб.

– Да ну же. Они напали на его след, – сказал Бек.

– Где? – спросил Морган, с трудом отрывая от стула затекшее тело. Но Бек уже вышел, и Морган поспешил за ним. Под ногами блестел мокрый гравий. Морган услышал, что кто-то догоняет его, и, обернувшись, увидел растрепанного Сайкса. Лицо его посерело от усталости, опухшие глаза тускло поблескивали за стеклами очков. Ну и портрет, подумал Морган. Ему стало жаль женщину, которой судьба уготовила каждый день по утрам видеть перед собой такую помятую физиономию.

– Да двигайтесь же! – рявкнул Бек, оборачиваясь. Сайкс вздрогнул, и Бек внутренне возликовал: ведь адресовался-то он к Моргану.

– Где обнаружены следы, шеф? – спросил Морган, поравнявшись с Беком. Тот жестом указал на холмы слева.

– На дороге? – не унимался Морган, едва сдерживая самодовольную ухмылку. Он вспомнил, как Бек несколько часов назад, вернувшись от Марчетти, осыпал его угрозами, точно он во всем был виноват.

– Он просочился меж наших постов, – ответил наконец Бек, в голосе его клокотала ярость. Он терпел издевки Моргана только потому, что капитану легионеров было сейчас, наверное, очень неуютно. Что же до Сайкса, тот вообще молчал в тряпочку. Бек с удовлетворением слышал сзади его тяжелое, прерывистое дыхание.

Аджюдан-шеф дожидался их за воротами. Лицо его, с которого дождь почти смыл маскировочный крем, было похоже на нелепую маску.

– On les aura[70], – заявил он осклабясь, обнажив пожелтевшие от никотина зубы. На правом плече у него висел автомат – он крепко сжимал рукой приклад. – Капитан Марчетти в сопровождении шести легионеров идет по следу, – сообщил он, – а все выходы из долины простреливаются снайперами.

Бек осведомился, где сейчас находится группа преследования. Аджюдан-шеф, пригнувшись к нему, указал на сосновую рощицу невдалеке. В ста метрах от дороги обнаружили спрятанное снаряжение. А чуть дальше – брошенную машину.

– Но найдут ли их самих, – буркнул Бек себе под нос.

Аджюдан-шеф с минуту смотрел на него.

– Следы видны отчетливо, – возразил он. – В конечном счете, дождь помогает нам.

Он повернулся и свистнул, и все повернулись вместе с ним. С другой стороны дороги, пригнувшись, прибежал легионер с рацией. Бек сказал, что они хотели бы присоединиться к поисковой группе. Аджюдан-шеф слегка приподнял брови, затем нехотя кивнул. А Бек, повернувшись к Моргану, велел ему вернуться и приготовить вертолет. Вот и хорошо, подумал Морган. Голова у него кружилась, ноги подгибались. По крайней мере, он посидит и отдохнет, пока остальные будут карабкаться по горам.

– Suivez-moi, messieurs,[71] – произнес аджюдан-шеф, усмехнувшись: роль белого охотника при группе туристов была ему даже по душе.

Во сне он тяжело дышал, и при виде того, как искажается от боли лицо Брука, у Евы сжималось сердце. Когда она нашла его, ей захотелось броситься ему на шею, но она побоялась показаться чересчур сентиментальной в такой неподходящий момент. Потом, сказала она себе. Все это – потом. Они мучительно медленно продвигались вперед. Брук ослаб от потери крови, когда полз в темноте. Возможно, это его стоны слышала она ночью. И Ева упрекала себя за то, что оказалась столь несообразительной.

Наконец стало ясно, что идти дальше у него нет сил. В сероватом свете стали уже отчетливо видны очертания сосен.

– Остановимся здесь, – решила она.

Он бессильно кивнул и опустился на землю. Ему уже было все безразлично – хотелось только лечь и лежать.

– Что делать с рукой? – спросила она, помогая ему устроиться среди густых зарослей.

– Ничего, – ответил он, не открывая глаз. – Ничего.

– Хочешь есть? – Он слегка покачал головой, и она согласно кивнула: пусть лучше поспит.

У нее самой ломило глаза после того, как она столько времени вглядывалась в темноту. Но она твердила себе, что спать нельзя. И все время шевелилась, чтобы случайно не провалиться в сон. Больше всего ее огорчало то, что он так страдает. Ей просто плохо становилось, когда она слышала, как похрустывают перебитые кости. А ведь еще может быть и заражение. Рана перевязана плохо. Нет возможности ни как следует обработать ее, ни продезинфицировать. Да и смогла ли бы она это сделать – впрочем, размышлять над этим вообще ни к чему. Сейчас надо

думать о другом и решать все самой: как найти машину и врача, который бы не выдал их. Но для этого необходимо позвонить Мигелю в Париж. Он наверняка знает кого-нибудь в Марселе, кто сумеет им помочь, пока Брук снова не встанет на ноги.

Как ни странно, то, что они сумели выполнить задуманное, сейчас почти ничего не значило. Во всяком случае, для нее, поправила она себя. Для многих других это чрезвычайно важно. Для тех, к примеру, кто вынес еще большие мучения, попав в руки БРОБ. Это соображение немного успокоило ее. Надо пока утешаться хотя бы этим.

Ева резко вскинула голову, почувствовав, что ударилась подбородком в грудь. Выдернула несколько иголок из ближайшей сосенки. Пожевала и с отвращением выплюнула. Может, лучше пожевать сухие, подумала она, а потом вспомнила, что, когда хочется пить, надо пососать камень. Может, это утолит жажду, если только я не подавлюсь, подумала она.

Ей показалось, что со стороны долины донесся какой-то звук; она поискала бинокль. Слегка приподнявшись, стала смотреть поверх зарослей, но не увидела ничего. Светало, и на монотонно-сером фоне появились краски. Дорога оказалась гораздо ближе, чем предполагала Ева. Она пролегала всего в каких-нибудь двухстах метрах по склону противоположного холма. Определяя свое местонахождение, Ева оглядела скалистый обрыв, поросший соснами, и увидела внизу чугунную ограду парка. У ворот стояли люди. В противоположной стороне, откуда доносился шум, ничего подозрительного не было заметно. Рука, державшая бинокль, стала затекать, и в этот момент Ева уловила какое-то движение. Еще через секунду показался человек – на груди у него висел автомат. Его трудно было разглядеть, потому что он как бы сливался с пейзажем.

Ева перехватила пальцами бинокль. Пытаясь снова навести его на солдата, она обнаружила и других. И с ужасом поняла, что солдаты идут по их следу. Ева перевернулась и осторожно потрясла Брука за ногу.

– В чем дело? – простонал он, не открывая глаз.

– Нас выследили, – прошептала она.

Никакой реакции.

– А, черт, – наконец прошептал он. Такое было впечатление, точно ему все равно.

– Но надо же что-то делать! – в отчаянье воскликнула она.

Он открыл глаза и посмотрел на нее. На лице его появилось подобие улыбки.

– А что?

Она достала пистолет.

– Мы будем защищаться.

– Ты хочешь сказать, умрем? – поправил он ее с нежностью.

Не бред ли у него? – подумала Ева и повернулась, чтобы взглянуть, как близко успели подойти солдаты. Она уже могла различить их лица, забрызганные грязью, и расцветку маскировочных комбинезонов.

– Сколько их? – прошептал он.

– Человек пять. Идут прямо сюда.

– Конечно… земля ведь раскисла… Послушай. – Он замолчал, и по выражению его лица Ева поняла, что он хочет сказать.

– Сейчас не время демонстрировать мужской героизм, – зло сказала она, прежде чем он докончил свою мысль. – Если ты хочешь сказать: беги, спасайся…

Губы его слегка дрогнули в улыбке.

– Хорошо, не буду. Но разве не желание продемонстрировать женский героизм побуждает тебя вступить в бой с французской армией в одиночку?

Она пожала плечами, однако ей стало легче от сознания, что он вполне владеет своим рассудком.

– Так мы сдаемся?

– Похоже, да.

Она снова повернулась в ту сторону, откуда должны были появиться солдаты. И вдруг ее пронзила ужасная мысль. Ведь здесь, во Франции, до сих пор существует гильотина. И Брук будет приговорен к высшей мере наказания. Нет, этого не может быть, сказала она себе. Общественность не допустит. Если его приговорят к смертной казни, приговор не дадут привести в исполнение. Зато ничто не спасет их от многолетнего заточения. Как глупо, что они почти не думали о последствиях. Может, все-таки лучше оказать сопротивление? Нет, Брук, конечно, прав. Это будет похоже на браваду сумасшедшего – то, к чему она всегда относилась с презрением. Как они оба изменились!

Ева услышала, что он зашевелился позади нее, и обернулась. Брук пытался подняться, помогая себе здоровой рукой. Она нагнулась помочь ему.

– Очень больно? – спросила она и тут же спохватилась: что за глупый вопрос.

Он дернул головой в сторону долины.

– Близко?

– Метров сто, – прошептала она и вопросительно посмотрела на него.

– Лучше выйти сейчас. А то они нервничают и могут по ошибке прихлопнуть. – Он попытался улыбнуться, но из этого мало что получилось. – Жаль, что нет смешанных тюрем.

Вот теперь, когда все кончилось, ей захотелось дать волю слезам; правда, слишком поздно жалеть о том, что она ему в эти последние дни наговорила. И чего не успела сказать. Даже поцеловать его она не решалась, это было выше ее сил. Ева быстро отвернулась и закрыла лицо руками, чтобы не закричать от отчаяния.

– Nous nous rendons![72]

В кустах впереди послышался шорох.

– Брось оружие, – приказал Брук.

Она кивнула и швырнула свой «люгер» в кусты.

– Nous nous rendons, – повторила она снова.

Резкий голос из кустов приказал:

– Avancez… les mains sur la tete![73]

Она помогла ему встать на ноги, и они медленно пошли вперед, продираясь сквозь кусты, на открытую поляну, маячившую впереди.

– A moi la Legion![74] – прозвучал тот же голос, и из укрытий раздались автоматные очереди.

28

Трое мужчин стояли на краю поляны. Тускло светило бледное солнце. В долине, точно клочья дыма, еще висел туман. Бек откашлялся. Кашель неизменно разбирал его после первой на дню сигареты. Спохватившись, он предложил сигареты капитану Марчетти. Тот взял одну, что-то буркнув в знак благодарности. Сайкс проследил взглядом за его рукой. Волосатая, и кулак как у боксера-профессионала. Сайкс снова перевел взгляд на тела убитых, лежавших лицом вниз на траве у его ног. Они казались сейчас такими маленькими, особенно девушка, – впрочем, мертвецы всегда выглядят меньше ростом, чем были при жизни. Их «люгер» валялся рядом на бурых иглах, потемневших от дождя.

У всех троих были опухшие от усталости глаза. Интересно, подумал Сайкс, так же ли скверно на душе у этих двоих, как у меня. Живот у него подвело, хотя он и думать не мог о еде. Голова чесалась, как, впрочем, и все тело. Во рту был противный вкус, кожу на лице стянуло, точно оно обгорело. Он мечтал побриться и принять ванну. После многих бессонных часов и напряжения погони тело впервые напомнило о себе.

– Они оказали сопротивление? – машинально спросил он по-английски у Марчетти.

Легионер не понял его и вопросительно посмотрел на Бека – тот лишь пожал плечами.

– Я просто подумал… – добавил Сайкс и умолк.

Марчетти зевнул и посмотрел на часы. Чего они торчат тут, недоумевал он. Любоваться не на что. Он успел уже отослать своих людей назад, на дорогу, и собирался следовать за ними. Теперь дело за полицией: прибрать здесь – это по их части.

– Bon, – выдохнул он наконец. – Je m'en vais.[75]

Бек с удивлением посмотрел на него. Все это время он размышлял над тем, как бы получше составить донесение – таким образом, чтобы приписать себе роль спасителя Иньесты.

Кусты сзади затрещали, и они разом обернулись. К ним направлялся седой мужчина лет шестидесяти. Плотный, в изрядно помятом костюме. Марчетти посмотрел на Бека – он, видимо, решил, что это опять кто-то из людей комиссара, а Сайкс уставился на незнакомца, силясь вспомнить, где он мог его раньше видеть.

– Qui etes vous?[76] – резко спросил Бек.

Человек посмотрел на него, но ответил, лишь когда подошел к ним совсем близко:

– Сэм Шерман, из «Вашингтон пост».

– Что вы тут делаете? – в изумлении спросил Бек. – Кто пропустил вас сюда?

– Петлял-петлял и вот очутился здесь. – На самом-то деле он сказал солдатам на дороге, что он – из английской полиции, и они показали, где найти комиссара Бека.

– Вы не имеете права здесь находиться!

– И тем не менее, я здесь. Вы что, арестуете меня за это, комиссар? – Даже не взглянув на Бека и не дожидаясь ответа, Шерман обошел их и остановился у тел двух убитых. Голова девушки лежала под странным углом. Точно ее сбило машиной, подумал Сэм.

Послышался рокот винтов приближающегося с юга вертолета. Но Шерман даже не повернул головы. Мысленно он снова видел себя в долине Меконга. Знакомая картина: офицер с автоматом на плече, два скрюченных тела в грязи у его ног – словно два диких кабана, подстреленных на охоте. Счет ведется на головы. Всюду одно и то же. Только там это были бы два маленьких человечка в черных пижамообразных костюмах, которых сбили бы выстрелами с велосипедов, – живые мишени для упражнений в стрельбе. Еще двумя вьетконговцами меньше – раз убиты, значит, они вьетконговцы! Таков развращающий умы военный вариант картезианской логики.

Он отчетливо увидел все, как было. Корреспонденты прилетели в «район боевых действий» после краткой пресс-конференции, где им с гордостью сообщили, что скоро количество взрывчатки, сброшенной американской авиацией на противника, превысит девяносто килограммов на душу населения. Он вспомнил, как английский корреспондент, сидевший позади него, заметил, что на этом фоне ирландские террористы со своими бомбами выглядят малолетками, которые забавляются игрой в хлопушки.

И еще он вспомнил, что ему рассказывали, как один генерал спросил летчиков, могут ли они в день Четвертого июля[77] сбросить на нейтральную зону напалм с голубым дефолиантом и белым фосфором.

Конечная цель идеологических дезинфекций всегда одна – смерть. Да, сэр, чистота – дело богоугодное, когда уничтожают во имя спасения. Так исстари работали миссионеры: главное – отправлять на небо души атеистов. Лучше быть мертвым, брат, чем жить красным, а твое собственное мнение тут никого не интересует.

Шерман поморгал, стряхивая с себя воспоминания.

– Кто эта девушка? – спросил он.

– Сами еще не знаем, – ответил Сайкс. – Но, как видите, мы помешали им совершить похищение.

– Какое, к черту, похищение! – возмутился журналист. – Если они – похитители, тогда смерть Юджина Бэйрда – просто трагическая случайность. А они все-таки добрались до Иньесты? – Он повернулся к присутствующим и мрачно усмехнулся, увидев выражение их лиц.

Марчетти ошалело смотрел на Бека, не понимая, что происходит.

– Это похитители! – рявкнул Бек. – Их застрелили, потому что они оказали сопротивление при аресте.

Шерман саркастически скривил рот и, наклонившись, поднял «люгер». Понюхал дуло.

– Как же это они оказали сопротивление? Закидали вас грязью? – Он показал пистолет. – Из него не было сделано ни единого выстрела.

У Сайкса изменилось лицо, когда он увидел, что Бек достает пистолет. Он был бледен, руки его дрожали. И тут Сайкса пронзила мысль, что Бек сейчас готов на все – лишь бы спасти операцию.

Американец повернулся, когда первая пуля ударила ему в грудь, еще две Бек выпустил в спину.

Они молча смотрели на рухнувшее тело. На лице Бека застыло бессмысленное выражение, плечи обвисли. Его словно придавила к земле какая-то тяжесть. Он выронил пистолет. Марчетти в изумлении покачал головой. Единственное, что пришло ему в голову: Бек, видно, спятил от переутомления.

Сайкс заставил себя сосредоточиться. Взглянув на Бека, он понял, что надо брать все в свои руки.

– Вы в порядке, комиссар?

Бек собрал в кулак волю, встряхнулся, пробормотал:

– Да, да. Я сделал, как надо. Иначе вся операция оказалась бы под угрозой.

– Конечно, – согласился Сайкс. – Вы поступили правильно, комиссар. Нашу версию придется несколько изменить, но, я думаю, это даже и к лучшему.

– Что вы имеете в виду?

– Итак, похитителям не удалось схватить свою жертву, тогда они сцапали журналиста в качестве заложника, а когда их загнали в угол, застрелили его. Мы скажем, что он приезжал взять интервью у мистера Гамильтона. Надо только всех проинструктировать как следует, и тогда – никаких проблем. – И Сайкс уже хотел пуститься в разъяснение современных методов внушения, позволяющих твердо запомнить официальную версию.

Иначе кто-нибудь из легионеров может и проболтаться спьяну. Но всему свое время, тут же подумал он.

Бек в упор смотрел на него. Постепенно лицо его светлело – у него появилась надежда.

– Mais…[78]

– Сами подумайте. Террористы хладнокровно убивают попавшего к ним в руки журналиста. Что может лучше сыграть нам на руку в глазах прессы и телевидения?

Марчетти потерял терпение: не в силах что-либо понять, он попросил все-таки объяснить, что происходит. Бек жестом велел ему замолкнуть и снова повернулся к Сайксу.

– Но ведь остаются их друзья в Париже.

Сайкс усмехнулся, чтобы подбодрить Бека. Тот отчаянно нуждался в поддержке.

– Не беспокойтесь. Кто им поверит-то? – Он нагнулся и поднял «люгер». – Как вам хорошо известно, комиссар, кто владеет средствами информации, тот всегда прав.

Они еще немного постояли. Марчетти переминался с ноги на ногу: ему не терпелось поскорее уйти. А Бек точно застыл, упершись взглядом в землю.

Сайкс вздохнул и посмотрел через долину на противоположные холмы, по которым вилась дорога. То не был вздох облегчения, ибо Сайкс никогда не считал, что работа закончена. Больше всего на свете ему хотелось сейчас посидеть минут пятнадцать в ванне, чтобы смыть с себя грязь этих последних суток. Он тронул Бека за рукав, как бы предлагая двинуться в путь.

Раздался голос Моргана, продиравшегося к ним, и все трое повернулись. Бек метнул гневный взгляд на Сайкса, сбросил с себя его руку и молча зашагал по рыхлой земле в направлении дороги.

notes

Примечания

1

Дворе *(исп.)*

2

Крестьян *(исп.)*

3

Свинья *(исп.)*

4

Бригада по расследованию и обеспечению безопасности *(исп.)*

5

Действующие лица *(лат.)*

6

Имеется в виду цитата из Библии: «…легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное» (Новый завет. Евангелие от Матфея, XIX, 24). – Здесь и далее примечания переводчиков.

7

Бог из машины *(лат.)*, то есть неожиданно появляющееся лицо, которое спасает из безвыходного положения.

8

Жителя гор *(исп.)*

9

Управление департамента уголовного розыска, осуществляющее функции политической полиции.

10

Глава столичной полиции именуется комиссаром.

11

Свершившийся факт *(франц.)*

12

Комиссара Бека, пожалуйста *(франц.)*

13

Бек у телефона *(франц.)*

14

Нормально *(франц.)*

15

До свидания *(франц.)*

16

Краткая биография *(лат.)*

17

В Лэнгли находится штаб-квартира ЦРУ.

18

Длинного батона *(франц.)*

19

Как угодно, как придется *(лат.)*

Сердечном согласии *(франц.)*

21

Внешнего кольца бульваров *(франц.)*

22

Привет *(франц.)*

23

Партизан, маки *(франц.)*

Иконоборчества *(франц.)*

Английского пуританства *(франц.)*

26

Какое совпадение! *(франц.)*

27

У Эрнеста Хемингуэя среди журналистов была кличка «Папа».

28

Бернхардт Беренсон (1865–1959) – критик-искусствовед.

29

Игорный автомат.

30

Гостиницы *(франц.)*

31

Меню для туристов *(франц.)*

32

Запеканку с мелко нарезанными кусочками сала *(франц.)*

33

Шестьдесят франков за три минуты *(франц.)*

34

Ничего не понимаю *(франц.)*

Исчезнувших *(исп.)*

Ежиком *(франц.)*

37

Приверженцем генерала де Голля, главы французского правительства в 1944–1946 гг. и в 1958–1969 гг.

Леваком *(франц.)*

«Фешенебельных» *(франц.)*

40

Из очень хорошей семьи *(франц.)*

41

Округа *(франц.)*. – В Нейи и шестнадцатом округе Парижа живут самые богатые и аристократические семьи.

42

Интрижки *(франц.)*

43

Доблестный *(франц.)*

Особенно анархисты *(франц.)*

До свидания, мсье *(франц.)*

46

Комиссар Бек у аппарата, господин министр *(франц.)*

Слойки? *(франц.)*

Жизнью на чужбине *(франц.)*

49

Королевский военный колледж в Великобритании – привилегированное высшее учебное заведение.

Бюрократических мастурбаций *(франц.)*

51

Германская группа специального назначения ГСГ-9. Подразделение, получившее название "Группа пограничной охраны 9" ("Grenzschutzgruppe 9" — GSG-9), было сформировано после кровавых событий на Мюнхенской Олимпиаде 1972 года

Специальной авиаслужбе (диверсионно-разведывательной).

53

Воинское звание во французской армии.

Быстро, тебя ждут *(франц.)*

55

Прозвище герцога Веллингтона (1769–1852), командовавшего англо-голландской союзной армией в битве при Ватерлоо.

Здесь *(искаж. исп.)*

57

Мерный бег десантников *(франц.)*

Поехали! *(франц.)*

59

Дерьмо *(франц.)*

Потаскуха! *(франц.)*

Да, шеф *(франц.)*

Автоматчики, за ним! *(франц.)*

63

Левее! Левее! *(франц.)*

Что ты хочешь этим сказать? *(франц.)*

Смотрите! *(франц.)*

Ждать! *(франц.)*

Ну? *(франц.)*

Мы его потеряли *(франц.)*

69

Господину министру *(франц.)*

Мы их возьмем *(франц.)*

Следуйте за мной, господа *(франц.)*

72

Мы сдаемся! *(франц.)*

73

Выходите… руки на голову! *(франц.)*

Ко мне, легионеры! *(франц.)*

Ладно. Я пошел *(франц.)*

Вы кто такой? *(франц.)*

77

Национальный день США.

Но… *(франц.)*